

М.А. Хадаханэ

ТУВИНСКИЕ СТРАНИЦЫ

Кызыл
2020

М.А. Хадаханэ

ТУВИНСКИЕ СТРАНИЦЫ

Кызыл
2020

УДК 82(571.52)
ББК 8С(Тув)
X14

Печатается по решению Ученого совета
Тувинского государственного университета

Хадаханэ М.А.

Тувинские страницы / М.А. Хадаханэ. – Кызыл: Изд-во
ТувГУ, 2020. – 217 с.

ISBN 978-5-91178-176-7

В научно-популярном издании замечательного филолога и прозаика, члена Союза писателей России и СССР М.А. Хадаханэ «Тувинские страницы» представлены воспоминания о становлении писательского искусства, о творчестве известных писателей и поэтов Тувы. На страницах книги мы встречаем и образы других людей, каждый из которых, обладая неповторимыми чертами характера, оставил свой след в истории нашей республики. Это книга воспоминаний о людях и событиях «из советского прошлого». Тексты даются в авторской редакции.

Рецензенты:

Херел А. Х., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института развития национальной школы Республики Тыва

Монгуш Е. Д., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Тувинского государственного университета

ISBN 978-5-91178-176-7

© ТувГУ, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСПОМИНАЯ.....	4
ТУВИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ.....	16
ПОРТРЕТЫ	38
АЗИИ МОЕЙ ЛИЦО	88
ЛИТЕРАТУРНЫЕН ВСТРЕЧИ	124
ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ.....	165
О МОРАЛИ.....	173

ВСПОМИНАЯ

Тайная страсть

Полвека читаю и пишу в «Тувинскую правду». Пришла в отдел культуры к молодой В.Е. Межовой с первыми заметками, статьями о Пушкине, Горьком, Толстом, потом стала писать рецензии на спектакли тувинского театра, на новые книги тувинских писателей. Газета помогла самоопределению, научила дисциплине слова, познакомила со множеством интересных людей: артистами, учителями, старожилками.

Рождались мысли, записывала, успеваю смотреть вглубь себя, слушать, ловить что-то точное, единственно верное. Незаметно рождалась фраза, за ней – другая, третья. Газета учила понимать человека, смысл его жизни. Помню, мы делали страницы тувинского фольклора, монгольской литературы, поэзии народов-соседей.

Мы все вышли из советского прошлого, были искренними патриотами, интернационалистами, верили в светлое будущее. Вспоминаю газету тех лет – обязательная передовица, перепечатка общесоюзных материалов ТАСС, много казенщины, официоза. Звонила пламенная С.В. Козлова. Заказывала отклики на события, очерки. У нее в блокноте было триста адресов корреспондентов. Интересно проходили встречи соборов и юных поэтов литературного объединения «Исток».

Последние 10–15 лет демократии обернулись не только свободой, но и хаосом, анархией, разрушением морали. В десять раз упал тираж, меньше стало веры СМИ, изменились идеология

и стиль. Газету едва ли читает каждый четвертый житель, обидно и больно. Трудно шло выживание «Тувинки», разбежались журналисты и авторы. «Тувинка» в свои 80 лет не бабушка, а женщина бальзаковского возраста – вокруг нее теснятся десятков новых газет. От ее ствола – новые черенки. Хотелось бы пожелать ей больше читателей, полновесной, а не пустой строки, интересных идей и авторов. Она остается газетой летописью Тувы, как и «Шын». Мать – родоначальница печати.

...И снова с трепетом раскрываешь страницы газеты: как выглядит твоя статья после печатного станка? А в голове уже рождаются новые строки – вот такая тайная страсть...

В родстве с газетой

Осенью 1955 года пришла в «Тувинскую правду» в старый двухэтажный домик на Ленина, напротив МВД, поднялась по скрипучей крутой лестнице и познакомилась с Варварой Межовой, получила первый заказ на литературные юбилеи Мицкевича и Гейне и вскоре увидала их в газете, даже вдыхала запах типографской краски от радости.

Помню первый очерк о ветеране милиции Крестинском, материалы о художнике И. Салчаке, географе-ученом К. Шактаржике, режиссере С. Оюне. С трепетом писала о «Вассе Железновой». М. Севильба мощно играла. Герой моего очерка – врач Р. Вайнштейн – умная модная женщина с богатой библиотекой.

Тема войны возникла после встречи с узницей концлагеря «Бухенвальд» О. Столяр – была потрясена ее судьбой и оптимизмом. Народный врач А. Канунников освобождал Краснодар, и такие живые детали он помнил... Фронтовик Н. Галацевич говорил, что от его белорусской деревни не осталось ничего. Поразила семья Соколовых – погиб почти весь род (я училась с Гришей и Федей), там свято берегли похоронки, письма с фронта – выстояли вдовы в тылу, их дети и внуки. Бурят М. Убаев дошел до Берлина, налаживая мосты и переправы, и в Туве работал на новостройках комбинатов и городов.

Учитель А. Мартынова обладала исключительной

памятью о Туве 30–40 годов и стремлением выразиться в стихах и сказках. Приятно было знакомство с педагогом-музыкантом И. Мининым, его украшали скромность и большая внутренняя культура.

Любила писать о старых кызылчанах – медсестре Ф. Зыряновой, а позже о ее сыне, баянисте Михаиле. Возникла история города, обычаев.

Восхищалась красавицей и умницей учителем В. Ладановой. Рано ушла она. Вообще об учителях часто писала, ведь сама была педагогом, ездила со студентами в села. Встречала в Постоянном С. Тамдын-оол, М. Дробышевскую из Тээли, Е. Путинцеву из Федоровки, А. Орлову из Сарыг-Сепа, Н. Мистрюкову из школы № 2. Постарели учителя, но у всех в сердце главное – любовь к детям.

Любимая тема – семья, именно в ней закладывается доброе, теплое в человеке.

Ч. Дажы-Норбу составила огромное родословное древо семьи. Библиотекарь С. Ооржак ранее была трактористкой, училась в Москве, помогала поднимать братьев и сестер, пережила аварию – всегда надежда и опора, прекрасной души человек. Семьи Соскаров из Тоджи, Сапоговых, Дупчуров, Артас, Прокопьевых, Даржаа-Марковых...

К 90-летию Кызыла искала ровесников города, и какие истории помнят старожилы. Как надо жить, чтобы жить долго. Архивы, фото, поиски, письма. Некоторые молчуны, но если разговорить, такие редкие детали вспоминаются!

Гости Тувы – ершистый первооткрыватель Бугровский или фрау Эрика Таубе. Взгляд со стороны, огромная культура и неизменная любовь к Туве, ее природе и людям. В трудные для меня 70-е годы люди спрашивали: почему не пишешь? И это помогло вернуться к журналистике. Активно писали в газету романист К. Кудажы, Е. Танова, М. Кенин-Лопсан.

Помню, как росли и становились асами В. Куликов, А. Тока, А. Русский, В. Локонов. Каждый из редакторов «Тувинки» вносил свой вклад. В. Ананьин, Н. Курбатский, Б. Беловолов, А. Богданова, Н. Растрепин и В. Маслов... Моими главными «работодателями» были добрая сердечная Варвара Межова,

пламенная Светлана Козлова. Они не забывали своих авторов. У меня сохранились такие строки: «Дай нам рецензию, Мария, и очерк о собратях дай, дай нам заметки путевые под рубрику «За далью даль», возьми роман или поэму, чтоб четкий был анализ дан, а также подсажи проблему, когда мы составляем план. Дай нам, Мария, размышленья, побольше дай, и без сомненья... а мы дадим твои статьи» (С. Козлова в 1983 году).

Писала о людях разных профессий – о первом шофере Тувы В. Сапогове, геологах, милиционерах. «Заказывала» воспоминания Л. Гребневу в Луганск о годах в Туве, Г. Сабирзянову в Казань, сыну Н. Сердобова Саше в Полтаву, дочери С. Пюрбю в Севастополь, о династии учителей Дятловых. Пробовала разные жанры: интервью, репортаж, портреты, путевой очерк. Проблемная публицистика в годы перестройки вызвала отклики: разговор о печальном, новом образе жизни кызылчан, талант человечности, как любить и беречь наш город, о будущем культуры, о чистоте русского языка, легко ли быть старым... Были одобрение, дополнение или несогласие. Это помогало писать, искать, двигаться.

Трудно найти путь к сердцу человека... Были удачи, и ошибки, конечно.

Сейчас выросло новое поколение журналистов. Радует мастерство, эрудиция, равнодушие М. Кенин-Лопсан. Пишут молодые живо, эмоционально, но иногда поверхностно, спеша за актуальностью темы. Этика журналиста: порядочность, писать, не передергивая, о реальной жизни, глубоко по мысли, деликатно о личности, с заботой о красоте слова. Бывает броский заголовок, а за ним пустота. Не чувствуется кругозора, уровня начитанности в образцах журналистики, да и литературе.

«Тувинка» в свои 85 лет остается родоначальницей печати. Как ветеран печати желаю процветания, вдохновения, острого пера, интересных идей и авторов родной газете!

Кино любимое...

Кино было главным зрелищем в маленьком городе. Помню рассказы старых тувинцев о первом кино – «Чапаев» и «Путевка в жизнь». Школьниками бегали в старый зимний

кинотеатр «XXX лет ВЛКСМ», позже – Дом пионера, теперь там площадь Арата. В 1960-е годы появились новый книжный магазин, ресторан «Улуг-Хем» с античными колоннами, в 1961-м открылся широкоэкранный кинотеатр «Найырал» – красивое здание в центре города – любимое место отдыха. Минуло 45 лет, есть что вспомнить.

Перед сеансом шла кинохроника. В фойе всегда была (фотовыставка киноартистов. Многие девушки тогда собирали открытки любимых артистов, стояли они тогда 75 копеек. Юные кызылчанки следили за нарядами-фасонами-прическами, искали идеал. Хотелось быть похожими на А. Ларионову, Э. Быстрицкую, Т. Самойлову, И. Алферову. А парни, наверное, брали уроки мужества у В. Тихонова, Н. Рыбникова, В. Ланового, Г. Жженова, Н. Еременко, Л. Быкова... С упоением они смотрели «Белорусский вокзал», «В бой идут одни старики», «Пираты XX века», «Экипаж». Ждали с нетерпением премьер.

Были общественные просмотры с обсуждением лент «Как закалялась сталь» с В. Конкиным, «Берег», «Дерсу Узала» с М. Мунзуком (1975 год). Часть зрителей увлекалась индийским кино – «Танцор диско» и т. д. Видимо, привлекали музыка, танцы, восточная экзотика. Были зрители-интеллектуалы, их интерес – «Доживем до понедельника» с В. Тихоновым. Они читали журналы «Советское кино», «Экран», знали имена режиссеров, следили за рецензиями В. Локонова в «Тувинке», пробивались на закрытые показы в кинопрокат или зал ДПП. Французское и итальянское кино – редкость, старались «поймать», не пропустить работы В. Де Сика или Ф. Феллини. Так мало знали о зарубежной жизни и кино...

Тогда не было «желтой» прессы и говорили больше о содержании и форме. Разглядываю кинооткрытки тех лет и вспоминаю, как смотрели и сравнивали «Войну и мир» (советский фильм и американский), Наташу и Болконского, «Москва слезам не верит» (советская сказка о Золушке), кружение леса и Веронику – Т. Самойлову на вокзале в «Летят журавли». А «9 дней одного года» с И. Смоктуновским – такой необычный образ ученого-физика и «Гамлет» с ним же. Резкий

«Председатель» М. Ульянова. «Анна на шее» поразила красотой А. Ларионовой. Мало кто тогда знал, что Н. Рыбников («Высота» и «Весна на Заречной улице») – такой простой рабочий парень – рядом с ней.

Приезжала в Кызыл киноэкспедиция «Неотправленного письма» (о разведчиках дороги Абакан – Тайшет), заболели артисты Н. Рыбников, Г. Юматов, Т. Самойлова, повезло медикам, увидели их близко. Вообще иногда филармония «завозила» даже Л. Чурсину, Е. Леонова, тогда были встречи со зрителями.

Какой ажиотаж вызвал «Человек-амфибия» с В. Корневым – Ихтиандром и А. Вертинской – необычный сюжет и удивительная красота героев. Люди всегда тянутся к красоте... Всегда любили такую народную Н. Мордюкову, особенно в «Простой истории», фраза из фильма «Хороший ты мужик, но не орел» стала, выражаясь современным языком, слоганом. В. Шукшин вышел стремительно в «Калине красной» в кирзовых сапогах: сильный нрав, талант, юмор, неповторимый язык.

Менялось кино, появились новые типажи; в переходное время 1990-х на телевидении – американизация: кровь, убийства, разгул низменных страстей. Люди перестали ходить в кино по бедности, но с добрым чувством вспоминают толчею перед кассой – предвкушение встречи с настоящим искусством в полутемном зале. Обмен репликами, ощущение плеча соседа, который не обидит, а вместе с тобой поплачет, посмеется, будет переживать рядом... Это часть нашей жизни.

Хорошо хоть ТВ стало чаще показывать классику советского кино: фильмы с Н. Гундаревой, Г. Польских, М. Тереховой.

Спасибо тебе, «Найырал», за славное прошлое! С праздником! Пусть обновятся твои стены, ты еще послужишь молодому поколению кызылчан.

В парке старинном...

С парком, любимым уголком Кызыла с 1945 года, связана вся жизнь. Помню выставку сельхоздостижений, смотр физкультурников на стадионе в 1949. Любила бродить от парка

до «Востока» сквозь заросли шиповника, черемухи, переступая через упавшие деревья. Звенели кузнечики, летали бабочки, приятно пахла полынь, которую рвали на веники.

Центром притяжения по вечерам была «веранда» – круглая площадка около кинотеатра «Летний». Оркестр играл вальсы и фокстроты, в 1949–50 гг. танцевали падеграс, падекатр, краковяк. Приходили ребята и девчата из первой и второй школ, педучилища. Танцевали самозабвенно: парни чуть стеснялись, девчонки были активнее. Расходились большой толпой, даже мост раскачивался, было много смеха и визга. В «Зеленом» театре проходили смотры самодеятельности из районов. Народу собиралось до отказа, сидели даже на заборе. Рядом работал летний ресторан-«юрта». В парке летом располагался лагерь отдыха или детсад. Мужчин привлекал бильярдный зал около памятника Горькому, дети катались на лодках, зимой на Виланах – на санках и лыжах. Часто попадался пласт угля. Любимое место купания – островок на Енисее за дамбой. Малышня плескалась в протоке, ныряла с тарзанки.

Центр парка был украшен портретами передовиков и фронтовиков, было много цветов. Атракционов было мало: качели, карусель. У многих кызылчан, и не только, в альбомах – фотографии смеющихся детей, запечатленных в нашем парке. Работал фонтан у читального зала рядом с моряком и пограничником. На стадионе «Хуреш» – сотни людей под жарким солнцем, а еще многие играли в волейбол и городки. В Троицу народ с сумками шел посидеть в тени тополей, покусать и выпить. Каждую весну были субботники по очистке парка.

Тысячи поцелуев влюбленных помнит парк.

...А потом сгорел летний кинотеатр, куда охотно ходили люди, затем и бильярдный зал, появилось больше аттракционов, и уже не стало того огромного лесного массива до «Востока», до лагерей... Не стало самого большого естественного природного парка Сибири, которым гордились, и показывали гостям. Абакан и Красноярск бледнели перед ним со своими малыми посаженными парками.

А в 90-е годы стало опасно гулять там из-за разбоев и

драк. Мы с подругой любили посидеть на лодочной станции у воды весной, вспоминали, как готовились к экзаменам в лесной чаще среди огромных тополей. Здесь, в этом дорогом сердцу уголке, выросли мы сами, наши дети и внуки. На протоке провожали зиму, устраивали праздник Нептуна с русалками. Уезжали, но о парке вспоминали в других городах.

Шумит другое поколение и другая музыка звучит. За 80 лет парк дал отраду тысячам отдыхающих. Это лирическая история Кызыла и его жителей. У воды под сенью тополей можно сидеть бесконечно. Природа лечит душу. А парку нужна забота.

Эта первая школа

Кызыл сороковых послевоенных годов. В центре города пески и караганник. Мальчишки вечно играли в зоску – почекушку, цеплялись крючками за редкие тогда машины, а в зимнем кинотеатре крутили трофейные фильмы вроде «Индийской гробницы» и пела певица перед сеансом. Идешь с улицы Авиации – последней в том краю и мороз с туманом до школы № 1. Весь город ходил в эту школу. Топились печи-голландки, грелись у нее спиной. На переменах в коридоре старшеклассники танцевали танго «Брызги шампанского» и вальс «На сопках Манчжурии». Малышня с любопытством глазела, ее то и дело прогоняли. По коридору проходил большой огненно-рыжий директор Н.П. Иванов, родом из Питера. Все бросались врассыпную – таким он казался грозным. Математике учил сухой Радкевич, химии – солидная Крылова, завзятая театралка; географии – громкоголосая общественница Старостенко, немецкому с короткой стрижкой – Дятлова и большой учительской династии, истории строгая Сухорукова, физике – любимец и кумир школы Севастьянов. При нем был хороший кабинет физики, там вспыхивала вольтова дуга, стояло много таинственных приборов. Девчонки поголовно влюблялись в физика и его предмет. Зато часто обижали старушку-«немку» Андрианову, прячась от урока в раздевалке. Она входила в класс, и начиналось общее чихание. Много было проделок, а язык она знала отменно. Литературу вела словесник

от Бога Роза Владимировна Белкина – маленькая хрупкая с огромными лучистыми глазами и локонами до плеч. Ее обожали за молодость и обаяние, она читала сцены из только что опубликованной «Молодой гвардии», рассказывала в темном классе про «Голову профессора Доуэля» Беляева, провела прекрасный вечер Горького и вся школа знала, что Радда и Лойко – самая красивая пара на танцах. Чтобы угодить любимой учительнице весь класс искал в книгах причастные и деепричастные обороты и даже между собой говорили этими фразами – получилось забавно.

Зимой учителя подготовили спектакль «Васса Железнова» и выступали рядом в театре – Крылова, Плюснина. Белкина и все смотрели затаив дыхание, узнавая преображенных педагогов. Жена директора Юдифь играла на фортепиано, часто звучала музыка в старом домике во дворе, где была школьная библиотека. Хорошие традиции заложили русские учителя, работавшие в годы войны: Шешуков, Бобкова, Уланов. Это были интеллигентные люди из Москвы, из центра. Они создавали культурную атмосферу города.

Из первой школы вышли известные, теперь уже ветераны: Прокопьева, Губанова, Новикова, Тешукова, Табаева, Дятловы, Строкова, Капустин, Ладанова, Слободчикова.

Учителя – живые люди со своими плюсами и недостатками. Сколько помню, дети не воспринимали холодную строгость, злопамятность, догматизм, отсутствие душевного тепла, стремление подавить ученика. Уважением пользовались учителя зрелые, эмоционально гибкие, умеющие сомневаться и удивляться, всегда в потоке жизни, поисках нового, движении вперед. Школа – всегда алый парус надежды.

Виланы, парк, каток, радио, патефон, кино – наши развлечения.

В 1948 году открыли на Кочетова женскую школу № 3. Так жалко было расставаться с мальчишками, с ними было веселей. Приглашали друг друга на вечера в свои школы, начались первые увлечения. Разделение невольно обострило романтические отношения.

Новая школа была большая, светлая, но холодная,

занимались в одежде. Работали в ней тогда Губанов, Табаева, Григоренко, Сердобова, учителя физики, химии часто менялись. Первый этаж отдали музыкальной школе, и мы привыкли к музыке.

Вспоминая ученых

14 лет работала в стенах ТНИИЯЛИ (ТИГИ) в 50–60 годы после университета. Зарплата - 120 рублей. Светлую память о себе оставили А. Пальмбах, Н. Сердобов, Ю. Аранчин, Л. Гребнев, А. Грач, М. Биче-оол, А. Калзан, В. Очур, Ш. Сат, И. Кызыл-оол, В. Дубровский, О. Толгар-оол. Каждый был личностью со своей изюминкой. Хочется воскресить их в памяти людей. Их отличало трудолюбие, увлеченность, глубина знаний и человечность во всем.

Человеком глубокого ума и культуры был фронтовик Николай Алексеевич Сердобов. Он был директором НИИ 15 лет (1951–1966), воспитал первых кандидатов наук.

Николай Алексеевич хлопотал о квартирах и защитах, связывая с научными центрами, требовательный предельно, но с добрым сердцем – все чувства внутри.

Создал 3 монографии по истории Тувы, а еще написал 5 книгпрозы. Был депутатом В.С. Прошел войну разведчиком до Берлина – 5 боевых орденов. Много успел за свою жизнь – учиться, воевать, учить. 40 лет на благо Тувы. – Поражала настойчивость Л.В. Гребнева, раненого фронтовика с рукой на перевязи и упорство, с которым он штурмовал науку в 1950–1975 годы, вгрызался в нее. Сражался в рядах защитников Москвы в дивизии Панфилова. Начинал с Тоджи, где овладевал языком. Написал труд по Тувинскому Героическому эпосу, занимался проблемами оседлости аратов, рабочим классом, переводил сказания о богатырях, был также организатором и автором глав «Истории Тувы». Уехав в Луганск не прерывал связей с Тувой. Ему 86 лет. Так хочется в Туву - говорит он с Украины в праздники.

Историк В.Ч. Очур в 1953 году закончил восточный факультет ЛГУ. В 1960 году защитил диссертацию, провел большую работу в рукописном фонде, написал 40 статей, читал

лекции студентам Политеха. Был немногословным добрым человеком, дружил с моим мужем Д.К. Хадаханэ еще с Ленинграда, выступал на его защите в Иркутском госуниверситете в 1975 году.

Незабываем академик Ю. Аранчын – вечная работа мысли, упорство в познании истины, беспокойство и неудовлетворенность, горячее стремление всех вокруг заразить своими идеями – Тува в годы войны, восстание 60 богатырей, малоизученные страницы истории. Он прочел тысячи страниц статей, диссертаций коллег, был критичен, как марксист. Яркий оратор. Необычно живой склад ума. Звал в гости, когда приезжал башкы В.М. Наделяев.

Удивлял как личность В.А. Дубровский. Он был сирота – детдомовец и имя ему дали литературное по Пушкину. Долго и упорно работал в архиве, в обкоме лектором, читал лекции студентам. Много сделал по изучению Конституций Тувы, хорошо изучил и описал архивные источники по русско-тувинским политическим отношениям с 1914 года. Копал и находил все новые материалы. Был очень хорошим семьянином, любил туризм. Вместе ходили по горам Тоджи и озерам. Передала ему книги мужа Джима Карповича в 1976 году.

И.Т. Кызыл-оол был увлеченный экономист-ветеринар, первый кандидат наук. Тесно был связан с реальной жизнью, проводил опыты и эксперименты по овцеводству, сохранению тувинской породы, борьбе с болезнями. 5 лет работала с ним в НИИ, а потом и в КГПИ. Разнообразные интересы, знал об овцеводстве Монголии и Австралии, лечил нас «лошадиными» лекарствами от всего. Был на моей свадьбе в 1962 году, дружил с артистом цирка В. Оскал-оолом, приглашал на свой юбилей в 1973 году.

В кабинете фольклора была тишина – думали, писали. Иногда выходили во двор, который засадили тополями, шиповником. В зале делали гимнастику, играли в бадминтон, танцевали в праздники.

Ученому А.К. Калзану особый поклон как учителю. Старше меня на 3 года – большой умница. Создал большие работы по литературе, в фольклорных экспедициях собрал

огромный фонд сказок, проводил слеты сказителей, издал 5 сборников сказок, написал труд по фольклору, а еще часто выступал в печати с рецензиями как критик. При мне записывали О. Чанчы-Хоо, О. Манная и других. Эрудиция, логика, объективность, чувство прекрасного, тонкий анализ сделали его безусловным авторитетом.

Мог сделать еще больше...

Д.С. Куулар, с которым дружила полвека привлекал мягкостью, деликатностью, душевным обаянием, юмором - теплый был человек. Сколько было исхожено дорог, обсуждено разных идей на конференциях. В брожениях умов, спорах рождалась истина. Летом приезжали А. Пальмбах, Л. Потапов, А. Грач - шел интенсивный обмен мыслями с крупными учеными. Учились этике науки.

Хочу подчеркнуть добрые влияния ученых Бурятии, многие учились у докторов наук А. Соктоева, В. Найдакова, С. Балданова, М. Тулохонова. Вся радость жизни в творчестве. Жизнь коротка, а наука вечна.

Друзей моих ушедшие черты – вспомнились снова в дни Науки.

Берегу в душе общение с З. Б. Чадамба и Д.А. Монгуш – многие им лета.

ТУВИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

У тувинских писателей

Нынче Союзу писателей Тувы – 70 лет. В 1942 году приехал в Кызыл поэт-фронтовик С. Щипачев по поручению А. Фадеева. Собирали писателей, писал стихи, начал готовить переводы тувинцев, повез в Москву повесть С. Тока «В берестяном чуме». Так началась известность автора «Слово арата», переведенного на 23 языка. Среди зачинателей литературы народные поэты С. Сарыг-оол, С. Пюрбю. Первый написал «Повесть о светлом мальчике», второй перевел «Евгения Онегина» после репрессии, ареста. С. Тока 40 лет стоял у власти – написал первый историко-биографический роман. По канонам соцреализма с острым классовым антагонизмом – с ярким лирическим образом матери и ее горькой судьбе и героем – активным строителем новой жизни. Тока был первопроходцем, затем появилось 30 повестей и романов в 60–80-е годы. А первыми учителями тувинских писателей были фольклор и русские классики Пушкин, Толстой, Горький, Шолохов. Родился роман-эпопея «Улуг-Хем неугомный» К. Кудажы, любимый народом. Он ярко показал национальную историю и характер тувинцев.

В 1948–49 гг. приехал в Кызыл поэт-фронтовик С. Гудзенко. Написал очерки и стихи о шоферах, врачах, строителях и стал первым переводчиком тувинской поэзии. А. Прокофьев и П. Бровка восхищались Тувой, «навсегда заморожен я обликом...». В разные годы здесь были М. Ганина,

П. Нилин, Ю.Кузнецов. Тувинскую литературу обсуждали Н. Доризо, С. Шуртаков, С. Михалков на декадах.

В 1980г. в Туме был Всесоюзный фестиваль молодых поэтов, мастер-классы вели С. Куняев, О. Шестинский, В. Костров, Н. Дамдинов. Примечателен путь С. Козловой. Москвичка, после МГУ 40 лет отдала тувинской литературе – публицист, переводчик, мать-героиня. «Тувинский тревожный ветер над жизнью моей лети», « Азией в сердце давно принята каплею кровной» – перевела километры стихов и сама автор шести книг. Русские авторы В. Ермолаев, М. Пахомов, А. Емельянов, Е. Антуфьев, Г. Принцева писали в разных жанрах тувинскую картину мира.

«Чужая культура в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже, они взаимно обогащаются, не сливаясь и не смешиваясь», – говорил М. Бахтин. Сейчас в Союзе 30 писателей на 300 тысяч читателей. 87лет аксакалу-ученому, писателю, шаману М. Кенин-Лопсану. Красноречивый, оригинальный ум. Со мной всегда Шекспир и Гете, пою шаманский алгыш Небу, Солнцу, Земле, Воде и пишу под эту музыку сфер. За его плечами романы, сонеты, сбор и издание фольклора.

Поэт – романтик А. Даржай работает плодотворно, не боится трудных тем, ищет новые формы эмоционального воздействия на читателя «Молюсь утреннему свету», повесть «Боль души», перевел Экзюпери.

М. Ховалыг привлекает разнообразием сюжета, охотничьими рассказами, а еще он альпинист, побывавший на 6 вершинах мира, вернувшись из Непала, делится этим обилием впечатлений в своих книгах и публицистике.

Н. Куулар – поэт-философ перевел рассказы Акутагавы, принимал участие в переводах Библии и буддийских трактатов. «На рассвете росинка скатилась с цветка, вздрогнув, проснулась степь». Он может взглянуть в глаза стрекозы...

Председатель Союза Э. Мижит – поэт, драматург, культуролог. Он расширил диапазон литературы своими верлибрами. В его стихах много слоев смысла, богатство ассоциаций и особая проникновенность. Сердце и интеллект –

его два крыла. Человек-камень на краю бездны из «Расколотого мига»: здесь травы горьки от соленого пота столетий. Тува моя – ты, то самое место, где бог находит и видит меня насквозь».

Ч. Куулар издал «Поющую птицу», Е. Танова выпустила итоговый сборник стихов к своему 80-летию, автор очерков и повестей. Трогает женская лирика Л. Иргит и М. Кужугет. С. Комбу перевела роман о Чингисхане якута Н. Лугинова. М. Хадаханэ издала книгу очерков «Мы из Тувы».

Внешне картина маслом. Провели семинар молодых авторов, есть творчески одаренные девушки. Нужна учеба в Литинституте.

Союз постарел, новых авторов мало. Книги вяло выходят малым тиражом и расходятся среди родных и друзей, до глубинки не доходят. Много самиздата. Литература съежилась в именах и жанрах. Ушли за «красной солью» на 8 километр Ю. Кюнзегеш, С. Сюрюн-оол, О. Саган-оол и даже молодой А. Уержа, многие в роковые девяностые годы. Слабо дышит детская литература, нет переводов на русский язык, прервались творческие взаимосвязи. Когда-то приезжали С. Георгиевская и Г. Снегирев и прекрасно писали о Туве. Надежда не умирает – тайга и горы все также прекрасны, духовные традиции уникальны – хоомей, хуреш, шаманизм, да и строительство железной дороги и землетрясения напоминают о Саянах, Енисее, Центре Азии. Столичные издательства могли бы к 100-летию единения Тувы с Россией издать антологию «Поэты Тувы», «Рассказы о Туве», «Тувинские сказки», повести Кудажы. Непросто передать самоощущение народа в переломное время, нет равновесия, гармонии в человеке, природе, обществе. Но «задние копыта идут по следу передних» говорит пословица. Время не стоит на месте.

Грани алмаза

Он умеет удивлять: многообразием произведений, оригинальностью взглядов, жизнелюбием и силой духа. Помнятся его критические выступления на писательских собраниях, встречи в Москве и Шагонаре, неожиданные ранние утренние звонки по уточнению смысла какого-то слова. Весе-

лье, радушие на первом юбилее в кафе над протокой, резко-острые речи по радио в начале 90-х. Десять... стаканов чая в буфете на станции Тайга. Был он в странах Европы и Азии, поднимался на вершину Монгун-Тайги... Все это Кызыл-Эник Кудажи из рода Кыргысов. Он много сделал за полвека творческой работы, освоил и развил многие литературные жанры в тувинской литературе.

Вначале мне понравились его стихи о доярке, они обладали каким-то особым тоном. Потом были две поэмы... За прозой следила по рассказам «Шончалай» и «Журавли – птицы парные», – такая щемящая лирика любви, переживаний. Умел находить сюжетные ходы в «Хлебе» и «Красной шапке». Пробовал фантастику – «Человек древности». Талантливо обработал сказку «Кто полезнее?»

Он все время искал хороших переводчиков и находил: Ю. Разумовского, А. Китайника. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже – они взаимообогащаются» (М. Бахтин). Писал гимны-йорээлы женщине, коню – всего 9. Все это были пестрые завязи будущего мастерства. Театр его заинтересовал возможностью публичного открытого представления, переживания героев. Особый успех имели «Прodelки Долумы» в искрометном исполнении роли трактористки Дарый Монгуш – в пьесе зрителю нравился сочный разговорный язык, юмор. Он писал не только комедии «Инчеек», «Саянская русалка», «Дирде-Макдо», но и героическую драму «11» о тувинских добровольцах на Украине в годы войны. К.-Э. Кудажи помнил взволнованные рассказы своего отца о поездке на фронт с подарками ТНР. Собирал долго фотографии воинов, биографии, расспрашивал родных. Это был свой взгляд на историю, дань восхищения тувинскими орлами, их патриотизмом, интернационализмом. При этом они оставались простыми тувинскими аратами: «погибло их одиннадцать, а немцев больше ста» – пелось в песне.

Он быстро поднимался по ступеням мастерства. Работал, окруженный справочниками, хорошей библиотекой, предметами тувинского старого быта. Заставлял себя сидеть за столом,

подавляя желание поехать на охоту, на природу, в горы, увлекаясь темой и замыслом. Писатель второго поколения, он возрос на опыте основоположников-зачинателей и литературной учебе у русской литературы. Кызыл – Москва, а далее – весь мир. Всегда много читал, учился, общался широко с самыми разными людьми, от простых аратов до знаменитых людей.

У тувинцев есть такая мода называть детей одной семьи с одинаковой буквы. У Кудажи в лирической трилогии о молодежи «Поющий родник» тоже все части начинаются с одной буквы. Что-то в этом есть от поэзии – созвучия. Как писатель он рос и развивался вместе с героями. Читатель полюбил Эреса, Лапчара, Анай-кыс. Герои приносят в жизнь села свой задор, энергию, деловитость на ферме, на сенокосе, на чабанской стоянке. Характеры героев проявляются в предлагаемых обстоятельствах, а картины труда – на фоне лирических взаимоотношений. У героев высокие понятия о жизни, долге, совести, добре. Автора всегда волновали нравственные проблемы.

Национальное своеобразие ярче всего передается всей системой изобразительных средств: «Мысли разбегались, как ягнята»; «зимний день короток, как верблюжий хвост»; «он старался тянуть аркан разговора»; «голос как у простуженного гуся»; «слова толкались, словно овцы». Он широко используется народные речения, пословицы, шутки, юмор.

Для тувинской литературы велико значение романа-эпопеи в 4-х томах «Улуг-Хем неугомонный» («бессонный»). Он создал широкую панораму жизни тувинского народа как часть картины всего мира – всеохватно. В центре романа – судьба семьи арата Сульдема, который не становится на колени перед трагической судьбой. Добро и зло противостоят на всем протяжении. Широкий охват событий, многообразие человеческих характеров, философское осмысление исторической правды. Он учился у русской литературы, воспринимая творческий опыт Горького и Шолохова. Романист раскрыл особенность тувинского национального характера в образах Сульдема, Кежикма, Буяна, Соскара, Сузунмы, Хойлаар-оола, Саванды и других – каждый со своей особенностью: тихий,

боязливый, недоверчивый, терпеливый, завистливый, болтливый, строптивый, обидчивый – разных. Герои показаны в борьбе, в действии, в мучительных раздумьях, через них показаны духовные искания тувинского общества. Нравственные поиски и болевые точки истории народа за полвека. В романе-эпопее сплетаются быт и история, юмор и сатира, приемы драмы и публицистики. Тувинский театр поставил спектакль по инсценировке романа «Буян адашкылар» (Х. Шириин-оол) в 1992 году.

Как полно знает писатель быт народа: жизнь пастухов, охоту, обычаи, обряды, игры детей. Художественная деталь имеет свой вкус, цвет, запах в описании природы, человека, предметов быта.

Неисчерпаем запас пословиц: «всех дел не переделать, всех муравьев не сосчитать», «когда натрешь спину – ходишь иноходью», «от жадности готов облизать корыто своей собаки».

Ярки степные метафоры, сравнения, деталь: «щеки, как вымя недоенной коровы», «когда вороные бая пьют воду – река убывает», «красные плети молний хлестали темноту», «состарившаяся луна едва освещала землю» и много других.

К.-Э. Кудажу открыл дорогу тувинским писателям в создании эпопеи, детективного жанра («Плач»), острой публицистики по культу личности, экологии. «Не познаешь радость жизни, не познавши горечь бед» – говорил великий поэт. В последнее время навалилась коварная болезнь – он борется, не сдается. Написал «Самдар-номдар» – повесть о жизни. Много размышляет о смысле и цене жизни, вспоминает детство и молодость. Талант Кудажу многогранен и бесценен. Живой классик тувинской литературы. Самый плодовитый писатель по количеству книг, он имеет учеников и подмастерьев в литературном цехе – «задние копыта идут по следу передних». Старое старится, молодое растет. Пожелаем большому писателю Тувы силы духа и здоровья!

Уроки Кудажу

Он прожил большую, насыщенную творчеством, жизнь. Как рождаются писатели? Конечно, с искрой в сердце, с

солнцем в крови, обреченным на мучительный труд. Человек долго созревает как личность и творец.

Начинал Кудажу как любимый сын родителей – горячий отец и тихая мать. Познавал красоту природы, обычаи народа, увлекался музыкой и рисованием, пробовал слово «на вкус». Первый сборник, как «первый шаг» в литературу – еще наивный открытый взгляд, упоение собой, жизнью, любовью – вздохи при луне. «Только ты» и вместе с любимой – полвека.

1960-е годы – подъем в горы творчества. Лирическая трилогия из повестей «Поющий родник», даже названия перекликались созвучием. Молодые герои, труд, радость жизни. Это Анай-кыс и Лапчар. Идет накопление литературной плоти: овладение наукой построения сюжета, композиции, подачи портретов героев, пейзажей, диалогов, полилогов, деталей. Он хорошо слышал говор народа, звуки и запахи земли – читал, смотрел, сравнивал – учился у тувинских писателей и русской классики.

Кудажу был полон сил, идей, творческого азарта – за плечами опыт жизни от учителя до редактора газеты. Только бы не помешала скорось, описательность, быстрый отклик журналиста. Все глубже овладевает им жажда создать роман (1973–74 гг.). Он помнит уроки мудрого отца Кыргыса, его судьбу, рассказы стариков – ровесников века, его тревожит связь времен, судьба человеческая.

Медленно вызревает многоуровневый замысел «Улуг-Хема неугомонного». Название в подражание Шолохову – река жизни и времени. Четыре тома эпопеи: черный, красный, серебряный, золотой. Для него имел особое значение цвет, тон, колорит романа. Феодалная Тува, революционная, советская.

В диалогии совпала идея и форма, окраска эпохи. По канонам того времени. Сульдем, Буян – резкий, острый герой всегда в одном узле с народом. Здесь глубина социальных конфликтов, нравственных коллизий, народность миропонимания, усиливающийся психологизм.

Идеи – упорством и терпением победить войну, горе, кровь, боль, ложь. Черно-красный цвет как победа добра над злом. А вообще главные цвета в жизни человека: синее небо,

желтая степь, белоснежные горы, красная заря, зеленая трава.

Два последних тома по цвету уже не отвечали замыслу тетралогии. Однако явно углубляется изобразительное мастерство Кудажы, даже по художественным деталям: «Мысли разбегались, как ягнята», «Зимний день короток, как верблюжий хвост», «Аркан разговора удлинился», «Глаза, ужаленные осой», «Жадный готов облизать корыто своей собаки», «Из-за пиалы чая разглядывал девушку» – всюду приметы народного быта, вкуса, аналогия с природой.

Через главных героев показано духовное развитие тувинского общества, нравственные искания и болевые его точки. Национальные типы – как менталитет народа.

Он находил интересные сюжеты. Вопреки традиции показывал не скотовода-арата, а земледельца, детально изучал психологию кайгала прежде и теперь. Или историю репрессий. Часто предстает политиком, дипломатом, ученым-историком, экологом в своих размышлениях о буддизме, глобализации, железной дороге, распаде Союза. «Тува и Россия, как сестры».

Воздал когда-то должную хвалу партии родной и воспел дружбу народов в образах русских людей Губановых и Петровых. Шире стал смотреть на мир, открылся к всеобщему диалогу после зарубежных путешествий. Национальная культура не может замыкаться в себе. Как остаться уникальной, неповторимой и выразить себя как часть мировой цивилизации?

Он знал пять колен своей родословной и гордился этим.

Его произведения переводили Ю. Разумовский, М. Сергеев, Т. Петелина, С. Козлова, А. Китайник. Особенно плодотворной была работа с последним – переводчиком двух томов «Улуг-Хема» (1976–77).

90-е годы – спуск с перевала, время итогов. Он оставил в наследство 30 книг и 17 пьес – о тувинских добровольцах на войне, о чабанах, о новом Шагонаре. «Прodelки Долумы» (1970) идут и сейчас в театре. Всю жизнь учился писательству и самопознанию. Думается, он оставил учеников и последователей.

Трудна доля писателя в современном мире. Талант рождается редко и зреет медленно. Хотелось бы изучить

траекторию развития, модификацию образов, собрать драгоценный опыт Мастера, беречь и развивать его идеи, ибо мысль и слово не умирают. Конь потерял всадника. Кто следующий, талантливый, оседлает крылатого скакуна?..

Вспоминаю элегантного делового Кудажу в Москве на декадах Тувы 1974, 1984 годов и в Шагонаре в 1999-м в дни юбилея. Как горячо чествовали его школьники, студенты, сверстники, однокашники в театре! Мне хотелось тогда подчеркнуть роль Кудажу в литературном процессе, я цитировала поэтов Запада и Востока как властителей дум народа.

Видела его разного на собраниях, похоронах, в застольях, помню его особенные шутки и пародии. Часто звонил С. Козловой – уточнял значения слов. Позже обращался ко мне изредка, всегда рано утром – оба жаворонки – уже за столом.

Долго ломала его болезнь, но мысль не умирала. «Не могу не писать»... Яркая самобытная личность. Он – не икона, а живой человек со всеми слабостями, завихрениями. Поднимался на Монгун-Тайгу – испытать себя. Его ругали в обкоме. Он знал радости жизни и ее горести. Он много успел осуществить во всех жанрах литературы. Кудажу не просто выдающийся, а истинно народный писатель.

Вспомним его тихим добрым словом. Он оставил особую модель художественного мира и возможные пути развития литературы.

Поэзии моей лицо

Енисей образуется от слияния рек и ручейков, а литература формируется из творчества писателей разного масштаба и дарования.

Поэт Александр Даржай обладает яркой индивидуальностью, работает плодотворно: за последние пять лет – 11 книг, еще четыре – в столе. Не боится трудных тем, ищет новые формы самовыражения, добиваясь психологического, эмоционального воздействия на читателя. Как говорил известный поэт: поэзия

сгущенная форма мысли и высшая форма совершенства языка.

С возрастом поэзия Александра Даржая стала ностальгической, все чаще он вспоминает родную юрту, очаг, коновязь, звук стремян от этого замирает сердце: ... из тебя я вышел, старенькая юрта... Каждой весной меня тянет к отцовским местам... На речке Чаа-Холь души проходит боль... Ты воспитан высью горной, мягкой степью... Я уздечку ни разу в руках не держал, эх, опять бы в родимый аал...

Все это духовная опора поэта. Отсюда лирико-исповедальный мотив, интонация раздумья, плавная мелодия. Генетическая память – это связь времен, сохранение традиций. Восприятие природы, как вечной ценности: ...прижался к боку Матери-Земли, и обнимаю и прижимаюсь. Гора, как мать, согрей мне душу, покоем надели меня и силой.

Река у него закипела, взревела, застонала, заметалась. Деревья – замерзли, как люди. Он чувствует родство с огнем, воспекает обычаи народа хранить огонь для путника в стихотворении «Уголек». Поэт восстанавливает «уходящую натуру», ищет потаенные глубины национального самосознания. Пытается закрепить в памяти, оставить зарубки в сердце читателя. В эпоху глобализации глубже осознать свое и чужое, национальное и всеобщее, прежде всего – тревога за сохранение традиционных культурных ценностей. В стихе «Душа арата» – душа чистая, щедрая, трудовая, но за 20 последних лет стала другой. Изменилась и скромная тувинка – дочь степей. Часто стих завершается моралью: но гордясь, не возгордись ты, кверху нос не задирай. Помни запах молока. Душа дрожит в сомненьях и тревоге.

У «Одинокого окна», как у Астафьева, сидит, горюя и печальась, старик. Разучились слышать стон и слезы людей – не будьте равнодушны. В «Предупреждении» – сейчас ты над стариком издеваешься, придет и к тебе неуютная старость, и ты будешь на обочине жизни – ты сейчас смеешься над своей сединой.

«Двойные двери» юрты и кабинета чиновника написаны с горечью: «Здесь жизнь не спешит, словно лист прошлогодний,

бумага шуршит и вчера, и сегодня. И реют два уха над кипой указов. Тебя, словно муху, заметят не сразу... И снова он нюхать бумаги склонился».

Поэт замечает нестабильность, истощенность духовной среды. Злоба, зависть, нетерпимость. Технопрогресс вытеснил коня из жизни тувинцев. «Суд коней» только во сне – никогда машина не заменит мелодии копыт, полет коня в степи.

Особое место в лирике Александра Даржая – поклонению матери, женщине. Затаенная роль сироты без матери терзает душу. Венок сонетов – «Весь мир подарен мамой». Напевая колыбельную, она обнимает всех любовью. Больно видеть мать погибшего друга или старуху, брошенную непутевым сыном. Не случайно песнь о матери поэта любима в народе. Без любви к матери нет любви к родине.

Нежность сына переходит на любимую женщину: по радуге с неба сошла она. Девочка в очках, первое свидание, она стройна, как лиственница, и вот уже мать и бабушка, которая бережет творческий покой, и в минуту ссоры вдруг видно, «как снег натающий сияет светом ее седина». Это любви негасимый костер. Образный мир поэта пронизан мифами, острой фольклорной памятью. Здесь есть легенды, пословицы, песни, благопожелания, проклятия, мольба.

Плачет старушка, потерявшая корову, старик – украли коня. «Плач игила» играется на сцене театра – о великой силе искусства. «Две горы» – легенда о гордыне, разлучившей любящих людей.

В лирических образах философски передана идея вечного круговорота жизни, бессмертия души народа. Другие будут жить, нас заменив.

...Душе отпущен срок
на белом свете,
И впереди непройденное поле.
И я за жизнь ее теперь в ответе.
Добро творить нельзя душе
без воли.

Его со студенческих лет отличала большая жажда знаний. Среди любимых поэтов - Лермонтов, Блок, Басе, Ду Фу,

Ли Бо, переводил Гр-ибоедова, Брехта, Лорку. Сейчас вышел «Маленький принц» Экзюпери. Автор 30 книг, поэт-романтик, он широко открыт миру и полон зрелой творческой силы.

Запах жизни

Читаю книжку рассказов Маадыра Ховалыга «Поле чудес». Слежу за его развитием, привлекает разнообразие сюжетов – он держит руку на пульсе современной жизни, чувствует ее запахи. «Подушка» – Алдынай купила ее, а Даш-Чурек (Каменное сердце) помог донести домой. Любовные притязания героя неожиданно наталкиваются на буддийские взгляды девушки: идет серьезный разговор о четырех истинах буддизма, о черных грехах – гнев, зависти, злобе, о теории Пустоты. Девушке хочется любви, «новый тувинец» испугался такого оборота и просто сбежал. Два несовместимых характера обрисованы с долей юмора.

Любопытный тип чудака возник в рассказе «Хамаан» («Ничего»). Он всегда в действии, торопится – не доваривает мясо, до отвала кормит косарей, чем подавляет их работоспособность, и они не доводят дело до конца. Быстро, наспех герой разгружает юрту, поломав всю утварь; победив на хуреше, уезжает не получив награды; этому торопыге некогда обуться в сапоги, и он хлюпает в холодной воде. Сут-хольский чудик вызывает удивление и невольное восхищение своим образом жизни, люди уже не помнят его имени, а только кличку. Даже дрова не рубит, а засовывает в печку во всю их длину. Небрежность и торопливость – таков этот характер, но при этом и бескорыстие, жажда жизни.

«Поле чудес» – почти трагический рассказ о безверии и надежде, документальный слепок, осколок души, дисгармония, неприятие современной жизни, когда приходится содержать семью на деньги от сбора конопли. Автор показывает чувства, смятение молодой женщины при встрече с одноклассником

– одна вершит постыдное дело, другой ловит преступницу. Моральный конфликт перерастает в тревожные размышления о нашей жизни.

«Дух аржаана» – Эрес привез больного брата на лечение

к источнику, и здесь происходит неожиданное, фантастическое явление: маленькая змейка проскользнула в раскрытый рот уснувшего больного и, кажется, высосала слизь проклятой, болезни. Он даже смог после этого выпить чашку бульона. Чудесный вымысел слился с надеждой на выздоровление брата.

Лучшим рассказом, несомненно, самым трогательным является «Ноженьки» («Следочки»). Действие происходит в 30-е годы. В соседних аалах растут дети, вместе играют. Существовал тогда обычай усыновления, чтобы помочь сохранению рода. Пятилетняя Чечек, ее брат трехлетка Кунгаа разлучены, но они привязаны друг к другу узами любви, она любит целовать маленькие ножки брата, то греет, то щекочет их. В аалы пришла эпидемия кори, умирают дети. Взрослые не смогли уберечь малыша, отправленного в соседнюю юрту. Девочка тоскует, не понимает, почему разлучили детей. Поняв невозможность увидеть малыша, девочка ищет и находит следочки детских ножек на мокрой глине у берега. Выкопав эти следы, Чечек тайно играет с отпечатками ножек, разговаривает с братиком как с живым: заходи, садись, погрейся, где ты пропал? Нечаянно уронив глину, видит осколки – дорогие следы брата. Психологически передана печаль матери, отца, бабушки. Бесконечно трогает болезнь маленькой Чечек – ее первое горе и разочарование в жизни, иногда чересчур взрослое (скорее, самого автора).

Жанр тувинского рассказа оживился в 90-е годы: К. Черлиг-оол, Ч. Чочагар, М. Дуюнгар. Появились новые темы и разновидности жанра: очерк, новелла, притча, анекдот, исповедь, публицистика, миф, сказ. Все меньше назидания, дидактики. Рассказ больше воздействует силой психологизма героев, образами-символами, внутренней жизнью человека, вечными вопросами бытия.

М. Ховалыг пытается передать нравственный и духовный портрет народа иногда вымыслом, порой натурализмом. Заметен демократичный язык, постоянный интерес к природе. Правда, слабовата художественная форма, которую пора обретаť без пренебрежения к ней.

Тувинцы на Памире

В наше смутное время даже чудо люди встречают равнодушно, уже ничему не удивляются. Тувинцы покорили Памир!

В Красноярске тиражом в тысячу экземпляров вышла книга писателя-альпиниста Маадыр-оола Ховалыга «Загадочный Памир». Маадыр-оол – человек богатой биографии: служил в ракетных войсках, работал экскаваторщиком на асбестовом комбинате, охотник, спортсмен. Рядом в жизни была Монгун-Тайга, которая позвала крепкого парня на высоту четыре тысячи метров. Так родился покоритель гор. За 30 лет много раз восходил на нее в составе разных команд. Еще в юности прочитал «Тигра снегов», узнал имя альпиниста на Кавказе М. Хергиани, восхищался земляком К. Шомбуном, о котором написал Ю. Промптов в своей книге.

Родительские гены и постоянные спортивные тренировки помогли осуществить мечту. Он подружился с альпинистами из Красноярска, его наставниками стали ученые А. Шлепкин, В. Серeda, Ю. Курмачев – «барсы» гор и ученики. Его одолевали разные мысли: почему нет среди восходителей представителей малых народов? Но ведь еще тувинские ламы ходили в Тибет через горы.

Пришло время и час первой тувинской высотной экспедиции. Ни чиновники, ни ученые не обратили особого внимания. Так, словно это было рядовое частное дело. Зато народ откликнулся на марафон – несли все, что могли: еду, деньги, давали свои флажки вдохновения, и они очутились на Памире – Хан-Тенгри, пике Ленина.

Автор подробно описал подготовку: сбор снаряжения, провизии, лекарств, маршрут. Книга полезна для развития туризма в Туве: как и что делать, как лучше организовать прием гостей. Он пишет, что киргизы – трезвая нация, и это важно для туризма – не только гостеприимство, но и обязательность, дисциплина в мелочах обслуживания.

Они взяли с собой тувинский далган, курут, сухую бычьей кровью. Ведь и воины Чингисхана питались этой едой и покоряли огромные пространства. Конечно, биологи,

физиологи, наши врачи – кандидаты наук, могли дать свои задания для проверки состояния организма и т.д. Альпинисты взяли с собой кассеты с тувинскими песнями, знакомили с ними другие народы. Там были испанцы, чехи, немцы, иранцы – около сотни людей в сезон лета.

Зримо показал трудности восхождения: недостаток акклиматизации, ветер в лицо, огромные трещины, бесконечный гул лавин, тяжесть рюкзаков, недостаток кислорода, огромную жажду, физическую слабость – горную болезнь. Подробно описано состояние М. Кончука, Мачука Томочакова, Марианны Сурунчап, А. Федосенко, особенно бережно – состояние женщин. Разговоры о слабости женского организма, есть даже запреты, но тибетка и японка поднимались даже в возрасте.

Можно удивляться, как в 59 лет человек отважился на такое восхождение. Дома ждут жена Рада, трое дочерей, шесть внуков, а дед упрямо штурмует Памир – 7134 м. Риск был велик – можно остаться под лавиной или в темной бездне трещины, как было в 1990 году – 43 альпиниста остались там навсегда.

Все ближе цель – все меньше сил. Принято верное решение: спуститься вниз для отдыха. И потом – подниматься вновь. У них не было страховки. «Надежду может съесть собака». Ни шагу назад, только вперед, не жалея ни сил, ни души – не сгибаться и не ломаться. Кашель, густеет кровь, может быть отек легких. Тувинцы выдерживают лютые морозы: дух – крепкий. На Востоке люди более терпеливы, несуетливы. Шли мелким шагом, как к Мавзолею. Каждое движение состоит из массы волевых усилий. Опыт – это сгусток энергии. И снова подъем. Один шаг – вдох и выдох. В голове никаких мыслей, только борьба за обладание чистым воздухом занимает все сознание. Время растянулось, как речная вода – ни конца, ни начала. Оно потеряло свое измерение, стало аморфным. Не было даже радости, восторга от покорения вершины. Выжаты все соки до последней капли.

Радость пришла позже, после спуска. Флаг Тувы – бело-желто-голубой – остался на Памире как символ мужества.

Перечислены 8-тысячники мира – как возможная цель для следующих тувинских альпинистов. Пока есть на свете

такие крепкие духом и телом люди – нескончаемо человеческое поколение во Вселенной, бессмертно.

Автор не стесняется писать о недостатках в подготовке: много лишнего груза, отсутствие врача, страховки, недостаточная акклиматизация. Но победителей не судят.

Язык повести Маадыр-оола Ховалыга – простой, демократичный, с тувинскими поговорками, любимым словечком «хлеще» и спортивными терминами.

«Мотор загудел, словно тяжелобольной», «цвет воды отвратительный, как у помоев», «темные скалы, как кляксы на леднике», «голос стал, как у законченного алкаша».

20 книг уже читают в Красноярске. Книга интернациональна, дружелюбна – высота сближает сердца людей. Тепло о киргизах, обмене подарками: раздали все и всем от души. Президент Киргизии К. Бакиев прислал автору: «Меня радует, что в вашем сердце живет чувство родства наших народов, а также то, что в вашей памяти навсегда осталась прекрасная красота наших гор» и пожелал покорения высот «вашей мечты».

Мы узнали из книги М. Ховалыга цену победы над собой, вечное стремление человека что-то узнать, открыть новый неизведанный мир, гордость за свой немногочисленный народ – тема патриотизма звучит отчетливо, пока есть такие романтики, пассионарии – люди энергичные, активные, волевые, спортивно честолюбивые, будет происходить движение общества вперед. Не только в спорте. Он стал снежным «барсом» из Тувы. Можно было бы пожелать большего психологизма в характерах героев, меньше стилистических ошибок, но повесть выводит читателя за Саяны в неведомый мир первопроходцев и этим увлекает. Победа не приходит от лежания, ее надо, не дрогнув, взять. Не рискуя не добудешь. Таковы гуманные моменты книги. Она поможет мальчишкам, краеведам, родителям в воспитании активного целеустремленного характера.

«Окликает меня Тува» –

так называется сборник стихов Комбу Бижека – москвича, майора-пограничника в отставке, поэта и камнереза. Издан он в Красноярске при содействии Межпромбанка (170 стр.). Лирику читают тогда, когда она перекликается с чувствами читателя, есть резонанс. Большинство людей стихов не пишут. Ленивый и нелюбопытный читатель проходит мимо поэзии. Что же вызывает расположение к творчеству автора?

«В такт песне стучали копыта коня...» Уже привлекает мелодичность перевода. «Белый козленок лежит и молчит у пастуха на широких плечах». «Где-то овцы жуют, где-то топчется, фыркая, конь». Волчица в целости желудок оставляет, чтоб унести в нем волчат. Это правда жизни в деталях.

В книге много баллад и назиданий. Автор вспоминает мудрые пословицы народа: через прошлое не перешагнешь, в степи даже по тени можно узнать человека, тоску слезой не оседлаешь, только потерянному узнаем настоящую цену, десятью дорогами одновременно не поскачешь.

Некоторые стихи хочется заучить на память: «Осенняя стрижка», «Моим старикам», «Хожу всю ночь тропой воспоминаний», «Саяны дремлют в серебре», «Алима», «Лишь только день...», «За юртою в полночь», «Тайная молитва» – сколько разных чувств и настроений. Прекрасны многие переводы В. Гордеева, они сделаны с чувством, вкусом, любовью к Туве и автору, что так редко теперь встречается. Книгу приятно держать в руках.

Детство, любовь к матери, красота природы, родня и друзья – обычные темы тувинской лирики. Новое – зов родины, тоска по Туве: «Когда вдруг в трубку телефона мне по-тувински говорят, – как бьется сердце учащенно, мерцает радостью мой взгляд». Только вдали от дома, прослужив на границах России и 30 лет живя в столице, поэт чувствует со всей силой зов Родины. «Я – сын Тувы»; «Прошу, орел, тебя лишь об одном, – ты от меня ей помаши крылом»; «Вдали от родины живу и воздухом Тувы дышу»; «И сердце в степь, как жеребенок, хочет»; «...Велик и могуч ты, тувинский сыгыт!»

Он побывал в Питере и на родине Шевченко, ценит

монгольских побратимов по службе на границе, он широко повидал мир, но сердце помнит речку детства Нарын. Он пишет баллады о парном молоке и взаимопонимании. Автор воспеваает оживший камень и шахматы, высказывает поэтические благопожелания всем видам скота – украшению и богатству Тувы – сарлыку, оленю и флегматичному верблюду. Забавны и познавательны его детские стихи «Мы играли с солнцем в прятки».

Новая тема – буддизм в Туве: нельзя уничтожить бессмертие веры. Это караван познания, океан мудрости, послание через века драгоценных истин: пусть богатство будет верным средством, чтобы делать на земле Добро. Поэтическая попытка проникнуть в суть вещей.

Большое место занимает поэма судьбы «Окрыленное сердце», она посвящена артисту цирка В. Оскал-оолу. Это излишне подробная поэтическая биография, местами явно затянутая за счет трафарета и парадности одописи 1980-х годов. Замысел показать судьбу артиста на фоне развития Тувы не очень удался, хотя есть живые места о любви, семье, внутренний голос артиста. «Их трюки – как волшебные ключи, для радости все души отмыкают, и вновь аплодисменты не смолкают, а от улыбок расцветают лица».

Лиризм, своя интонация, умение передать настроение человека, философский взгляд на жизнь, оригинальная манера письма Комбу Бижека наполняют тувинскую поэзию драгоценной струей свежести. А мы на цыпочках отойдем в сторону, не мешая поэту колдовать и творить.

Стихи для души

Наконец после многих лет ожидания вышел сборник стихов Эммы Цаллаговой «Мелодии для летящей птицы» в издательстве «Эне созу» (редактор С. В. Козлова). Маленькая книжка в сто страниц читается на одном дыхании. Это о любви, только о ней. Настоящие женские стихи, поэзия интимной жизни сердца.

Поэт открыто, доверительно, эмоционально говорит о надежде, ожидании, тоске!, печали, размолвке, обиде, утрате,

одинокости, прощании... Стихи Э. Цаллаговой отличаются внутренней силой, психологизм, богатство метафоры.

...Туманным запахом воды дышали скошенные травы. Август топтался по полянам. Листьев шаль. Дождь вызванивает и пробегает. Росчерк дождя. Свечой истает осень. Звездами прошито небо. Солнце – теплый оранжевый медведь. Зрачок месяца. Тихая стая слов. Облака, как письма печали...

Через образы постигаешь рождение души поэта, это мир трижды врачующий: река, покос, звезды, ветер, август, гроза. Это. Енисей и Саяны рядом, и в памяти сердца Алания-Осетия, род. В числе любимых поэтов – Пушкин, Лермонтов, Блок, Цветаева, Ахматова. Великая русская классика и осетинская песнь матери.

Душа поэта рождается в горах Кавказа и на енисейской волне. У нее есть свои моральные мерки: не завидовать, уметь прощать, не ударить собаку, не отказывать другу. Она прямодушна, открыта в своих признаниях: люблю и ненавижу страстно, и сердце просит битвы, за все плачу высокой мерой, кто будет так, как я тебя, любить, любовь как высшая награда.

«Живу я как могу и как умею». Станные люди поэты, в быту они не совпадают с привычными мерками обывателя. Их душа раскрыта людям, и живут они, как цветы. Воображение уносит их от земли, представления о жизни идеальны.

...Мне горький корень жизни сладок Тяжка любви придуманной печать. Несостоявшейся любви всю жизнь оплакивать потерю. А если я придумала любовь? Не на ту я попала дорогу, не к тому я прибилась порогу, я мечусь в лабиринте дорог. Мои забытые иконы несостоявшейся любви. Жажда счастья обратилась в боль. Я на краю чужого счастья ютилась жалко и нелепо.

Но почему-то читателю кажется, что это о его жизни, судьбе, любви – так всеобщие эти чувства. Выдумал ли все поэт, кто сумел сказать и обо мне. Без муки и боли нет поэта.

Э. Цаллагова видит мир ярко, образно, в деталях: рыбак нежно гладит лодку, щенок тычется в руку, замшелый колодец, сонный город, мягкие губы жеребенка, солнце отражается в полынье, виноград сияет солнцем. Тува смуглыми и сильными

руками сердце мое бережно взяла (26 лет живет она здесь). Кстати, стихи о Туве – одни из лучших, самые пронзительные.

Образ летящей птицы передает характер героини и становится апофеозом, центром сборника. Она умеет найти слова из боли и добра. Кубок любви и надежды полон. Горит душа мятежной воительницы, мечется, терзается и не умеет любить в полчувства этамечтательница.

В иных стихах мелькнет образ Блока (твое окаянное имя, и только вечная тревога). Некоторые поются по-цветаяевски: «Стихи о тоске», «Сонет о музыке». А то звучат нотой жестокого романса: «Тебе досталась только сладость, а яд я выпила сама», «Взгляд – открытая рана». «Прошлых дней не клян, о погибшей любви я не плачу». «Мне надо сердцем тебя исплакать». «А мне бы утопить тебя в проклятьях». То демоновское: плачу надеждой, плачу презрением и тоской, плачу привязанностью нежной, плачу банальной слезой. Одно лишь имя я ношу с собой – тоже узнаваемо.

Долгое рождение книги имеет и свою особенность: стихи «созрели», как и душа поэта, и почерк. И ошибки. Так литературны: «израненное сердце, сгоревшие надежды». Главной темой стала красота жизни, любви (когда увидела тебя – начала жить).

Талантливые строки У. Цаллаговой можно читать как исповедь, как собственную жизнь, отдаваясь мелодии «между счастьем и печалью». В них зрелость лета, августа, женщины, думается, книга не оставит равнодушным никого – ни юность нежную, ни старость мудрую, и найдет своего внимательного читателя.

Жить достойно

Вышла в свет книга «Поминальный костер» Чочагара Чоптун-оола.

Повесть о похоронах отца Кудера состоит из 7 глав. В ней подробно нарисован обычай прощания с человеком. Люди собираются, курят с покойным – кладут папиросы, играют в шахматы. вспоминают разные легенды о сиротинке-мараленке, знаменитом борце, происхождении родов, гадают на лопатке

овцы и все приносят много водки. Это уже современный обычай. Все село старается поддержать жену покойного. Что кладут в дорогу последнюю, как выносить гроб, что делает шаман – как узнает наказания живым – не делать ничего плохого через 49 дней человек переродится. Судьбу принять такой, как есть, ее не изменишь. Нельзя тревожить покойного на кладбище – душа может отойти у живого. Заметно влияние прозы С. Сарыг-оола.

Биография автора богата родословной, в которой были богатые феодалы, ламы и великие шаманы, а значит и репрессии. Автор многое знает от своего дела и воспитан в почитании обычаев и традиций предков.

Инженер-механик по образованию он много лет занимался наукой – сбором фольклора в районах, собирал песни и частушки. В повести перемежаются легенды и современный быт села. Добросердечие и мягкость может легко перейти в пьянку, которую трудно остановить, даже во время поминок может быть кража скота у семьи покойного.

«Легенда о Шашкаале» и «Восьмая седловина» напоены дыханием фольклора. Богатырь задумал отнять печать у нойона. Высокого роста, сухощав, плотный, ноги сильные, шаги уверенные. Высокий лоб, глаза горящие огнем. Характер суровый, непоколебимый, справедливый. Хитростью и смелостью овладел печатью. Юная Долчан вспоминает свою любовь к герою, и не было никого счастливее ее, когда она ехала за его спиной на одном коне и была готова ехать с ним на край свет. А эту степь называли именем богатыря. Написана ярко психология героев, детали до запах усов. Хороши лирические миниатюры «Пестрые камешки реки Алаш».

Осторожно иногда намеком пытается сказать об острых проблемах о межнациональных отношениях, о гибели шамана в ссылке и его проклятии, о скотокрадстве, о переживаниях вора в тюрьме. Наконец об утрате родного языка городскими тувинцами, с кем дружить, как относиться к русской девушке, кому подражать... Пока как недомолвки наблюдателя – обращает внимание письмо отца пьянице-сыну о 7 поколениях предков, которые жили достойно.

В Литинституте стал переводчиком. Новое время вызвало интерес к буддистским трактатам. Он перевел много таких текстов, овладев архаичной лексикой. Творчество Ч. Чортун-оола впитало дух фольклора и буддизма, но при этом он не чуждается современности в своих рассказах, чем и интересен. Придет время, и он обратится к большой прозе, владея мастерством пера.

ПОРТРЕТЫ

Педагоги-фронтовики Дятловы

В год Победы не могу не вспомнить семью учителей Дятловых. Это была большая семья, жила здесь еще с 1919 года.

Сначала – в Ильинке, а потом в Кызыле на улице Дружбы, около парка. Отец – строгий человек, работал бухгалтером в Потребсоюзе, а мама – добрая, мягкая – кормила, растила восемь детей. Отец мечтал выстроить большой дом для семьи. Опасаясь репрессий 1937 года, они выехали в Таштып, Осталась только Серафима Кунаева – учитель математики в Кызыле и Туране. Четверо ушли на фронт: Архип воевал разведчиком, Андрей – моряком, Люба – связисткой. Военную специальность Бориса не помню.

Архип Дятлов был призван в 16 лет из Москвы. Окончил в Омске военное училище. Прошел войну, командовал разведротой восьмой армии. Хорошо знал немецкий, не раз ходил за линию фронта за «языком». Его смелость и удача были отмечены тремя орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней, медалями за оборону Ленинграда, освобождение Праги, за победу над Германией. Но о наградах, как и о войне, вспоминать не любил. Даже близких рассказами не баловал.

Жена Архипа – Мария Михайловна – прислала письмо из Питера: «Спасибо за добрую память. Расскажу два случая. Едет вереница машин – полуторки, в кузовах – солдаты. В первую попадает бомба, а из кузова следующей, с Архипом, их

взрывной волной выбросило метров на 5–6. Тогда и отбил легкие, всю жизнь тяжело дышал, хрипел.

Потряс еще один его рассказ. Он был тяжело ранен и попал не в свою санчасть, лежал при смерти, говорили: не жилец, правая рука разбита, завелись черви в ране. Он бросил что-то в медсестру, она тогда подошла, его накормили. Потом его выкрали из лазарета свои разведчики и выходили – пошел на поправку и снова – на фронт. Посылаю фото. До сих пор скучаю по Кызылу, там прошла вся жизнь...»

Окончив Томский пединститут, он вернулся на родину в Туву и работал в школе № 1, а затем – в КГПИ на кафедре иностранных языков, до 1977 года. Его любили студенты и учителя за добрый веселый нрав, он рассказывал о своих поездках в Ленинград на конференцию, о Берлине 1968 и 1971 годов, где был на курсах по языку. Обаятельный, респектабельный, доброжелательный, внешне похожий на певца Н. Гуляева, он был всеобщим любимцем, оставаясь скромным, отзывчивым человеком. Работал в профкоме, до сих пор вспоминают новогодние елки той поры и его Деда Мороза с мешком подарков.

Любовь Владимировна Дятлова работала у нас директором школы № 3 Кызыла, вела географию в 1948–50 годах. Большая, добрая. Ее не боялись, очень любили, она прощала проделки школяров и «болела» за нас на экзаменах. Говорили, ее жених – летчик, погиб, она воспитала племянника. Сейчас ей 91 год, живет под Ленинградом с племянницей Натальей.

Вернулся с Востока после разгрома японской армии, отслужив восемь лет, моряк Андрей – самый старший. Вел у нас черчение, любил во всем порядок, играл в шахматы, вел курсы для учителей, готовил папки с чертежами. Выступать не любил, но если скажет, то прямо в точку. «После фронта многие пили, но у него была норма – только сто граммов», – вспоминает ветеран А.С. Даржаа. Его побаивались и уважали. Он поздно женился, потом мы встречались на молочной кухне, он – с бутылочками смеси для дочери Веры. Немногословный мягкий человек.

Пройдя войну, они хорошо потрудились в школе, любили детей и саму жизнь. Дятловы – восемь учителей разных предметов – активно работали, были большой дружной семьей.

Отец Владимир Андреевич все искал лучшей доли то в Крыму, то в Молдавии, то в Средней Азии, но вернулся после войны в Туву, успокоился на старом кладбище. Архип перевез его прах на новое, поставил памятники отцу и брату Андрею.

Удивительно, что все они избрали одну профессию – учителя, а главное, трепетно заботились друг о друге – в добрых традициях большой семьи. Судьба семьи Дятловых – это военно-педагогический роман, сюжет которого неразрывно вплетается в историю страны.

Сороковые, грозовые...

На вечере в честь женщин-участниц Великой Отечественной войны – девушки в зеленых штормовках лихо отплясывали солдатский танец для Капитолины Авраамовны Королевой. А она сидела сбоку за столиком, и в глазах ее была грусть об ушедшей молодости, опаленной войной, о боевых подругах, которые не дожили до Победы...

Туранская девчонка из многодетной семьи Щеновых рано стала самостоятельной. Училась в Кызыле, с 8 класса сама зарабатывала на школьные платья. Любила первую школу, как дом родной. Здесь были хорошие учителя, работали разные кружки, сложился сплоченный дружный коллектив. Евгений Иванович Коваленко хорошо пел, Иван Иванович Галкин – учитель физики и математики – был прекрасным спортсменом и веселым добрым человеком. Оба отдали жизнь за Родину.

Из одноклассников выделялись увлеченный химией Володя Бакуров, рисованием и музыкой – Коля Абрамов, ударник учебы Алеша Борисов, постоянный участник драмкружка Коля Лысков, художник и редактор газеты Гоша Осипов, баянист Марк Магеря, влюбленный в природу Боря Ширнин и многие другие. Эти особенно запомнились потому что вместе ушли на фронт и не вернулись на берега Енисея.

Первыми ушли на фронт учителя, а за ними – старшеклассники. Капа училась в 10-м классе, когда их семья

получила похоронную на отца – погиб под Воронежем. Горько и больно сделалось на сердце девчонки, металась, не могла долго успокоиться, пока не созрело решение – идти на фронт самой. Из Тувы весной 1943 года уехало добровольцами на фронт пятьдесят русских девушек, среди них Капа и ее сверстницы – Тюдешева, Ермакова, Шипилина, Школа выдала бушлат и шапку. На дорогу мать, Мария Федоровна, выбежала с котомкой припасов, вся в слезах и только шептала: «Береги себя, доченька. Отведи от тебя лихую пулю».

Брат Петр тоже ушел на фронт. Мария Федоровна отдала последние сбережения, шила рукавицы и стеганки для армии. Вкладывала записки с надеждой – вдруг дойдет до сына или дочки ее посылка.

Капа прошла краткосрочные курсы связистов в Красноярске, полевые учения и скоро воинский эшелон повез ее через всю страны под Орел. 511-й отдельный батальон связи принял новое пополнение. Девчонке, никогда раньше не видевшей даже железной дороги, был страшен грозный гул войны. Первую бомбежку встретили еще в дороге. Все выскочили из вагонов, окопались. Боязливо поглядывали на небо, по которому низко пролетели фашистские самолеты.

Первый бой не запомнился – слишком велико было напряжение неопытных связисток, занятых своими аппаратами, кодами, шифрами. Вскоре Капа освоилась с техникой связи настолько хорошо, что ее назначили командиром, отделения. С нею вместе несли службу Ксения Кочетова, Рая Калистратова, Дуся Федорова, Таня Веселова – девушки из Омска, Томска, Иванова.

Путь армии проходил по сожженным городам и селам Белоруссии, от деревень остались одни печные трубы. Черный дым застилал небо. Служба связиста особая – это нервы войны. Не в рукопашном бою, в полутемной землянке дробью морзянки сражались: быстрые руки девушек передавали приказы и донесения. Малейшая неточность здесь могла обернуться роковой ошибкой. И такого не было у Капы и ее подруг – за всю войну ни разу, ни одного замечания. Научилась принимать на слух, даже не глядя на ленту.

Приходилось попадать под обстрел. Однажды вытаскивала аппаратуру и шифровки прямо из горящей избы – соломенная крыша легко загорелась. В дверь уже нельзя было идти, горели проемы. Выбила окно, подала все, что еще можно было спасти, а как ее вытягивали в окно, уже не помнила.

В деревне Воробьевке «сидели на связи» 14 суток. Быстро развернули свое хозяйство в 200 метрах от передовой, засветили коптилку из гильзы, а потом хватились – нет одного аппарата. Пошла за ним через всю длинную деревушку, а кругом бой, избы горят, пули свистят, речка розовая от огня. Где ползком, где бегом, чуть не заблудилась, но задание выполнила. Когда потом девушки вылезли из своей землянки, сверкали только зубы и глаза на закопченных лицах.

Женское ли дело таскать тяжелые катушки с проводом, забрасывать их на деревья!.. Трудно было при длинных переходах – до 30 километров в день: спать хочется, ноги натерты... Тогда выручала песня. Капа была запевалой, пела свои сибирские, выучила строевые. Подхватят бойцы – и забудут об усталости. С фронта еще остался блокнот с песнями и частушками. Пели про Брянский лес, песни из кинофильма «Два бойца», «Мою любимую», про старый котелок:

«Мы стеной поднялись
за родную сторону,
мы с друзьями видели
смерть невдалеке,
горести и радости – все
делили поровну,
даже щи горячие в старом
котелке».

Как-то стояли в обороне. Решили девчата узнать, с кем они держат связь. Сдали смену и отправились в окопы. Думали, пожилой человек, а оказывается – молодой боец Пешков. Он даже стихи сочинил по случаю их появления – про Капу, Ксению и Раю. А девчата в ответ спели свою самодельную про «винегрет из стали и пороха», про «гранатные консервы и шрапнельную икру»:

«Что ж, товарищи девчата,

Воевать, так воевать,
нам от друга и от брата
не годится отставать.
Трудно воинское дело,
а привыкнешь – в
самый раз...»

Вышли в Восточную Пруссию, прошли с боями до Кенигсберга. На подступах к городу ранило Таню Веселову, осколку снаряда попали прямо в лицо. Сержант Королева донесла ее, всю окровавленную, до медсанбата – успела вовремя. Потом воевали в местах с чужими, незнакомыми названиями: Штеттин, Нойденбург, Дейшлаг, Аленштейн, Гуштадт, а на сердце было веселее: летом 1944 рода союзники открыли второй фронт. Пристроившись на пенечке, писала домой: «Жива-здорова, идем дальше».

Пуля не щадила никого – ни солдата, ни генерала. Был убит командующий фронтом И.Д. Черняховский. Капа ходила отдать ему последнюю воинскую почесть. Все жалели его: молодой еще, и до Берлина уже близко... Еще большая ненависть зажглась в солдатских сердцах. Сердце обливалось кровью, когда вспоминала ребятишек-сирот на дорогах Белоруссии, их худые изможденные лица. Был случай, когда встретилась с немецкой радисткой, наводившей огонь на саперов. Капитолина мстила за поруганную Родину, за смерть отца, за горе детей-сирот.

Незабываема майская победная весна сорок пятого года. В день своего рождения услышала о капитуляции врагов. Сидели шесть оставшихся в живых девушек-связисток, плакали от радости, строили планы мирной жизни. И вот настала пора расстаться с гимнастеркой, автоматом, кирзовыми сапогами. Съездили посмотреть Берлин, столицу поверженного врага, постояли у Бранденбургских ворот. И радость, и печаль – все перемешалось в эти дни. Дорогой, в Праге, зашли в парикмахерскую и сделали завивку. Но украшали больше всего награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией», значок «Отличный связист», четыре благодарности

Верховного Главнокомандующего. Демобилизовалась не сразу – еще пришлось учить новое пополнение молодых связистов.

В августе 1945 года вернулась в родную Туву. Долгие годы работала в сберкассе, последнее время – в аптеке. Выросла дочь, есть маленькая внучка. Фронтовые подруги встречаются в День Советской Армии или 9 мая то в музее, то на выступлениях перед молодежью. Не сразу почувствуешь трудную

юность в этом открытом лице, ясных глазах. Выдают только близкие слезы да седины – о войне вспоминать нелегко.

Юность хирурга

Двадцать лет работает в Туве уважаемый всеми хирург, заслуженный врач РСФСР, депутат Верховного Совета Тувинской АССР Александр Иванович Канунников. Тысячи операций сделаны им за эти годы, тысячи людей прошли через его искусные руки и встали на ноги после тяжелой болезни.

Но мало кто из больных знает, что Александр Иванович – участник Великой Отечественной войны. Паренек из уральского города Челябинска прошел боевой путь от Дона до Берлина в составе 1010 полка 266 стрелковой дивизии 3 гвардейской армии в звании лейтенанта медицинской службы.

Осенью 1942 года воен-фельдшер Саша Канунников окончил военно-медицинское училище и был направлен в Сызрань, в распоряжение резервной армии. Здесь он и его товарищи прошли полевую учебу и 19 ноября приняли первый бой на реке Хопер и у города Калач Воронежской области. 25 фельдшеров – Яков Мосолович из Белоруссии, Николай Ерохин с Дона, Вася Гаврилов из Ленинграда, Вася Ваганов, земляк Александра Ивановича, и другие начали совместную службу.

Спустились с боями к Дону. Шли шолоховскими страницами, слышали там скорбную весть: погибла мать Шолохова, сгорел дом с архивом писателя. Тяжело было переправлять раненых через Северный Донец. В донских степях открытые места, ветер, холод. Население пряталось в оврагах.

Держали оборону Ворошиловграда, освобождали Запорожье, Николаев, Артемьевск, Кадиевку, Краснодон. 14

февраля, вступив в этот шахтерский городок, увидели, как горела надземная часть шахты 5-бис, и содрогнулись – весь шурф был забит трупами юношей и девушек, почти детей. Рыдали матери... Стояли в Краснодоне один день, а запомнилось на всю жизнь. Так узнал юный Александр Канунников о подвиге своих сверстников – молодогвардейцев.

Медицинская служба шла своим чередом. Молодые фельдшера приобрели опыт и сноровку, научились вовремя найти подходящее укрытие для раненых, приспособили собачьи упряжки, чтобы вывозить тяжелораненых с поля боя. Сколько бойцов спасли четвероногие друзья! Не зря их держали на довольствии наравне с людьми.

– И хитрые были: услышат свист пуль – прижмутся к земле, замрут, а то нырнут в окоп... – вспоминает Александр Иванович.

Поражало его тогда мужество девушек-санинструкторов. Раненые, особенно потерявшие сознание, неподвижные, тяжелы. Сколько же нужно сил, чтобы вынести бойца из-под огня на хрупких женских плечах!.. Даже мужчины-санитары поначалу с трудом вытаскивали раненых, выматываясь до предела сил. Только потом привыкли и научились. А ведь, кроме раненого, еще при санитаре две тяжелые сумки с перевязочным материалом и жгутами.

В минуты затишья медики обучали бойцов самоперевязке, обслуживали местное население: стрептоцид, аспирин, шприц были всегда наготове. И радовались салютам Москвы в честь освобождения городов Донбасса. Отличника медицинской службы Канунникова откомандировали в штаб дивизии. Девять месяцев обслуживал он офицеров штаба, а потом отпросился в свой полк, на передовую. Принимал участие в Яско-Кишиневской операции. Горячие бои шли под Григориополем и Дубоссарами. Стояла ранняя летняя жара. Горели виноградники, мосты, по реке в кровавой пене плыли трупы. Это были останки фашистских частей, разбитых в результате успешных действий нашей штурмовой авиации. И все же... К войне притерпеться нельзя.

После освобождения Советской Молдавии Канунникова

перевели в Пятую ударную армию, в Польшу, и поставили в резерв. Шли усиленные учения, на которых командующий армией генерал Берзарин присутствовал лично. Парторг санроты Александр Канунников проводил беседы, готовил бойцов в партию. 13 января 1945 года началась Висло-Одерская операция. В феврале армия вышла в район Кюстрина на Одер, преодолев реку Пилицу, начала наступление с Магнушевского плацдарма. 600 километров от Вислы до Одера прошли за 10–12 дней. Немцы сопротивлялись из последних сил. Земля содрогалась от бомб и снарядов. Немецкие «фердинанды» и «тигры», женские штурмовые батальоны были брошены в бой.

Начинался ледоход. Ползком через трещины и разводья, на досках добрались наши бойцы до другого берега. Фельдшера днем перевязывали, ночью рыли окопы. Шли по 30–40 километров в день, но дух в войсках был высокий – радовала близкая победа.

16 апреля начался штурм Берлина, окруженного тремя поясами заградительных противотанковых укреплений. Ожесточенные уличные бои за каждый дом. Все грохотало и гремело, с воем рвались фаустпатроны. 24 апреля 1010 полк продвинулся с севера к самому центру, от Александерплац – к берлинской ратуше, огромному многоэтажному зданию. Саперы взрывали толстые стены, танки разбивали тяжелые железные ворота. Каждый этаж, каждую комнату брали с боем. Выбивали врага из подвалов, бункеров и чердаков.

У санитаров были горячие дни, приходилось оказывать I помощь не только своим, но и немецкому населению – женщинам и детям. Тяжело ранило командира полка полковника М. Ф. Загородского, но военные медики спасли ему жизнь.

2 мая слышали о капитуляции фашистской Германии. На рассвете стояла необыкновенная тишина, тянуло дымом от развалин, моросил дождик. Бойцы не скрывали слез – победа! Радовался и Саша Канунников – его по-прежнему из-за молодости все называли просто по имени. Везучий, говорили о нем, ни разу не был ранен. Только трое из его сызранских товарищей-медиков дожили до победы.

Канунников оставался в армии и после победы. Потом вместе с другими воинами выехал на родину, в Сталинград. После демобилизации поступил в Челябинский медицинский институт, а потом учился в ординатуре. Как радовалась мать, Прасковья Христофоровна, – все три сына вернулись живыми с войны: офицер связи Павел, разведчик Николай с двумя орденами Славы и младший, Саша, награжденный орденами Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией» и отмеченный 13 благодарностями Верховного Главнокомандующего.

Трудна работа хирурга, И сегодня Александр Иванович всегда на посту, всегда на передовой борьбы за жизнь человека – ветеран войны и труда, майор запаса. Дети его, Толя и Лена, могут гордиться своим отцом.

Энтузиаст

Лилии Николаевне не спалось в ту ночь. Летом 1977 года Деменской предложили на выбор две школы: №7 – после ухода директора-мастера Л.С. Новиковой, и новую, № 4. Лучшие годы жизни были отданы последней. В Год учителя хочется вспомнить ветеранов с полувековым опытом работы.

Лилия Николаевна окончила физмат КГПИ в 1962 году, училась у А. Кунаа, С. Серота, Ермаковой, Х. Ондара. Поработала в вечерней школе с Е. Удуракиной, потом – в № 14 с Л. Хасанович, еще в № 15 с А. Безъязыковым, уже завучем. У каждого из них взяла лучшее по методике и педагогике. Сама родом из многодетной семьи фронтовика Н. Шулепова из Сарыг-Сепа.

Главное – кадры. Постепенно сложился замечательный творческий коллектив школы № 4 – единомышленников, влюбленных в работу. В начальных классах: М. Пискунова, Л. Алехина, Н. Сандакова, З. Беспалова, Т. Черноуско.

Удивилась, что родители не забирали детей после уроков, техника чтения слабая, на занятия опаздывают... Медленно преодолевали трудности. Была решительной, целеустремленной, но и терпеливой, находчивой. Восточная

рабочая окраина города из частных домов – со своим особым укладом. С волнением и любовью вспоминает Лилия Николаевна 1980-е годы. Сначала отказывалась о себе говорить, но потом решила передать опыт школы.

– Каждый учитель – яркая личность, знаток. Кого ни возьми. Н. Петренко – учитель химии – создала прекрасный кабинет, к тому же – знание предмета глубокое и преданность работе. Географ Л. Петракова давала уроки-праздники, искала новые формы, открывала мир увлекательного, интересного.

Н. Лебедева – русист, все досконально знает и сделает. Драгоценным учителем истории была Л. Добычина – эрудит с двумя образованиями. Рано ушла из жизни, раздав на память коллегам свои книги и идеи, даже конспекты. Учитель биологии Т. Баглаева возвела чудесный уголок: газоны цветов, да и в классах тоже. Требовательно проверяла пальцем качество полива.

В школе выросла словесник З. Дехтяр – с выдумкой, изящно прививала она любовь к поэзии и прекрасному, давая нравственные критерии идеалов добра против бездуховности. Учитель труда А. Ермаков учил судо- и автомоделированию, заранее просил 10 кубометров древесины просушить летом. Дети всегда вокруг него. Л. Скобеева делала прекрасные образцы кукол, им платья, мастерски шила с детьми на выставку изделия. Уроки физики у В. Варыгина проходили с демонстрацией опытов, он увлеченно сидел с детьми до позднего вечера. И каждый заботился о наглядных пособиях – технике, кодоскопах, проекторах, магнитофонах. В классах действовали шесть киноаппаратов.

Среда была днем труда – на стройке, овощной базе, огороде и в теплице. Цветов было столько, что продавали букеты даже зимой. Училась у Н.В. Селиной в Туране: обомлела, увидев голубые ели, ровные ряды цветов, кустов – хотелось идти босиком. И в школе дети в тапочках, сменной обуви.

Восьмые классы с трудовым десантом выезжали в Ильинку на лето. Работали на прополке овощей, чистили и белили коровники. Жили в палатках на берегу реки Сой. Шефы

помогали солдатской кухней. Бескорыстный деятельный завхоз Н. Ваулин заботился о машине, автобусе. Н. Маржало отвечала за отдых и безопасность детей. Первого сентября вся школа подводила итоги, награды – победителям в труде на пришкольном участке и в поле. А у коллектива – много переходящих знамен.

На высоте было патриотическое воспитание. В Ленинский день – в апреле в пять утра дети собирались, во главе колонны 20 барабанщиков шли по сонному городу, стояли в почетном карауле у знамени. На площади принимали пионеры. Были вечерние маевки, а «Зарница» в парке рано утром по тайным маршрутам... С азартом играли дети. Интересно проходили туристические слеты, спортивные соревнования за честь школы.

Тимуровцы ходили к фронтовикам. В праздничные дни торжественный пронос знамени по всем этажам: чеканно, красиво, трогательно – специально готовили заранее почетный караул у стяга школы. В мае и ноябре на парад украшалась машина, родители помогали с цветами, лозунгами, флажками, костюмами народов России.

Во главе родительского комитета была лет десять замечательная Н. Чеброва, мать двух сыновей. Прошла все ступени школы, работала в семьях, с «трудными» подростками – в рейдах. Вырос сын Василий, окончил академию, служил в Чечне. Соседка прибегает: смотри телевизор, как раз бой показывают. И в кадрах на глазах погибает сын – гордость и радость матери. Вася поехал второй раз по просьбе друга, заменил его – жена у него рожала. Не передать горе матери... Выстояла, вырастила его детей с такой же материнской любовью и верой. До сих пор приезжает из Новосибирска навестить своего директора.

Лилия Николаевна ездила в Донецк к учителю-новатору В. Шаталову, изучала его методику по математике, внедряла известный в стране опыт в школах города. Учителя подхватывали идеи Караковского, Лысенковой, Амонашвили, Потаповой – ездили к ним, знакомились с опытом учителей России из разных краев. Развивали новое педагогическое

мышление, богатство приемов обучения.

Аукцион знаний, литературная гостиная, «Маяковский и перестройка», физический бой, перфокарты. На уроке химии о спирте – пресс-конференция разных специалистов, от врача до юриста.

Директор заботилась об отдыхе учителей, всегда познавательном. Ездили в Ташкент, Самарканд, Ленинград, к соседям в Красноярск и Абакан, вместе – в Тоджу на Азас. Познакомилась на отдыхе в санатории Шмаковка с академиком. Была поражена образом его жизни: зарядка, работа в библиотеке, музыка (пианино), гребля на реке. Вот откуда его громадные познания. Рассказала учащимся о таком полезном режиме. Может, кто запомнит, возьмет «на вооружение» такой пример.

А на уроке математики, трудном для многих, объясняла 3–4 раза тем, кто не усвоил. Постепенно механическое знание переходило в осмысленное. Закрепляла устно и в конспектах задания. На занятиях дети не были скованы, замкнуты, боязливы, отвечали свободно, охотно. Сама атмосфера школы – уютная, чистая, все в изобилии цветов – создавала хорошее настроение. Об этом писали журналисты «Тувинской правды» Варвара Межова, Светлана Козлова. Нравственное воспитание было главным направлением.

Влюбить в себя, в свой предмет ребят, а потом вести дальше – кредо. Вспоминает тепло Н.В. Петренко (школа № 3):

– Лилия Николаевна – творческая личность, всегда готова к новому, коллектив тянулся за ней. Все читали и обсуждали публикации в журнале «Юность» и в «Учительской газете». День начинался с обхода, все видела: панели не протерты – возьмет ведро с тряпкой, и сделает сама. Колеры красок подбирала. В школу № 4 ездили ученики со всего города, даже с правого берега, было престижно тут учиться. Ломала ногу – ходила на костылях в школу. Ее задор и рвение увлекали, зажигали. Она сумела расшевелить шефов: ЖБИ, «СУ-48», «Востоктехмонтаж», ДОСААФ – поддерживали не по обязанности, а в охотку, с удовольствием. Родители, мужья учителей помогали в воспитательной работе. Горжусь, что

работала с Деменской.

Рассказывает Наталья Алексеевна Маржало (школа № 7):

– Была я тогда завучем по воспитательной работе, она всегда посоветует мне, как лучше сделать. Заложила замечательную систему трудового воспитания. У нас было интересно на педсоветах – спорили, предлагали разные идеи. Сама прекрасный оратор с образной речью, давала нам эмоциональный заряд, умела достучаться до каждого, найти особый подход. Кто заболел – ищет лекарства, привозила из Москвы. Булочки возила Лилия Николаевна к нам в бригаду в Ильинку – трудовому десанту. Редкий по душевным качествам человек. До сих пор в городе ее помнят выпускники и родители, не пройдут мимо. Она сделала меня учителем.

Полвека вместе с мужем Федором Федоровичем, отличным изобретателем-физиком. Золотые его руки сделали сотни учебных макетов, приборов, чертежей для лабораторных занятий в школе и институте. Было много наград на выставках, конкурсах. Доцент кафедры физики, отличник образования заслуживает отдельного разговора.

Выросли сыновья Андрей и Юрий, внуки Лена и Дима – студенты. Сестра Алла Кузнецова – тоже учитель и директор со стажем.

Лилия Николаевна – заслуженный учитель Тувы и почетный работник образования России. По заслугам и награды. Сейчас работает социальным педагогом.

Изменилось общество, школа. Много безработных семей, «трудных» подростков, нужна большая материальная поддержка приехавшим из районов – на питание, одежду, проезд, а помощь мала, однократно... Люди стали равнодушные, безразличные. И дети не нужны стали.

Несколько раз отказывалась она рассказывать о себе. (Теперь молодые сами требуют наград, и честолюбие часто превышает их способности). Добрые традиции советской школы вспоминаем с ностальгией. И в этой системе было много положительного, главное – сердечное отношение к личности ребенка, а не просто уроководительство... В свои почти 70 лет

трудится в меру сил. Может, и потому, что всегда была в спорте: лыжи, волейбол, плавание. Свои варенья и соленья. И дом, полный цветов и свежего воздуха.

Фейерверк знаний

Пятеро учителей из Тувы стали победителями всероссийского конкурса на звание лучшего учителя 2010 года. Приказом Минобразования России они включены в список на получение президентского денежного поощрения в размере 200 тысяч рублей каждое.

В числе победителей российского конкурса – Лариса Куулар, учитель истории и обществознания гимназии № 5 г. Кызыла, Альбина Дамба, учитель математики и информатики гимназии г. Шагонара, Вячеслав Сундуй, преподаватель основ безопасности жизнедеятельности и физической культуры школы с. Чаа-Холь Чаа-Хольского района, Зоя Содунам, учитель математики Чыргаландинской школы Тес-Хемского района, Наталья Килина, учитель истории и обществознания Чербинской школы Кызылского района.

Сегодня мы знакомим читателей с Ларисой Куулар.

Сейчас востребованы активные люди. А в кадрах преобладают инертные, вялые, малоинициативные. Может быть, это связано с генетикой кочевых цивилизаций: куда было спешить пастуху?.. И отсюда наши необязательность, вечные опоздания, неумение справиться со временем, дисциплиной.

Особенно активные нужны в школе, где сотни учащихся берут пример с учителя. Школа живет в эпоху перемен, в поисках новой педагогики. Теперь нужна не просто передача готовых знаний, а воспитание активной личности. Успешный учитель не стоит на месте, а двигается вперед, совершенствуется. Одна из таких – Лариса Шангыровна Куулар.

Родилась в Тээли, в Бай-Тайге, в учительской семье. Пришла в школу 20 лет назад после окончания Иркутского университета в эпоху перестройки, своими глазами увидела перемены в обществе, пережила их. Овладела профессией, прошла с подопечными путь от пятого класса до выпускного. Наставниками были опытные коллеги в Ак-Довураке, Кызыле –

сначала в школе № 2, теперь – гимназии № 5: И. Самойленко, Г. Сельдемешева, А. Казакова – ходили на уроки, давали методические советы, ругали и хвалили. Послали на курсы в Москву, познакомилась с разными методиками учителей со всей России,

загорелась идеями.

Вышла Лариса замуж за пилота вертолетов Арсена Саанчыковича, родились Ким и Ксения, жили долго в общежитии аэропорта, Подруги Чайзат, Бэла, Сайда, Люба, Марина – ровесницы, ждали мужей из полетов, возили коляски с младенцами, делились секретами кухни, воспитания, уюта – до сих пор дружат.

За годы обретения опыта научилась искать новое, добывать информацию из разных источников, разрабатывала программы, писала сценарии, искала свою форму обучения. Ученики охотно участвовали в историческом карнавале, конкурсах знатоков права, фестивале молодого избирателя. Сама стала в 2006 году депутатом Великого Хурала, Палаты представителей, проводила парламентские встречи школьников с депутатами.

На педсовете сделала доклад о толерантности. Это умение понять позицию человека другой нации в условиях полиэтничности. На уроках по культуре обращается к истории культур народов мира и России. С интересом слушали директора школ ее открытый урок «Женщины в политике». Из историков «куются» политики.

В форме дебатов, диспутов проходят темы: «Февральская революция», «Столыпинская реформа», «Эпоха великих реформ 60-х годов 19 века». Школьники учатся излагать материал, анализировать, доказывать. Они осмысливают исторический опыт страны и человека, познают основы патриотизма, гражданской позиции. Идет сотворчество учителя и ученика.

На конкурс лучших учителей Л.Ш. Куулар представила тему «Внедрение блочно-модульной технологии для формирования ключевых компетенций в социально-гуманитарных профильных классах» (на примере опыта МОУ

«Гимназия № 5» г. Кызыла). Модули помогают активизировать самостоятельную работу учащихся путем последовательного усложнения заданий и позволяют добиться высоких показателей обучения. Об этом говорят анкеты, тесты, таблицы. Получила поощрение Президента России – это признание. «Фейерверк знаний» – называется один из ее модулей.

Дети активны, охотно отвечают, идет самодиагноз своих возможностей в спокойной деловой обстановке. Победители олимпиад Айдыс Дажи, Вика Монгуш, Баир Саванды росли от третьего места к первому. Среди медалистов – Аяс Ооржак, Тайгана Чечек-оол, Айлана Ховалыг. Выпускники учатся в Новосибирском, Иркутском университетах, в Саратове, Калининграде, московском РУДНе, Китае: Чечена Куулар, Стае Суктерма, Роля Самбу-Хоо. Из 25 учеников 16 выбрали историю профессией. С. Тулуш, В. Байыр-оол пошли по стопам наставника.

В доме Ларисы Шангыровны хорошая библиотека, она постоянно работает с компьютером, знает Интернет: сеть творческих учителей, гражданский форум, исторические личности, партии России. Высок творческий потенциал учителя-исследователя. Она – целеустремленный человек. И добивается успеха: ум, память, эрудиция помогают. Она собирает афоризмы Дидро, Бэкона, Лао-Цзы. Человек не может носить одну одежду с детства – он растет и меняется.

«Люди перестают мыслить, когда перестают читать». Коллеги говорят: учитель высшей категории, грамотный, динамичный специалист, ответственный человек, дети ее любят. Хороший контакт с людьми, родителями, умеет объединить разные личности, не стесняется спросить совета, гордится ею.

Как депутат помогает малоимущим семьям, душой болеет в Ангарском округе за водоснабжение, строительство дороги к общежитию пилотов. Обычно учителям некогда заниматься своими детьми. А у Ларисы Шангыровны они хорошо воспитаны, сын Ким – студент в Новосибирске (будет специалистом по железным дорогам), Ксюша – восьмиклассница. Муж-пилот часто в дороге, спокойный надежный Арсен – опора и крепкое плечо. Сама сейчас учится

водить машину, ездит из поселка Каа-Хем в школу.

Лариса Шангыровна получает в семье советы старших, с детства в крови быть учителем. Расти и не зазнаваться. Историческое мышление, гражданская позиция, высокая работоспособность так важны в обществе в наше переломное время. Знания дороже золота, увлеченный учитель притягивает учеников.

Уроки на завтра

Она рано осталась без родителей. Бабушка из рода Маады, 86 лет, научила ее всему, вложила душу тувинского народа. Она до сих пор помнит ее наставления, ласку, заботу и вкусный хлеб.

Виктория Викторовна Донгак выросла яркой личностью и стала хорошим учителем после окончания исторического факультета ТГУ. Писала дипломную работу «Женщины на российском троне». 14 лет в школе. Учила детей с пятого класса, «вырастила» два выпуска. Ее любят дети и уважают коллеги. Историк, как и словесник, формирует личность ребенка.

Урок-путешествие «Африканская школа» начинается... с запаха лаврового листа и греческого алфавита. Богиня Клио, даруй нам мудрость! Слайды следом, новые понятия.

Тема «Устройство римской республики» – и дети узнают новые слова: консул, вето, сенатор, форум, тога, патриции, так переносятся в историческое прошлое.

Рассказ об Индии: закройте глаза, идем через джунгли: запахи цветов, звуки слонов, обезьян... Имена богов: Брахма, Вишну, Шива. Что такое индуизм и карма. Зацепив внимание, учитель развивает мысль, логику, память: оцените, задайте вопрос, сравните. Я могу доказать, делаю вывод, старайтесь.

От всемирной истории – к родному краю: «скифы в Туве» в виде ребуса, кроссворда. «Роль тюрок в формировании тувинского эпоса», изучая рунические памятники: обратитесь от себя к предкам, напишите сочинение «Я горжусь своим народом». Дети охотно занимаются наукой: «Уникальные особенности кургана Аржаан» составила Д. Салчак, 7 класс,

«Памятники Кызыла» – Д. Тумат, 11 класс, «Знаки отличия тувинских чиновников» выполнила Б. Ооржак, 9 класс, «Различия в атрибутах шаманов разных районов» – А. Дазтай, 11 класс – 1 место по программе «Шаг в будущее». Среди призеров: Д. Саая, А. Байыр, Ч. Токаш-оол, К. Эртине, А. Кунзек, Б. Данзын.

Виктория Викторовна Донгак – творчески активна, постоянно в поиске интересной информации и методики уроков: реформы Столыпина, смутное время, мировой кризис, цивилизации, нация и национальные отношения, Великая Отечественная война (население тогда сократилось на 34 миллиона!).

Ее волнуют разные проблемы. Культура – это уровень развития науки и техники, или все достижения человечества, уровень образованности или жанры искусства. Национальное самосознание – это историческая память, менталитет, знание языка, своей истории.

Эти размышления переходят в обсуждения в классе. Работает исторический клуб, ученики идут в военкомат, архив – ищут списки ветеранов, видят похоронки с фронта. Были на встрече с капитаном-фронтовиком П.А. Андреевым, участником Сталинградской и Курской битв. Обсуждают и тему: если бы я был депутатом. Изучают процесс выборов, Конституцию.

– Мне повезло с ребятами: 21 человек, половина ударники – 13 учеников. Считается самым интеллектуальным классом – дети самостоятельны, позитивны, активны. 41 ученик выбрал ЕГЭ по истории, 58 – обществоведение. Качество знаний – 63 процента. Многие поступили в вузы.

А с пятым классом – словно у подножия горы, будем вместе подниматься на вершину. Этот возраст – восприимчивый, есть стеснительные, слабо владеющие речью. Пойдем в поход на Догээ. Будем проводить по традиции добрые акции – с апельсинами в детдом, с помощью и концертом – к ветеранам. Весной ездила в Красноярск на курсы «Основы религиозной культуры и светской этики» – были интересные люди, обмен идеями. Рассказываю историкам.

Коллеги отмечают ее уверенное владение современными модульно-редуктивными технологиями, проблемным обучением с развитием творческих способностей учащихся. Виктория Викторовна Донгак – победитель конкурса в Кызыле «Лучший учитель года-2011». Родители видят доброжелательную обстановку в классе – работает не ради галочки, а искренне, от души. А дети в дни праздников дарят красивые открытки с добрыми словами: хочу походить на Викторину Викторовну.

Сам облик молодой учительницы привлекателен: веселая, ласковая, энергичная, любит спорт, туризм, а как танцует испанский танец в конкурсах. Дома ждут дети Руслан, Алина, Аюша, каждый со своими проблемами. У нее есть надежное плечо мужа Рудика Белек-ооловича – тоже учителя в училище № 1. Вместе строят дом, отдыхают летом на озерах. Сейчас делают заготовки варенья, солений на зиму. Дети любят ее выпечку. В доме долго не гаснет свет, уже спят дети, а два учителя готовят, каждый – свой, урок на завтра.

Родом с Тоджи

Высоко, на девятом этаже, живет с дочерью Тамарой тоджинка Ш.С. Агбан. Ей 94 года. Высоко сидит, далеко глядит, как в сказке. С добрыми глазами, сама маленькая, худенькая, стойкая. Мать шестерых детей, все с высшим образованием. Выйдет на балкон и смотрит на тоджинские горы, какая там сегодня погода. Тянет родная сторонка. Вот недавно сын свозил маму туда. Смотрит, как мама радуется. А она едет по горам-перевалам и вспоминает свою жизнь...

Родилась Шинчап (русские подруги прозвали Шурой – Александрой) в Адыр-Кежике в семье Кола Сундуя. Отец рано умер, а мама Алчимай подняла пятерых детей. Была боевая, решительная активистка, в числе первых колхозников Тоджи, имела орден за труд.

Шура была старшей в чуме, нянчилась, помогала матери, научилась у нее шить тувинскую одежду. В 1932 году училась в летней школе грамоте. Вспоминает русских старожилов: детей Мозгалева, Кокуса, их дома. Был хурээ – буддийский храм на Энсуге. Приезжали купцы с товаром на поляну.

В 1933–34 годах Шуру вместе с подругой Долгар послали на учебу в Кызыл на курсы медсестер. Кузьма Балчый-оол был переводчиком русских врачей. Двадцать человек из районов учились медицине. В Тодже стала помощники Кочнева в медпункте. Вскоре сама ездила по вызовам, даже в горы Одугена к оленеводам.

В 1936 году в Тоора-Хем приехали после учебы в Ойрот-Тура на Алтае два учителя Оюн Сапчай и Анатолий Агбан. Энергичный, симпатичный Агбан понравился девушке, и она вышла замуж. Тоора-Хем вырос на стоянке Четпелиг. В Салдаме жили староверы Коробейниковы, Ивановы. Стали строить школу и клуб. Родились два сына Виктор и Володя. Мужа после учебы в совпартшколе направляли в разные районы председателем или секретарем – он стал неплохим организатором, хорошо знал русский язык. История семьи Агбанов – частица жизни республики: ликбез, коллективизация, война, переход на оседлость из юрт в дома, строительство МТС и школ, целина, кукуруза... Жена, как нитка за иголкой, следом за мужем. Даже дети родились в разных местах: Тамара в Сарыг-Сепе, Борис – в Чадане, Люба – в Сут-Холе, Миша – в Туране. Муж пропадал в командировках у чабанов, полеводов, строителей, а Шура снова обхаживала новый дом, вела хозяйство, огород, кормила, лечила, шила для детей. И работала медсестрой, поваром, библиотекарем – где какая работа была. Ей предлагали учебу в институте, но заботы матери были о детях и семье. Вместе с мужем делила все радости и беды.

В пятидесятых годах Анатолий Шууда-кович был внезапно арестован. Приехал из бригады, помылся в бане, наутро – партконференция в Сут-Холе, а ночью – забрали. Е.П. Соловьев послал ночью шофера Дурновцева вывезти семью Агбан в Кызыл, хотя был запрет на машину. Несколько дней сидели с детьми в старом аэропорту в ожидании самолета на Тоджу. Старшего Виктора оставила в Чадане, а потом в Кызыле – закончить 8-й класс. Из школы-интерната исключили, сын спал тайком с другом на одной койке. Помог башкы Белек-Баир: устроил помощником киномеханика, за 3–4 месяца научился, паспорта нет – нельзя доверить киноаппарат и билеты...

А в Тоора-Хеме остановились в доме бабушки. На работу не брали. Наконец, устроилась швеей в комбинате. Норма большая, надо больше заработать – кормить детей и мужу собирать посылки. Сына Виктора дарга В. Тамдын-оол взял помощником конюха за 13 рублей. Сестра Чашпаяк продала корову, и на эти деньги собирали зимнюю одежду мужу в тюрьму. Сердце не переставало болеть за мужа и детей. Молча, внешне спокойно Александра Сундуевна вынесла клеймо «врага народа» и отчуждение людей. После смерти Сталина в конце года А.Ш. Агбан был освобожден, сразу послал телеграмму в Сут-Холь Е, Соловьеву об освобождении. Вернулся худой, осунувшийся, без зубов, с больным сердцем – каждый день ждал расстрела. Его отправили на лечение в Кисловодск.

Вот такое было время. Потом продолжал работать А. Агбан секретарем райкома, председателем райисполкома в Каа-Хеме, Пий-Хеме, директором школы в Кунгуртуге и санаторно-лесной школе. Долго болел и ушел из жизни в 1971 году.

– От отца у нас честность, работоспособность, мы все трудоголики, – говорит дочь Тамара. – А мама у нас интеллигентна от природы.

– От мамы – доброта, добросовестность, – вспоминает сын Владимир. – Сколько перешила одежды от старших младшим. Когда шьет, иногда поет тоджинские частушки. А какая лапша вкусная у мамы!

Младшая Люба Очур добавляет:

– Какая красивая куртка была у Бориса в первом классе. Мама хорошо готовила в русской печи, шаньги стряпала. А я в сепараторе снимала сливки пальцем и слизывала их с него.

Дружная интеллектуальная семья Агбанов. Русские невестки зовут бабу Шуру мамой. 30 внуков, 7 правнуков – у многих по два образования. Вместе они часто собираются не только по праздникам, едут на природу с мамой. Она до сих пор беспокоится за всех, помнит все дни рождения, читает, слушает радио. Ветеран труда с медалью «Материнская слава». Переживает: почему пьют женщины, распадаются семьи, забыли о дружбе людей. Мудрая, терпеливая, добродушная

Сундуевна. Лучшая частица своего народа.

Жена председателя

Собиралась к Агафье Терентьевне с опаской. Скоро ей исполнится сто лет. Будут наверное охи-вздохи, болезни-болячки... И как была рада встретить в ясном уме и доброй памяти пожилую седую женщину с юмором и веселым говорком. Разглядывали толстые альбомы, где почти столетние родители Горбуновы из Турана и, конечно, свадьбы, любимые внуки, солдаты.

– В детстве мы жили на Тапсе – на заимке Сафьяновых, бабушка была у них прачкой. Потом – Федоровка, в Черби вышла замуж за Евгения Павловича Соловьева – парень был видный. 60 лет прожили в любви и взаимной заботе. Сначала жили в Нарыне – на Золотых приисках. Началась война, я осталась с малыми детьми одна. Женя ушел добровольцем на фронт вместе с Д. Кудрявцевым и А. Горбуновым, несмотря на бронь. Писал с фронта из Беларуси: был в боях под Смоленском и Вязьмой, тяжело ранен. А я работала на швейном комбинате со Стюрой Винокуровой, В. Останиной, А. Дресвянниковой, К. Шипилиной. Шили полушубки, гимнастерки, тулупы. Собирали подарки на фронт: кисеты, рукавицы с двумя пальцами, сухари, сушенную картошку и записки бойцам. Стояли в очередях за хлебом, платили заем, работали допоздна. И до сих пор по ночам, когда не спится, вспоминается белая черемуха молодости, как ждала писем с фронта и молилась за мужа. Женя вернулся раненый, в орденах. Отправили в Знаменку (Сарыг-Сеп) в райпо к Ивану Лопсану. Потом избрали председателем райисполкома, все ездил по колхозам. А я дома с детьми: огород, корова, шила людям одежду, не было ее в магазинах.

После учебы в совпартшколе в 1949 году мужа направили в Сут-Холь в МТС. Он знал все марки машин, тракторов, комбайнов. Был строгий директор, а потом – председатель колхоза. Хорошо говорил по-тувински. По просьбе С.К. Тока делал доклады на тувинском. Привез коров-симменталок, обновил тонкорунную породу овец, создал бригады чабанов. Мне приходилось учить женщин выпекать

хлеб и белить в доме. Из юрт переходили в дома, сажали картошку. Света не было, жгли лампы, свечи. Сгорели клуб, школа – строили заново. Мост снесло – поставили понтонный. А я старалась держать теплый дом для семьи и гостей. Тогда работали Черменев, Шоев, Сизых, Агбан, Лопсан-Серен, Иванов, Балабай, Шаалы. К нам всегда заезжали люди из Кызыла, всех кормила. Тувинцы угощали мясом, рыбой. Жили дружно, праздники отмечали все вместе в клубе. Эти 20 лет в Сут-Холе были незабываемыми, работали в радость, с охотой. Евгения Павловича избрали депутатом Верховного Совета СССР и делегатом 22 партсъезда. Повидал больших людей со всей России. Какие подарки привозил? Шторы, красивую люстру, детям – обнови.

О войне Женя не любил вспоминать, только на пенсии стал ходить в школу на встречи. Всю душу отдавал работе, людям. А еще были годы жизни в Тодже – красивый край с рыбалкой и охотой. Хорошие, умелые люди работали тогда: Тамдын-оол, Агбан, Дорофеев, Колев, Бойду, Шогжал, Удум-Бара. У нас была лодка, по выходным выезжали на озера, плавали по Енисею. Женщины ходили за ягодами и грибами.

– Мама у нас трудолюбивая, бережливая, аккуратная и открытая людям, – говорит сын Борис, ему тоже уже 70 лет. Выросли три сына, пять внуков, пять правнуков – военные, учителя, связисты...

Соседка Л.В. Куулар добавляет:

– Она покладистая, не вздорная, ничего не путает, речь плавная, ручейком струится, любопытная к людям. Все вспоминает Сут-Холь да Тоджу, как на железной печке пекла пироги, в лес за ягодой бегала. Мужем гордилась, похоронила его в 1992 году, да и двух сыновей рано потеряла. Крепко стоит на земле бабушка Агафья, не гнется, она жизнерадостная.

И я думаю также: сколько людей накормила, скольких обшила. Жила для мужа любимого и детей. Всегда в работе. Худого слова никому не сказала, не завидовала, не обижала. Тятя (отец) Терентий прожил 96 лет, сестра – 98: крепкие корни. Добрый человек живет целый век.

Отец мой – Че, а муж мой – Ким

Фея Васильевна Ким – ровесница республики. Родилась на прииске Харал. Родные добрались до Тувы в 1918 году с Дальнего Востока, спасаясь от войны с японцами. Российские корейцы пережили ссылку, выселение, голод.

По рассказу командира С.К. Кочетова, отец Феи – Василь Че (Юнжин) погиб от рук белогвардейцев: он привозил продукты партизанам. Как-то при встрече с Тока тот вспоминал Егорушку Пака, с которым батрачил вместе с юности в Каа-Хеме.

Фея училась в школе № 1, закончила 8 классов с будущими учителями Кочневой, Васиной, Слободчиковой, Шашковой и Сермавкиным.

– Семья моя была большая, бедная, – вспоминает Фея Васильевна. – За школу надо было платить 150 рублей. Пошла работать в 1938 году, сказали в гороно, есть одно место, а там 18 человек на него. Помог мой хороший почерк, да и математику знала – взяли. В войну работала в Тувинценкоопе, сортировали продукты на фронт, лошадей, коров для отправки. Ездили копать картошку в деревню, собирали подарки на фронт. Всю жизнь работала бухгалтером: счета, арифмометр. Училась на курсах в Москве в 1948 году, увидела из поезда всю страну. Была главным бухгалтером в минздраве, тогда все вместе: роддом, СЖС, детская больница. Знала хорошо всех врачей: Серекея, Любимова, Канунникова, Федорович, Набатову, Звереву – были добрые и заботливые люди. Да еще в Красном Кресте работала.

Вышла замуж за Леонида Ивановича Кима – токаря, слесаря в АТП. Родилась дочь Лариса, сейчас она работает на телевидении в Москве. Потом появился сын Владислав, трудится в соцстраховании. Жили мы тесно в землянке до 1947 года на ул. Красноармейской, 118. Потом построились – собрали 10 тысяч акша – и жили вместе с сестрами и племянниками и только в 1959 году получили отдельную квартиру. Кызыл рос на глазах, приезжали врачи-интерны из других городов, поднимали медицинское обслуживание. Строились школы и больницы на горе. Появился кинотеатр, красивая площадь с театром, мост

через Енисей, телевидение, музей.

Много работали на даче с 1973 года, до сих пор кормимся с нее. Делаю корейские салаты из капусты, моркови. Людям нравится. Приходилось много шить, вязать для детей и внуков. Потом увлеклась вышивкой, целые картины крестиком. Каждое лето приезжает дочь Лариса с детьми и внуками и с московскими гостинцами – радует нас.

Отчим Ли Чан прожил 86 лет. Вся родня собиралась ко мне в день 90-летия в феврале 2010 года – Суховы, Пак, Ли. Галина Егоровна Пак – прекрасный словесник в школе № 9. Валя Ли – летчик, есть врачи, инженеры. Корейцы – талантливы в искусстве: Ю. Ким, В. Цой и другие. В Москве много ученых, кандидатов и докторов наук. В городе помнят врача Константина Цоя и работника Совмина Захара Шина. У нас много добрых друзей-тувинцев. Всю жизнь в Туве – не слышала худого слова от людей.

Муж любит тайгу, реки и озера – многое повидал в Туве. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, лечился в санаториях по путевкам, инвалид, долго работал в стройтресте.

Леонид Иванович поздно вернулся с дачи. В свои 90 лет выглядит моложе.

– Рос сиротой. В войну трудился на военные заказы, иногда по неделе не выходили из цеха. При Гаврилове и Шоме поднимали кожзавод. А после войны началось строительство жилья в городе и районах. Бригадами делали отопление, варили котлы. Был сварщиком, литейщиком, медником. С Ильичевым, Савинцевым, Серээ, Комбу-Зайцевым, Сюрюном. 26 квартал возводили в 60–70-е годы. Работали в Туране, Чадане, Самагалтае, Эрзине – школы, гостиницы, жилье. С радиаторами отопления натаскался. 57 лет трудового стажа. Как отдыхал? Любит рыбалку на Элегесте, по Енисею. На «Казанке» с ветерком. Хариусов или уток на ранней зорьке. Охотился в Балгазыне на козлов. Встречал иногда Тока, Товарищтая на рыбалке. Нормальные мужики.

Трудом держится человек. Какие труды – такие и плоды. И, конечно, добрая семья: жена пожалеет, а дети помогут. Такая скромная семья долгожителей. Семья тувинских корейцев.

И в 90 лет умница

Я встретила в профилактории «Серебрянка» ровесницу ТНР Кара Кыргысовну Чанзан-оол. Ее в 90 лет украшают благородная седина, достойные манеры и ясная четкая речь. Родилась в Хайыракане, рано потеряла родителей, росла в семье бабушки Дарыйма.

– Бегала по степи за отарой, носила хворост в юрту. Спали на матрасах и подушках из соломы. Бабушка выделявала овчину, шила одежду своим детям и мне.

В Шагонаре была школа, я стала проситься, видела, что молодежь ходила с досками и что-то писала, какие-то закорючки. Мне было 13–14 лет. Счету училась на камушках. Меня хвалили за усердие, я стала по примеру подруги проситься на учебу в Кызыл, и председатель арбана меня отправил.

Кызыл был маленький, весь в камнях, песке, много караганника. В учебном комбинате обучали разным предметам. Я на медсестру училась два года. С нами был башкы Пальмбах, Груша Кангарова. Впервые увидела машины, ходили в кино на «Чапаева», «Путевку в жизнь», «Амангельды». Приехал парень с прииска Харал – Чанзан-оол Салчак из Бай-Тайги. Мне понравился, он был старше меня на 6 лет и учился в партшколе. Поженились. Мы жили в общежитии, где сейчас Дом быта, родился сын.

И тут мужа направили на учебу на Алтай – в Ойрот-Тура, вместе с Т. Норбу, С. Сонамом и другими. Я жила у бабушки, доила коров, ждала писем. Салчак вернулся зоотехником, и его направили в Туран председателем хошуна. Он много ездил по арбанам, следил за ростом скота. Мы держали скот и огород, росли два сына – Коля и Гена.

Началась война. Мужа перевели в Кызыл председателем горисполкома. Работал вместе с Кошкарковым. Кызыл рос, нужно было жилье, благоустройство, на военный лад работал кожзавод, мы покупали хозяйственное мыло там и посылали на фронт вместе с подарками. В десятидворках собирали скот, масло, овчины, вещи, табак и деньги на постройку самолета и танка. Муж работал до ночи. За опоздание – штраф, а деньги – в фонд обороны. Строились школа № 2, здание обкома, милиции

– первые большие дома. В Кызыле тогда было 7 тысяч жителей, жили в основном в общежитиях связи, горпо и землянках. Скот пасли прямо за ул. Авиации и на болоте. Продукты были по карточкам, но лучше, чем в Союзе, – говорили люди. Я работала в Малом Хурале у Анчима секретарем. Муж возил после войны передовиков на ВДНХ. Он просился на учебу в Москву, но Токой долго не отпускал. Ездили вместе с Токой в Якутию на праздник.

Наконец муж поехал в Москву в партшколу. Один год – без нас, а потом взял нас с собой. Дети учились на монтажников. Я работала в Малом театре. Кем только не работала: санитаркой, в войну – швеей, в Чадане – медсестрой, а потом – в садике. Муж не разрешал отдавать детей в детсад: мест мало, еще и дети председателя будут – нехорошо это. Ездила на лошади в Бай-Тайгу к большой родне Чанзан-оола. Хорошо знала К. Шойгу, Оскал-оол был племянником, С. Пюрбю – тоже родня. Отец Кудажи – ровесник, земляк. Многих уже нет, только с К. Хопуя еще говорим. Муж хорошо играл на гармошке, а еще он любил футбол и шахматы – учил сыновей Валеру и Славу. У Салчака Кадыр-ооловича много наград: ордена Почета, Красной Звезды и ТНР. Он в числе первых председателей горисполкома Кызыла. 12 лет работали в Хову-Аксы на стройке комбината. Муж был заместителем директора по быту. Сколько народу собралось тогда при Саенко, Рыжове. Появились первые горняки-инженеры: Дадар-оол Монгуш, Шимит, Д. Бузур-оол. Кругом лес, косули заходили в поселок. Я работала заведующей гостиницей. Муж иногда уходил на охоту. Красивый получился поселок, даже кино снимали тогда. Много рабочих, и условия были хорошие для них. Люблю вспоминать это время.

И в Кызыле Чанзан-оол не усидел дома, работал в политехе, потом заболел, был на операции в Москве, умер в 1980 году. Спокойный, молчаливый мой муж.

Кара Кыргысовна – свидетель истории, помнит Хемчик-оола, Сафьянову, Долчанма, Дукежек, Ланзы, Кочетова, Пальмбаха, ветеранов театра, добровольцев.

И с Токой танцевала в старом театре, улыбается.

Напевает частушку про девушек Устуу-Шынаа. Сама читает газеты и внукам дает вырезки. Большое родословное дерево у нее: 4 сына, 6 внуков, 9 правнуков. Все ее берегут.

Бабушка и сейчас может сшить, связать, устроить постирушку, сидит в окружении правнуков, часто вспоминает с сыном Славой молодость отца, знает депутатов. Красивая старость. Она – хранитель семьи, помнит вкус, цвет, запахи ушедших 20–40-х годов. И в 90 лет умница.

Возраст мудрости

Алла Михайловна Корж сейчас просто мать, и бабушка, но какая? Трепетная. Каждому – частичку сердца. Дочь звонит ей каждый день из Иркутска – это духовная необходимость. Бабушка гордится успехами внука Саши – диктора и телеведущего в Иркутске. Внучка Даша изучает французский язык. Волновалась, когда она поступала. Были свадьбы внука Владислава и внучки Наташи – новые приятные волнения. Она ищет необычные подарки, пишет тексты лирических поздравлений, всматривается в фотографии со свадьбы. Внучка Наташа родила мальчика, летит из Москвы во Владивосток с грудным младенцем. Трепещет теперь за правнука. Они сейчас в Подмоскovie – военные врачи с прекрасным образованием. Внук-офицер служит в Новосибирске. Новые заботы – как приживется студентка Марина в Москве в общежитии, как сдаст сессию, доедет до Кызыла на каникулы. В 75 лет всё волнения, но таков характер. До сих пор немного работает – больше 50 лет была среди людей, не терпит одиночества.

До пенсии работала в химлаборатории Тувинской геолого-разведочной экспедиции, которую возглавлял ее муж Иван Иванович Корж, ветеран Отечественной войны, добрый и мудрый человек. Дети, Александр Иванович и дочь Людмила, выросли и продолжили дело отца.

Алла Михайловна всю жизнь охраняла свою семью, воспитывала детей, принимала гостей, держала себя в спортивной форме. Последние годы долго ухаживала за больной 90-летней матерью – мыла, лечила, вставала ночью к ней. Ушел Иван Иванович – дом опустел без мужа и друга. Провела

встречу в музее его памяти. Ей звонят старые коллеги-геологи. Она идет со словом поддержки к ним – всегда не с пустыми руками, ходит в больницу к сестре. У этой удивительной женщины огромный круг общения. Ей пишут из Питера – геологи-«тувинцы», шлет свои воспоминания и Книги Александр Сибилев. Из Украины (г. Днепропетровск) приходят душевные письма со стихами о Туве от Е. Никитчиной, когда-то солистки хора геологов. Пишу эти строки, душой замирая, как будто бы вижу я все наяву... Красивее нет, нет волшебнее края, я мысленно вновь возвращаюсь в Туву.

Небо лазурное, будто из ситца. Мне этот край по ночам часто снится. Суровость и нежность древнего края, Саянских хребтов коса снеговая...

Изучает с интересом медицинскую литературу новых авторов. Всегда читает с удовольствием, а еще решает сложные кроссворды. Стараются много ходить пешком до парка, «Востока», ночевала в лесу и в степи. Любит баню с парной. Изредка выбирается в театр, недавно с удовольствием побывала на концерте Сокольникова, а еще любит поэзию. Алла Михайловна находит гармонию в жизни, во всем, в мелочах – добрый, приветливый, внимательный, деликатный человек. С ней интересно, она умеет выслушать и понять человека. Осень жизни имеет свои малые радости – все зависит от человека. Умение радоваться каждому новому дню – с оптимизмом, без суеты и раздражения. Вспоминаются советы Свифта: когда состарюсь – не быть сварливой, угрюмой, подозрительной, не критиковать современные нравы, не рассказывать одно и то же по много раз одним и тем же лицам, не скупиться, не навязывать своего мнения, не давать советы, когда их не просят, не хвастаться былыми заслугами, не быть самоуверенной во всем. Это кредо мудрого долголетия. Отдавать сердце внукам, друзьям, коллегам.

Корж – хорошая фамилия

Семья геолога и врача-терапевта. Муж постоянно в экспедициях, жена – на ночных дежурствах в больнице. Александр Иванович Корж и его супруга Галина Николаевна –

прекрасные специалисты каждый в своей области, уже 30 лет работают ответственно и плодотворно.

В наше непростое время разрываются семейные узы, уходят добрые традиции, много брошенных детей и стариков... И как радуется душа, когда видишь родительский дом как «начало начал и крепкий причал».

Отец Александра, Иван Иванович Корж, долгие годы – глава геологов Тувы, фронтовик и добрый человек, отец и дед. Провожал и встречал внучку Марину из музыкальной школы, ходил с ней по берегу Енисея с удочкой. Александра Кирилловна Гончаренко – прекрасный врач, у которой лечилось полгорода. Ее дочь Галина избрала тоже милосердную профессию врача. Обоих уже нет с нами. Дети и внуки самоотверженно ухаживали за своими больными пожилыми родителями. Так укрепляются традиции в семье. Именно в семье проходит наша жизнь. Недаром говорится: «семья в куче – не страшна и туча». Живем для детей, для себя, для людей, для доброй памяти.

В семье Александра и Галины Корж трое детей: сын и две дочери. Галина Николаевна – скромный, сдержанный человек, всегда элегантная, хранитель семейного очага, нежная мать, прекрасная хозяйка. Она не хотела говорить о своей «интенсивной» работе, зато о детях рассказывала трепетно, с любовью:

– Владислав окончил наш политехнический. Потом учился в Москве – в Академии ФСБ, сейчас работает в Новосибирске. Отдыхает в Туве —

рыбалка, охота, сплав по Енисею с отцом, друзьями. Он всегда в курсе тувинских новостей, переговоры по телефону – особая статья расходов. Вечером к бабушке, Алле Михайловне, не дозвониться.

Наташу Корж многие помнят как лучницу, она участвовала в соревнованиях во Франции, Италии, объехала весь Союз. В Якутии стала чемпионкой России среди юниоров. Тувинская община Якутска принесла ей подарки. Окончила школу с золотой медалью. Думала, выбирала профессию, училась на врача в Иркутске и Москве. И там отличилась –

получила именную золотую медаль, стала военным врачом, как и ее муж-дальневосточник.

Младшая, Мариша, тоже учится на врача в Москве на лечебном факультете. Как и Наташа, занималась стрельбой из лука, окончила музыкальную школу, любит фортепиано, музицирует. Трудно жить домашней нежной девочке в общежитии. Устав от занятий, она едет в сестре в Подмоскovie, помогает нянчиться с Яном, гуляет с ним. До слез радуется приезду папы в столицу, всюду с ним за руку. Мариша ходила на разные курсы по биологии, языку, готовилась к поступлению. Никто не стоял над ней – сама выбирала, теперь осваивает культурное пространство Москвы. Детям многое дает папа Саша – все лучшее от него. Даст умный совет, умеет выслушать, понять, а какой он прекрасный рассказчик. Бабушка Алла следила за чтением внуков.

В хорошей семье и дети сами воспитываются духом дома. В этой семье, например, могут все вместе собраться в горы, на ледниковые озера, полюбоваться незабываемым Висячим камнем в Саянах, слушать бардов, петь туристские песни.

Материнство – труд не только рук, но и души, бывает надо обнять или поворчать, это великое терпение и такт, иногда грусть-печаль. Как сохранить духовные узы семьи, избежать непонимания, отчуждения взрослых детей? А какую сладкую нежность вызывают внуки, и ты вновь молода и крепка... У матери дочь и в 40 лет доченька-ласточка. Как часто мы стесняемся, не умеем выразить нежность, ласку. А потом будет поздно, горько, невозвратно. Берегите, дети, своих родителей.

Светлый след

Жил на свете добрый умный человек, оставил светлый след в памяти людей, в том числе выпускников Кызылского пединститута, а ныне госуниверситета, где он проработал многие годы. В этом году ему исполнилось бы 70 лет.

Родился Джим Карпович Хадаханэ в семье бурятской учительницы, ребенком остался без отца, который рано ушел из жизни. Он был ученым-этнографом.

Мальчиком Джим испытал все трудности военных лет, выпавших на долю его поколения: голодал, собирал ягоды и менял на хлеб, пас в городе козу-кормилицу. Рос беспризорником, был озорником. Мать много шила людям, чтобы прокормить двух сыновей.

Учился Джим в Ленинграде (с 1947 по 1952 год), где все было разрушено. Тувинская и бурятская группы учились вместе. Хадаханэ увлекся учебой и спортом, занимался борьбой самбо, стал чемпионом Ленинграда. Монгуш Кенин-Лопсан вспоминает, как он азартно «болел» за друга на стадионе.

Учили его знаменитые профессора: Струве, Жирмунский, Алексеев, Бурдукова. Увлеченно изучал историю и язык стран Востока, старомонгольскую и тибетскую письменность. Вместе с ним учились тувинцы Ю. Аранчын, В. Очур, Ш. Сат, З. Чадамба, Е. Салзынма – первое поколение тувинских ученых. Все они внесли весомый вклад в науку, стали первыми кандидатами наук в Туве, а теперь их двесотни.

Окончив учебу, Джим вернулся в Бурятию, работал в обкоме, горкоме комсомола в лекторской группе, секретарем Улан-Удэнского горкома комсомола. Проводил фестиваль молодежи, факельное шествие, организовал бригады помощи милиции, участвовал в поднятии целины, за что был награжден медалью. Много занимался спортивными соревнованиями и сам принимал участие в схватках на ковре. Ездил на Всемирный фестиваль молодежи в Москве переводчиком с монгольского. По натуре лидер, он был зачинателем многих добрых дел среди молодежи.

Джим Карпович работал также в республиканском архиве, поступил в аспирантуру ЛГУ, а в 1962 году по семейным обстоятельствам приехал на работу в Туву, в пединститут на кафедру общественных наук. Здесь встретился со своими однокашниками. Разрабатывал курс лекций по истории.

В КГПИ его сразу избрали в профком, потом поручили работу на заочном отделении, а затем стал проректором.

Сравнительно быстро включился в общественную жизнь Кызыла: читал лекции в обществе «Знание» о международном

положении, часто ездил в командировки по кожуунам к студентам-заочникам, безотказно брался за любое трудное дело.

Новая работа потребовала и нового направления в исследованиях. Он занялся темой культурного строительства в Туве (1944–1955 годы), принимал участие в создании книги по истории тувинской парторганизации, ездил на конференции историков в Москву, Новосибирск, Фрунзе, Улан-Удэ. В 70-е годы начал писать диссертацию. Защита состоялась в Иркутском университете, в отзывах оппоненты отмечали обстоятельность и глубину анализа, большую эрудицию.

На кафедре тогда работали опытные преподаватели: Б. Бажутин, Л. Антипин, Е. Скрипов, В. Копеев, В. Биче-оол, а в институте – А. Кунаа, Х. Алдын-оол (ректоры). О Хадаханэ по-доброму отзывались В. Данилейко, К. Салчак, А. Набатов, Ю. Хворов и многие другие. Студенты любили его за талант и общение, ценили обаяние яркой личности: его оптимизм, эрудицию, юмор, чуткость. До сих пор, спустя четверть века, ко мне подходят выпускники 60–70-х годов и тепло говорят о Джиме Карповиче, помнят его шутки, меткий язык, открытость, искренность. Он притягивал людей, быстро обрастал друзьями. Теплой заботой окружал свою мать, любил возиться с детьми, играл с ними в разные шумные игры, пел песни своего детства, показывал приемы борьбы, искал необычные игрушки (сам не доиграл в детстве).

Трижды спускался на плотях по Енисею, каждое лето манили Тоджа и Азас – купание, рыбалка, походы, песни у костра.

Любил технику, долго стояли в очереди на «Москвич», но только одно лето и ездил, радостный, как мальчишка.

Так, в трудах и заботах, учебе и науке, шла жизнь Джима Карповича. Заболел он внезапно весной. Студенты сдавали кровь, друзья вереницей шли к нему в палату с рецептами, настойками и поражались мужеству и стойкости его духа. После бесполезной операции в Москве много друзей провожали его домой. Никогда не забуду эту непрерывную цепочку дружбы, милосердия, участия.

Смертельная гроза унесла незаурядного человека в 47

лет, оставив молодую вдову и трех малых детей. Тогда был жаркий август, казалось, хоронил его весь Кызыл. Полсотни скорбных телеграмм с разных концов страны белой стопкой лежали на столе.

Дети и внуки выросли без него. Благословенно все, что было. Добрый след оставил на тувинский земле светлый человек – Джим Карпович.

Родина там, где трудился

Он знает бурятские песни, любит их и всегда поет: на встречах земляков, с друзьями, в долгих поездках от села к селу. А тувинских дорог было много в его жизни.

Мой земляк Валентин Васильевич Хангаев приехал в Туву в 1963 году. Выпускников Иркутского сельхозинститута, распределенных в нашу республику, было 44. Сейчас осталось двое: он да Мария Ступина – директор сельхозтехникума. Молодого агронома направили в Каа-Хем, в колхоз «Вперед», что в Зубовке. Полный задора и энергии, он ездил по бригадам: сев, сенокос, жатва. Работал не только с механизаторами, приходилось и с летчиками дело иметь, потому что в те годы сорняки на полях обрабатывали с неба. Часто встречался с Салчаком Тока, на своей малой родине тот бывал во все времена года, и было заметно, с какой любовью он к ней относился.

Были трудности с техникой, семенами, нехваткой специалистов. Помогали председатели колхоза: Байкалов, Малышев. В 1966 году собрали большой урожай: около 7 тысяч тонн зерна. На помощь были присланы студенты, а солдаты помогали перевозить его с полей на машинах. Только арбузов тогда было посажено на 64 га, студентов ими кормили. Арбузы были с детскую головку, но вкусные и сладкие. Расплатились за прежние долги. А потом все весело гуляли на «отжинках».

Жена Таня работала в школе, семья держала огород, он был большим подспорьем, так как уже родился сын Вася.

Появился мотоцикл, а потом дали премию за урожай – новенький «газик».

– Приедешь с поля весь в пыли, – вспоминает мой земляк, – сразу в баню, а потом можно и в клуб на концерт.

Хороший народ был на селе. Шесть лет трудились вместе.

После окончания курсов в Красноярске предложили работу в западных районах. А там степь, почва – суглинок, и тайга далеко. Стал Хангаев начальником сельхозуправления в Барун-Хемчике. Новые люди, большой масштаб работы, рядом – огромный комбинат в Ак-Довураке. Всех надо накормить. Объехал хозяйства, понравился Эрги-Барлык, его председатель А. Шаалы. Вместе думали, как не допустить падежа скота в районе, да и остальные заботы общие: откорм скота, поставки молока, мяса, уход за поливными землями. Как-то приехал в район депутат Верховного Совета СССР, председатель Совета Министров РСФСР Геннадий Воронов. Угостили его аракой. Она ему так понравилась, что он даже разрешил изготавливать этот запрещенный в те годы напиток.

Целыми днями в дороге. Уже начал понимать тувинский язык, лучше узнал работу чабанов. Правда, скучал по Бурятии, все рвался на родину, песни стал забывать, хоть и ездил в отпуск к отцу и сестрам.

В Баруме родилась дочь Вика, и здесь семья опять держала большое хозяйство, разводили свиней, кур, даже уток. С удовольствием знакомился с обычаями тувинцев, любил Наадым – особенно хуреш, скачки, где характер народа проявляется наиболее ярко. Так еще шесть лет отшумели в Баруме.

И третья, последняя кочевка, – в Улуг-Хем, на 18 лет. Здесь были большие совхозы и колхозы. Но уже пришел опыт, авторитет. Работал вместе с Гончаруком, Балчий-оолом, Чигжитом, Винниковым, карачаевцами Тикеевым и Бальчоровым. Начали получать урожай по 10—12 центнеров зерна с гектара. В Шагонаре была комсомольская стройка, приехал народ со всей страны. Строили новый город, ждали Саянское море.

– Не тосковали по родине?

– Привык, все стало родным. Наверное, родина там, где трудился-пригодился. В те годы Улан-Удэ был кузницей специалистов сельского хозяйства, многих направляли в Туву. Буряты оставались, обзаводились семьями, пускали корни.

Неоценим вклад многих из них: Хунданова, Башанова, Тулусоева, Баглаева, Жигжитова, Соскинова, Иванова, Шагнаева, Тыхеева, Аюшиновых.

А Шагонар стал второй родиной, – убежден он. – Здесь мои дети работают и внуки растут. Сын пошел по моим следам, дочь 10 лет учительствует.

На переломном для страны этапе выпал Валентину Хангаеву трудный участок: четыре года отработал заместителем министра сельского хозяйства. Многие хозяйства разграблены: от ферм - одни остовы, пустые окна в домах. С трудом поделили семена, а урожая не дождались, налетела саранча. У чабанов даже за воду стали брать деньги. Исчезло плановое хозяйство. Работал с полной отдачей сил, не опускал рук в беде. К. Маспык-оол, в те годы секретарь райкома партии в Улуг-Хеме, называет его знающим специалистом, умелым организатором. «Рассудительный, человек дела, умел ладить с людьми», – вспоминает он.

Пришло время, и опытный специалист понял горькую истину: «Уходит мое поколение, пусть молодые поднимают села и урожай. Им надо знать цену земле, она заботу любит».

За его плечами почти три четверти века. На пенсии занялся Хангаев выращиванием картошки, работая в центре «Гуманный», по 660 тонн заготавливал.

Немногословный, добрый человек. Ни особых наград, ни других отличий... Но есть сознание честно прожитых лет на благо людей и детей. Возится с маленьким внуком и вспоминает родные песни: «...чтоб душа твоя счастьем открылась, хорошие люди рядом со мной...», «...как услышу ласточкино пение, родина мне нежно вспоминается».

Пора бы на покой, да характер не такой

Немного осталось старых кызылчан. Одна из них – Пелагея Михайловна Казанцева, которой исполнилось 93 года. У нее хорошая память, жизненная сила, неиссякаемая любовь к природе, особенно к цветам.

Деревня Березовка в Танды была основана в 1910 году. Жили в ней 64 семьи, прибывшие обозами из Могилева,

Волыни, разных краев и областей Сибири. Приехавших крестьян покорила нетронутая целина. Брошенные в землю семена пшеницы давали обильный урожай. Березовка выросла за одно-два лета. Отношения с тувинцами складывались хорошие. В 1918 году стала застраиваться и соседняя Успенка.

Пелагея Михайловна Казанцева прожила долгую, полную труда жизнь. Умела и делала все: шила, вязала, солила, выращивала овощи и цветы. Держала скотину всякую, стряпала и пекла. Рано оставшись сиротой, скиталась по найму нянкой, стряпухой, прачкой.

В 1928 году родные свели их с Константином, будущим мужем.

– В то время, – вспоминает Пелагея Михайловна, – под ручку парень с девушкой не ходили, до свадьбы никакого общения, боялись даже посмотреть друг на друга. Потом поженились. Купили плуг, а семян не было. Пришлось занять. Урожай собрали, отдали долг. Со временем купили коня, корову. Так помаленьку обзаводились. Потом пошли дети. Родила первенца Николая, а купать не в чем. Костя выдолбил корыто, а оно тяжелое, сырое – надорвалась, когда таскала. Долго болела.

Муж часто уезжал на заработки, а когда сезон – охотился. Чтобы помочь ему прокормить семью, занималась шитьем. Швейная машинка стучала и днем, и ночью. Своих обшивала и людям шила.

В Успенку, где они потом жили, приехали из Усинска семьи Колодкиных, Медведевых, Глушаковых, Пестовых, Яновых, Москаленко, Зайцевых и другие. Тувинцы с интересом наблюдали за жизнью приезжих. Молодой хелин Люндуп Ойдул быстро научился русскому языку, жил в Межегейском хурээ, хорошо знал старомонгольскую письменность. У него был фотоаппарат, он снимал русских друзей. Потом оказался в тюрьме за буддизм, отсидел 3 года. Просил всех не называть его хелином, а по имени Кускежик.

В 30-х годах были гонения на верующих, пострадали Коптевы, Медведевы, Сухановы. В 1937 году расстреляли Ф. Садова, И. Формова, И. Пестова. Потом их посмертно реабилитировали.

В 1935 году Казанцевы переехали в Кызыл, взяли с собой корову и лошадь. Хозяин пошел работать на кирпичный завод. Построили домик. Пелагея работала прачкой в гостинице. Константин ломал камень для новостроек. Как-то на Виланах по недосмотру получился взрыв, и он остался без глаза. Чтобы прокормиться, продали лошадь. Молоко тоже большей частью продавали. Но оставалось и детям.

В войну Константина взяли в трудовую армию. Пелагея осталась с пятью детьми. Всех надо накормить, одеть. Со старшим сыном Николаем, которому было 13 лет, пилили дрова, ловили бревна на Енисее, складывали на телегу и возили домой на дрова. Особенно трудно было зимой, но выручали картошка, другие овощи.

В 1944 году отец вернулся – столько было радости. Летом он сплавлял лес, плотничал, пимокатом был, кирпичи обжигал, камень ломал, зимой в кочегарках работал. Пелагея хлеб пекла, а по ночам вязала. Надо ведь было семерых детей прокормить. Когда пошли в школу, вовсе работы было невпроворот. Со временем внучата народились. И все 12 малышей прошли через руки бабушки. А еще 21 правнук вырос.

Надо заметить, эту семью отличают глубокая вера и долголетие, трудолюбие, терпение, крестьянская сметка, да еще песня. Все

это помогало простой женщине достойно жить и своим примером учить детей.

Трудности, конечно, были и есть, но все друг друга берегут. Николай – инженер, живет в Новосибирске, Валя – экономист, Фая – технолог, Таня – инженер, Зинаида – музыковед, Лида – кандидат наук.

Отец, Константин Федорович Казанцев, прожил 85 лет, нет уже и Нади, старшей дочери. Пелагея Михайловна ездила к детям и внукам в Томск, Новосибирск, Алма-Ату, повидала белый свет.

В 2000 году род Казанцевых собирался на 90-летие матери. «Еще пятилетку вас мучить буду», – смеялась она.

Дочь записала ее любимые присловья: «Пора бы на покой, да характер не такой», «Я отдыхаю, когда у меня дело

есть», "Хорошего без плохого не бывает», «Одного вспомнишь – всех жалко», «Теперь живешь только по необходимости», «Что было – видели, а что будет – увидим!»

Этот небольшой рассказ о долгожительнице Пелагее взят мною из большой семейной книги генеалогического древа, охватывающего 150 лет, сотни человек и судеб. Есть масса фотографий, начиная с 1914 года. Одна ветвь – Глушаковы-Плужник – эмигрировала в 1928 году в Мексику, Америку, приведена переписка с этими семьями.

Дети возили стариков-родителей на родину в Успенку в 1989 году. Прошли по следам отцов.

Такое бережное сохранение истории рода, семьи вызывает уважение и пожелание другим – помнить свое прошлое.

Профессор жизненных наук

Она рано встает: рассадку надо посмотреть, потом на укол в больницу, помочь депутату в работе – сделать запросы по детской площадке. Сегодня репетиция в клубе «Кому за 60», где она председатель, – надо найти машину для выступления хора ветеранов. Они уже выступали в «Серебрянке», школе-интернате, ездили в Чадан – и везде их тепло принимали: приятно старым людям чувствовать свою нужность обществу.

– А вообще, кто рано встает, лошадь с седлом найдет, – смеется она.

Кок-кыс Оюновне Донгак на днях исполнилось 80 лет. Маленькая, бегучая, всегда в делах. Отличник просвещения. Родилась в Пий-Хеме, в многодетной семье Кокей-оола. Мама болела, и девочка с семи лет доила коров и помогала семье. Отец был очень трудолюбив, строил школу, был охотником. В годы войны шила с матерью и вязала варежки с двумя пальцами для бойцов, со всеми собирала подарки для них. Помнит директора школы К. Балчий-оола, дядю Охемчика и Санчая. Математика в школе шла туго, а историю любила – греческие мифы особенно. Закончила ЮПИ – был первый выпуск в 1961 г. Были, вспоминает она, хорошие учителя: Мазуревская, Салзынма, Скрипов. Играли в волейбол, катались на велосипеде.

Друзья юности – семья Юмбу, Ф. Бартан, С. Чоксум, З. Маады, А. Монгуш.

Работала сначала переводчиком в Черби, а потом получила назначение в школу рабочей молодежи при колонии ИТК-1. Не думала даже, что 43 года отработает там, из них 24 года – директором. Трудно было: сами еще без опыта и такие нравственно запущенные, искалеченные парни. Как их лучше понять, помочь возвратиться к нормальной жизни, научить труду и добру? Помогала тувинская литература, герои Сарыг-оола и Ку-дажи. Обращалась к народным традициям коллективного труда, уважения родителей. Песня-мольба сироты и стихи против воровства. Звала писателей, ученых на встречи.

Набиралась опыта на курсах в городах Сибири, бывала в других колониях. Медленно появлялись в подопечных ростки возрождения человека, готовность к учебе, самовоспитанию, понимание необходимости образования, думы о будущей семье и детях. Трудная работа перевоспитания таких молодых людей. Радовалась малым сдвигам, следила за судьбой парней – они помнили ее строгость и материнскую доброту.

Росли дочери Рита и Вика. Помогал добрый спокойный муж Михаил – и дома, и на одной работе в колонии.

Всю жизнь – общественница. Недавно получила из Москвы редкий диплом «Общественное признание», подписанный видными учеными и политиками. В клубе «Кому за 60» уже 20 лет. Подруги говорят: она хороший организатор, всегда с доброй улыбкой, пойдет и добьется, поможет словом и делом... Ветераны поют песни своей молодости, справляют именины, юбилеи, делают выставки осенних плодов и провожают в последний путь. Состав меняется, люди не остаются здесь в одиночестве, отдыхают душой. Многие помнят беседы Кок-кыс Оюновны по радио «Сад и огород», ее дача, как райский уголок, с 1971-го детей и внуков радовала соленьями, вареньями, приучала к труду и красоте. В ее доме выросли внуки и шесть племянников, и все зовут ее мамой. Так приятно видеть трезвую трудовую семью, среди них учителя, статистики, финансисты и даже политологи – Тюлюши и Товуу.

Дорожат любовью и доверием своих детей, которые шутя называют ее «наш Госконтроль», профессором жизненных наук, адмиралом семейного корабля. Так приятно видеть увлеченного человека со здравым, трезвым умом, бескорыстную, любознательную, энергичную, несмотря на годы и болячки, готовую сразу на несколько дел – с ней не соскучишься. Такая неутомимая невеста в 80 лет. Долгих добрых лет радости!

Чужой боли не бывает

Ирина Воронкова ехала в поезде через всю страну в числе 14 выпускников Смоленского пединститута. Что ждет ее в далекой неведомой Туве? Была покорена красотой Саян и Енисеем. В 1962 году направили ее в Тоджу, в Адыр-Кежик.

– Встретили тувинцы тепло, помогли устроиться, – вспоминает Ирина Ивановна. – Чудесная природа, новые люди и обычаи – все было интересно. В школе 250 учеников, в интернате – дети оленеводов. Относились уважительно, почтительно. Придешь в магазин: идите без очереди, башкы. Квартуру закроешь на палочку вместо замка: ничего никто не возьмет. До сих пор помню и встречаюсь с М. Кууларом, С. Бадыраа, Р. Кол, Л. Чорба. Помогали оформлять класс, на баяне хорошо играл С. Бадыраа. Учителем физики был спортсмен В. А. Агбан, стали дружить, а вскоре вышла за него замуж. Уже понимала тувинский язык. Ходила с детьми в походы, изучали флору и фауну Тоджи. Шесть лет пролетели, и в 1968 году переехали в Кызыл. Работала в первой и третьей школах при директорах П. Маркелове, В. Гребневой, А. Леоновой, Р. Хаймановой. У каждого училась методике, набиралась опыта.

Нелегко, конечно, приходилось ей тогда. Дети были маленькими, муж на учебе в Москве. Нужно привыкнуть к новому коллективу, городским ученикам. Всегда много читала, следила за новинками. И сейчас, едет к сыну в Новосибирск – сразу в книжные магазины. Помогали курсы усовершенствования в Томске, Кемерово, Красноярске, Москве.

28 лет И. И. Агбан отработала на трудном беспокойном посту завуча. Посетила сотни уроков, написала гору годовых отчетов, оказывала методическую помощь молодым учителям

на курсах, учила индивидуальной работе с детьми. Постепенно и сама стала учителем высшей категории. Корректная, внимательная, справедливая, – так говорят коллеги. Заслуженный учитель РТ.

Работает по сей день. Ведет биологию в старших классах, специализирующихся на этой дисциплине. Дети охотно записываются на элективные курсы, многие выбирают медицину. Все ее ученики уверенно сдают ЕГЭ по биологии, вспоминая уроки Воронковой: генетика, влияние наследственности на интеллект, биоритмы человека, животных и растений, влияние загрязнения атмосферы на развитие растений, наследственные заболевания в Туве, деление клеток... Они часто побеждают на олимпиадах города и потом выбирают свой путь. Среди выпускников много врачей: А. Монгуш, А. Башанов, Ш. Хопуя, С. Чубарова, Т. Слушева.

«Приду к вам лечиться», – говорит Ирина Ивановна при встречах. Ее до сих пор помнят тоджинцы, зовут на встречи, юбилеи. А сама она часто вспоминает советы замечательного учителя и директора А. Загайнова.

Ирина Ивановна выросла сиротой, отец погиб на фронте, мать рано ушла из жизни. Она остро чувствует чужую боль, всегда готова помочь слабому ученику. Конечно, за 50 лет в школе можно заостенеть в штампах. Но она не позволяет себе отставать от науки, свежих идей. И каждый раз идет в класс с радостью, зная, что ее ждет внимательный взгляд ребенка, доверяющего свою судьбу учителю.

Выросли сыновья Толя и Саша. Один инженер, другой – офицер; четверо внуков. Рядом надежный друг, муж Виктор Анатольевич. Большая родня тувинская всегда поддержит. Ирина Ивановна полюбила горы и озера Тувы, часто выезжают все вместе на природу. Их дача утопает в цветах и зелени плодово-ягодных кустарников.

Пишу эти строки с радостью, зная достоинства скромной Ирины Ивановны Агбан – она учила моих детей и внуков. Таких учителей помнят долго.

Как воспитать талант

Про Найдан, ее родителей и увлечения

Он написал ее с такой любовью, болью, чтобы, наверное, утишить рану сердца. И, наверное, с мыслью помочь родителям в воспитании детей. Виделись мы в Москве на декаде Тувы в 1974 году. Позже – на квартире Рушевых на Кавказском бульваре в ноябре 1981 года вместе с А. Сереном и И. Салчаком у гостеприимной Н. Ажикмаа. Была поражена маленькой комнаткой, где творила эта чудо-девочка, и сотням папок ее удивительных работ – таких изящных и солнечных. 17 лет и 10 тысяч рисунков.

Какое счастье, когда родители понимают своего ребенка, следят за его духовным рождением. Мама кормила, оберегала. Отец направлял вкусы девочки: дарил альбомы по искусству, много рассказывал о художниках, а главное – возил на экскурсии в любимый Ленинград и другие места.

Она не могла оторваться от Эрмитажа: «Давай на весь день и до вечера без обеда?!» Это блаженство – экскурсии к Пушкину и чтение непрерывное. Надя читает по школьной программе, но и много для себя: Шекспира всего, «Письмо незнакомки» Цвейга, Мериме, Ремарка, «Моби Дик» (о ките), Хемингуэя, Сент-Экзюпери, Д. Лондона, Г. Белля, литовские сказки, Рабле, «Гойю» Фейхтвангера, Эдит Пиаф. И (я сознательно упустила русских авторов) все это за один 1968 год.

Любимые темы – «Война и мир», «Пушкин» и волшебное открытие М. Булгакова, «Мастер и Маргарита». За журналом «Москва» охотились почти все. А еще театры, кино – «Мужчина и женщина», «Леди Гамильтон», конечно, А. Делон, С. Лорен, Ж. Филипп, Л. Оливье. Записывает стихи Есенина, читает Ахматову, Куприна, «Гранатовый браслет» – идет воспитание чувств, волнение сердца, девичье замирание.

Открывает для себя Боттичелли, Пиросмани, Пикассо, следит за японским и монгольским искусством. Рисовать – такая потребность души. Она – гуманитарий, мучается над алгеброй, химией, физикой. Тогда не было разделения в старших классах по выбору, как теперь. Как человек ответственный, все

выполняет, но какой ценой? Рисует полчаса до сна и даже погулять в соседнем парке удастся редко. И в класс надо стенгазету сделать – сама захотела. Восхищаясь талантом Н. Рушевой, иногда ей не верят, просят нарисовать прямо сейчас – на глазах...

О ней отзывались известные художники, искусствоведы, например, В. Ватагин, Н. Жуков: «У нее пречуткое сердце, артистизм необыкновенный, безупречное чувство композиции, мощная власть красоты. Какая непритязательность и ясность ее рисунков – законченное произведение искусства. Какое разнообразное настроение ее героев, образная фантазия, глубина психологизма образов, свежесть, артистизм. И люди, и животные облакаются невыразимой поэзией, линейный рисунок, ее лаконизм живой. Высокий отточенный вкус, чувство меры, такта, свой взгляд. Умеет передать настроение и внутренний лиризм своих героев, удивляет безошибочность ее линий, мягкий славный юмор, рисует глазами и душой. Она может передать духовную красоту минимумом средств».

Пушкинские рисунки Нади созвучны с его поэзией и душой: младенец на руках матери, с няней, с сестрой детьми, лицеистами; поэт в семь лет, в 25, перед самой кончиной – прощание с детьми. Писатель А. Гессен (90 лет) хотел рисунками Нади иллюстрировать свою книгу о Пушкине. Она нарисовала их сбоку текста, как у поэта в рукописях, спорила с автором. Спокойно выслушивала критику по рисункам к «Войне и миру». Бесконечно дорожила циклом о Булгакове. Сложный роман «Мастер и Маргарита», в ее рисунках редкий сплав поэзии, фантазии, сатиры – необычно, свежо и парадоксально, как само произведение. Вдова писателя Елена Сергеевна была удивлена и восхищена интуицией и талантом девочки.

Последние дни Нади даны по часам. Николай Константинович смог написать об этом только спустя три года. Как вернулись из Ленинграда домой, стояли в очереди на такси. Дома ждали письма друзей. Отец уходил – дочь почистила щеткой его пальто в последний раз...

Мечтала продолжить серию рисунков по произведениям Лермонтова, Блока, Грина, Шекспира и Сервантеса... Какая

напряженная духовная жизнь гениальной девочки! Она все делала в радость, вынашивала свой идеал красоты, созданный в семье тувинской балерины Н.Д. Ажикмаа и русского художника и замечательного отца Н.К. Рушева. Говорят, смешанный брак представителей разных рас «рождает» талантливых детей. Кем бы она стала? Сколько бы еще увидела и воссоздала мечтатель-романтик? Созерцатель жизни сумела много и улетила победителем на высокие звезды.

Сейчас остро стоит вопрос семейного воспитания. Может быть, этот опыт кем-то воспримется близко. Воспитание детей – это как стихи: не каждому дано. Говорить по душам, знать интересы, способности. Родители Нади вложили в нее так много любви и души. Удивительная книга с фотографиями и нежными тонкими рисунками Н. Рушевой и бережным редактированием близкого круга друзей.

Она рисовала сердцем

Получила из Москвы от Н.Д. Рушевой прекрасно изданную книгу Н.Масловой «Графика Надежды Рушевой» (М. 2009, тираж 200 экз., 472 стр.)

Половину книги составляет каталог -10 тыс. названий творческого наследия художницы в 33 сериях, среди них античность, балет, сказки, рисунки по Булгакову, Пушкину, Толстому. Она читала, рисуя Лермонтова, Грина, Кипплинга, Шекспира. Автор книги Наталья Маслова – школьная подруга Нади, стала доктором психологических наук и пишет стихи, они есть в книге - возвышенно-философские оды.

Ученый-психолог рассматривает личность и творчество Нади с позиций современной науки, проделала огромную работу по сбору материала.

Надя познавала истину посредством образов, воплотила идеалы человечности, соединяла высокое духовное с земным. Её творчество врачует душу. Автор ищет в истории мировой графики место Надежды Рушевой, влияние Бенуа, Фаворского, японских художников на творчество гениальной девочки. Откуда такое обширное, зрелое и новаторское духовное богатство в этих линейных певучих линиях? Надя рисовала

сразу, без черновиков, соблюдая закон золотого сечения. Это величайший дар - так сразу писать лаконично, точно, виртуозно, изысканно.

Автор книги изучила композицию, линию, цвет всех листов художницы – самой молодой из великих. Надя воспевала любовь, нежность, гармонию – её рукой, кажется, водил Бог (Бесконечная общая гармония). Надя создала 300 листов пушкинианы - от рождения поэта до его гибели. В семье Рушевых была прекрасная библиотека и традиция чтения вслух. Самые необычные рисунки - Пушкин в детстве и юности, ей это близко по возрасту. Семья и дети Пушкина -это открытие Нади, ее духовная жизнь. Она мечтала стать художником мультипликации, а не просто книжным графиком. Её рисунки похожи на рисунки самого поэта. Она волшебным образом передала дух его дома, любовь к детям, восторг любви в портретах прекрасной Натали и горе ухода. Пушкин и Рушева – драгоценный слиток по отзывам зрителей.

Много пишет Н.Маслова о душе. Жизнь без души невозможна. Надя, как и Пушкин – метиска, двух кровей. И даже находит созвучие: Пушкин, Рушева. С помощью ноосферной психологии, которая определяет природное личное предназначение человека, автор изучает гений Нади. В последние годы Надя прочла и изумилась роману М.Булгакова «Мастер и Маргарита». И вдохновенно создала двести листов графики, сумела показать сложный философский, сатирический, религиозный, фантастический дух романа. Черно-белая графика пером в образах добра и зла – Мастера, Иешуа, Маргариты, Понтия Пилата. Покоряет многообразие чувств. Тонко, бережно, деликатно исследует автор личность и дар Нади, приводит множество отзывов художников, писателей, простых зрителей. 40 млн. посмотрели её выставки, «Мальчиш-Кибальчиш» побывал в космосе. Есть планета Рушевой. Существует детский благотворительный фонд поддержки творческих дарований имени Н. Рушевой. Его добрый лозунг – «Спасем детей – спасем Отчизну!»

Из отзывов: «Её точная линия, как струна чистоты, мечты, боли»... «Она рисовала сердцем»... «Словно её рукою

пишет божественный ангел»... «Её рисунки проникнуты нежностью и милосердием ко всему живому... её рисунки – исповедь души».

Особое место занимают трогательные воспоминания матери Н.Д. Ажикмаа-Рушевой о любви к морю, Рахманинову и Моцарту, о прогулках в Абрамцево и Архангельском с Надей. Н. Маслова отмечает черты семейного воспитания у Рушевых. Надя всегда находила понимание в семье, была жизнерадостной, доброжелательной, миролюбивой, подвижной и сосредоточенной, замкнутой и молчаливой. Семья – гнездо души. Отец был предан семье и творчеству, был другом дочери, умел возбуждать интерес, веру в полезное, не навязывал собственных знаний и чувств другим. Мама хранила порядок, уют в доме – тихая, скромная, сдержанная, добрая. Н.Маслова написала стихи о матери Нади:

Мы стойкости должны твоей учиться,

Порядочности, мужеству, уму.

Святая дочь Тувы! Тобой гордиться

В веках стране, народу твоему.

В этой книге много редких фотографий Нади, рисунков, стихов, воспоминаний, статей о Надином творчестве.

Книга обращена ко всем, кто любит искусство. Она поможет в эстетическом воспитании молодежи. Это прекрасный подарок тувинским читателям.

Добрая душа хоомея

Прочла книгу В. Сузукей «Искусством хоомея своего раскрою душу свою» о народном хоомейжи Конгар-ооле Ондаре. Много раз слушала яркие выступления артиста, голос звучит из самых глубин души народа. Непростая жизнь сложилась у него. Трудное детство с побоями и тяжелой работой, но спасала школа, где он был активистом в спорте и художественной самодеятельности. Потом была армия, а также испытал неволю. Глядя на энергичного веселого артиста и не подумаешь. А хоомей заворожил его с детства, он слушал знаменитых исполнителей и сам проникался волшебными звуками «до пяток».

Он приехал в Кызыл и начал выступать, но пробиться на сцену и добиться признания было трудно. В составе ансамбля «Тыва» с 1989 года ездил по Туве, особенно волновала зрителей «Песня сироты», он вкладывал в нее горькие воспоминания детства.

К нему пришло признание, а еще повезло выступить перед президентом Б.Н. Ельциным. В 30 лет он получил высокое звание. Конечно, была и зависть, без этого нет дороги в искусстве. С ансамблем он проехал полмира: Европа, Америка, Азия.

Чем он брал? Не только харизмой, талантом, но и особой манерой исполнения. Выступал в Голливуде и у американских астронавтов, в больших и маленьких залах и – покори́л. Познакомился близко с музыкальным миром Америки, его людьми: Пол Пена, Ф. Зеппа, получил престижную премию Гремми.

Проехал с флагом Тувы по 11 штатам США с рекламой автомобиля, встречался с индейцами, рассказывал о Туве, обычаях, играх народа. Экзотика, вроде тирольского пения? Нечто совсем другое, таинственное. Возможность раствориться в космосе природы. Конгар-оол, как и знаменитый ансамбль «Хуун-Хуур-Ту», стал полпредом музыкальной Тувы в мире. Италия, Япония, Гонконг, Корея. Мир удивляется тувинскому хоомею, иностранцы хотят овладеть этим искусством. Оказывается, хоомей еще обладает и целительными свойствами, музыковеды изучают особенности звукоизвлечения.

«Мистер улыбка» передает свой опыт и умение, работая с детьми в РШИ. Там же создал музей тувинских инструментов, был депутатом Верховного Хурала. Когда решилась судьба старого музея, Конгар-оол загорелся идеей создать центр тувинской культуры. Подарок себе к 50-летию. Восхищают жизненный напор, оптимизм, жизнелюбие, желание послужить народу. Он остался простым человеком без зазнайства. Его любят ученики, их теплые слова и стихи приведены в книге. Благотворительность артиста известна, привозил гитары, диски, фотоаппараты, одежду музыкантам. Помогал деньгами студентам. Его девиз – нет алкоголю. Учил международному

этикету. Сам собирает коллекцию конской упряжи, сбруи. Для сына – конские фигурки из разных стран, монеты, значки.

Искусство хоомея корнями уходит в народное творчество. «Тувинцы ворвались в твой мозг и оставили следы копыт», – говорят иностранцы. Хоомей – в центре мировой музыкальной моды, внося вклад в искусство.

Книга В. Сузукей познавательна и патриотична. Нужны такие биографии людей и искусства для престижа Тувы.

АЗИИ МОЕЙ ЛИЦО

Великий монгол

Навек ушло его тысячелетье, но нескончаем гул его равнин.

Б. Дугаров.

Имя Чингисхана овеяно легендами уже 8 веков. Читала книги европейских ученых. С. Уолкер в своей книге детально, тщательно анализирует его 18 походов по Азии и Европе, его военное искусство. Зимой начинал и весной заканчивал походы. Непрерывное движение в поисках пастбищ в резко континентальном климате формируют суровый и мужественный характер, готовый переносить любые тяготы кочевой походной жизни. Родился в седле и умирал в нем. Кража коня и вещей каралась смертной казнью. «Ни один народ на земле не может ни превзойти их в испытаниях и перенесении лишений, ни выказать большего терпения и воздержания от желаний и нужд всякого рода» (М. Поло). Внезапное нападение, притворное бегство и удар по врагу. С ним ходили 4 сына: Джучи, Чагатай, Угэдэй, Тулуй – это 4 тумэна (тысячи). Его полководцы: Мухули, Боорчу, Джэбэ, Субудай, Бала-нойон, Самуха. Среднее число армии 250 тыс. всадников. Большую роль играла разведка. В Китае научился осаде городов, китайские и персидские инженеры применяли артиллерию, огнеметы (горшки с нефтью). Эту книгу изучают военные специалисты, как и работу генерала М. Иванова «О военном искусстве Чингис-Хана» (1875).

Другая книга – «Властитель мира» Гарольда Лэмба – дает общий очерк личности и биографии. Пишет о первобытном монгольском характере, кровавых расправах и опустошениях – один человек изменил цивилизацию. Он объединил 50 народов: кереиты, меркиты, найманы, урянхаты, татары, баяты, дурбеты, ойраты, туматы, чоросы, икересы, хори-туматы и т.д.

Интересна книга француза Р. Груссе. Он блестяще знал китайские и персидские источники, живой образный язык, имел свою точку зрения – «оседлоцентристскую». Главы названы: убийство брата, колодка, побег, увод коней, шуба соболя, предательство и вероломство, Антицезарь Джамуха. Дан его психологический портрет: неустойчивый, склонный к интригам, коварству, безмерно честолюбивый и вдруг – самоунижение и раскаяние: «К чему тебе моя дружба» когда перед тобой весь мир – я колючка на твоём подоле». И его убили без крови, закатав в ковер.

Историк размышляет, в чем истоки жизнеспособности и могущества кочевников. И в степи есть историческое движение. Насилие – пружина исторического процесса всех народов. Конфликты решались войнами за территорию. Автор видит в Чингисхане величайшего творца истории: великодушного, щедрого, уравновешенного, здравомыслящего человека для близкого окружения.

Империя Чингисхана – котел разных культур, религий – тенгрианства, христианства, буддизма, ислама, конфуцианства. Шло смешение народов благодаря брачным союзам, была открытость к культурам соседей. Им двигало желание отомстить за предков, наказать за убийство послов, за нарушение союзного договора. Не жажда грабежей и добычи, а восстановление справедливости, он хотел изменить мир по своим идеалам. Ненавидел предателей, верил слову, преданности. Описаны отношения с женами Борте, Хулан, Есуй, Есуган и матерью Оэлун.

Он интересовался обычаями страны, вел разговоры с философами, искал бессмертия, слушал советы китайского мудреца Елюй Чуцай, решил вопрос о наследнике (Угэдэй), не позволил сообщать о своей болезни, пока не станет известно о

победе. Ушел в 1227 году в лес у горы Бурхан-Халдун. Упал с коня во время охоты, умер от раны, от удара молнии, от укуса красавицы-тангутки в брачную ночь – версии. «Словно кричит парил над всеми, словно лев среди людей был ты», – плакали батыры. В своей «Яса» он запрещал чинопочитание, похвальбу званиями, самовозвеличение и недоступность. Каждый человек трудится как другой, разницы не делают и на богатство и поддержку не смотрят. Должно уважать чистых, невинных, праведных, грамотеев и мудрецов какого бы то ни было племени.

Бытовые запреты: нельзя вонзать нож в огонь или ножом – мясо из котла, рубить топором возле огня, убивать птенцов, ударять лошадь уздой, проливать молоко на землю, наступать на порог.

Любопытна книга калмыка-эмигранта Эренджен Хара-Давана (1883–1942) «Русь монгольская» (Чингисхан как полководец и его наследие). Он начал очищать имя от устаревших мифов, стоял на евразийской платформе, как Г. Вернадский, П. Савицкий, Н. Трубецкой, Л. Гумилев. Автор подробно исследовал военное устройство монгольской империи. Роды и племена выставляли конные десятки, сотни и тысячи. В обстановке боевых успехов сливались в одну нацию, проникнутую национальным самосознанием и народной гордостью.

...Бек, жадный к вину и водке, не может держать в порядке дела тысячи и сотни.

...Если кто-нибудь в битве, атакая или отступая, обронит свой выюк, лук, находящийся сзади должен сойти с коня и возвратить владельцу упавшее, если не сойдет с коня и не возвратит упавшее, то предается смерти.

Каждый воин имел при себе пилку для острения стрел, шило, иголки, нитки, сосуд для варки пищи, кожаную баклажку – 2 л воды, молока. В двух седельных сумках запас еды – сушеное мясо и сухое молоко – и смена белья. При голоде надрезал вену лошади и пил струю крови, потом перевязывал рану жилой. Хлеб – тесто, завернутое в виде блинов, пекли под мышкой у верблюда (высокая температура).

Чингисхан был великий стратег и тактик, он создал школу полководцев, в том числе Тамерлана. Гений военной науки, он смело использовал опыт других народов. При осаде Нишапура было 3 тыс. баллист, 300 катапульт, 4 тыс. лестниц, 2,5 тыс. выюков камня.

Завоевание Азии открыло новые пути между Востоком и Западом, и ранее изолированные цивилизации соединились. Линии летучей почты (уртоны) обращались в пути культурной связи. Он установил мир на два века после смерти. Европа пришла в соприкосновение с Китаем. Открытие путей сопровождалось обменом идей. Марко Поло, Рубрук, Карпини, изучая Восток, отправились в путешествия. Азия тогда культурно стояла выше Запада. Под влиянием монгольского владычества русские княжества соединились в Московское царство. Установился мир на 40 лет. Подати собирали баскаки – 1/10 дохода. Потянулись караваны до Монголии, Китая и Индии. В быту появились золотые кафтаны и сафьяновые сапоги, валенки, пельмени, счеты... Ремесла, наука, изобретения стали достоянием. Старый и Новый Сарай были добротно оборудованы. И населены монголами, татарами, аланами, русскими и греками (*М. Поло*). Батый был сыном Джучи, внуком Чингиса. Веротерпимость была принципом сожительства. Появились смешанные браки – прилив свежей крови дает новые таланты. Казаки много взяли от монголов в одежде и снаряжении. Чингисхан отбирал лучших – верных, преданных, стойких и не допускал к власти людей с пороками: измена, предательство и трусость, и сам был чужд роскоши и излишества. Ценимые Чингисом люди ставят свои честь и достоинство выше своей безопасности и материального блага. Он презирал оседлых за их тягу к материальному достатку и завещал сохранить кочевой быт как свободный. Аскетизм, упорство, ярость, решимость, безразличие к пустякам, готовность выдержать любые лишения помогли выстоять. Он образец пассионарной (активной) элитарной личности, он предложил новый евразийский порядок. «Чингисхан продвигал процесс глобализации, что до него ни один повелитель не делал» (*Энхтувшин*).

Роман о Чингисхане

Якутский писатель (математик по образованию) Н. Лугинов написал роман «По велению Чингисхана». Он интересен новым взглядом на личность Тэмуджина «потрясателя вселенной», который признан по опросу ЮНЕСКО самым выдающимся человеком второго тысячелетия. Вспоминаются романы В.Яна, И.Калашникова, В.Чивилихина. Нужна была отвага художника, чтобы решиться снова писать о Чингисхане – события скрыты за далью восьми веков. Не утратил любви читателей «Жестокий век» И.Калашникова (1980) – страстный, философский, клокочущий, живописный, а сам автор сгорел в этой великой работе.

Годы перестройки принесли лавину новой информации, потрясли устоявшиеся стереотипы исторических личностей.

Н. Лугинов представляет прежде всего пытливого мыслителя – государственный ум великого азиатского лидера. Он показывает, каким должен быть правитель. В образе Чингисхана – глубина ума, сила поступков. Он высказывается взвешенно, расчетливо, все мысли подчинены общему делу. Умеет укрощать свой характер, учится угадывать чужие намерения, прислушиваться к чужому мнению, заранее строит мысленно зигзаги будущего, учится управлять хаосом масс, быть на гребне волны.

Хан, снисходительный к своим подданным, не имеет будущего. Его отличает верность слову, прямота поступков, надежность в деле. Властелин, окруживший себя льстивыми холоуями, гибнет от лести. Стыдно быть знатным и богатым, когда народ в беде. Когда не ворует вождь, – не ворует и народ. Люди власти прорастают заносчивостью и чванством. Он презирает предательство. Самый страшный червь – зависть, она – мать предательства. Он старается не возвышать родню.

Его долгие мысли о том, как укрепить строй жизни степных людей. Как истребить крысиную алчность, глупую обидчивость, зависть к чужому добру? Нельзя осквернять имя своего народа. Сколько можно жить в постоянном ожидании беды, войн, набегов? Сколько можно сторожить самим себя? Должен быть единый закон – Яса – для всей степи, он заменит

мелкие распри и разногласия. Сделать единым союз племен по доброй воле народов.

Все в Иле (государстве) подчинено порядку. Мир можно крепить только оружием и военным искусством. Чем сильнее власть, тем спокойнее жизнь в государстве. Или покоряйся (он отбирал одну десятую добычи в походах), или погибай сам. Мудрость полководца вмещает мудрость предыдущих поколений степняков. Нарисован сложный человеческий характер со всеми страстями и противоречиями.

Трагичен образ побратима Джамухи. Он вызывает сильные чувства. Это отважный, прямодушный, доверчивый человек, но и упрямый, заносчивый. Сначала он помогал Тэмуджину, потом наступил разрыв. Он тоже мечтает о власти, сталкивает людей, бывает жесток и коварен, следует чужим велениям. Вседозволенность превращает его в бродягу, изгоя.

Сломленные люди опасны. Он теряет веру, становится равнодушен. В плену предпочитает достойную смерть. Раскаяние и чувство вины терзают его: почему остался в стороне от большого пути? Такой путь во власть – предостережение. Все повторяется, но быстро забывается.

В романе много героев, разные слои: старики, женщины, дети. Купец Сархай, медлительный Усун, заика Хорчи, кичливый Тогрул-хан, вспыльчивый, легковверный Хасар, бесплодная Ача-Хотун, коварный шаман Тэб-Тэнгри, большой круг бесстрашных соратников.

Показаны обычаи разных племен. Кэрэиты имеют привычку поносить и принижать лучших своих людей, хори – упорные, туматы – заносчивые, несговорчивые. Оседлые народы думают, что могут собрать весь скарб мира, они – рабы вещей.

Автор отдает дань восхищения Сюбетею. Он в бою стремителен, невозмутимый молчаливый человек. Урянхай – люди спокойные, неприхотливые, выносливые, питаются от рек и тайги, а горы знают, как старуха содержимое сундука. Сюбетей и Джемлэ – великие сыновья своего народа, торят тропу для потомков.

Известно, что во время венгерской кампании 1241 года Сюбетей прошел 435 верст за трое суток. Он дошел до Кавказа,

а умер на берегу Толы в Монголии – знаменитый урянхайский полководец Чингисхана.

Покоряют женские образы, особенно своим величием и мудростью многострадальная мать Ожунун. Печется о детях и внуках, объясняет им родовые понятия чести, Она едет с ними к Байкалу в тайную ставку. Заботится о выборе жен, у нее доверительные отношения с невестками. Баюкала на коленях четырех сирот-приемышей, они стали опорой сыну. Волнующи сцены с внуками, угасание великой матушки. Седа, как летний ковыль, ее голова. Думы матери – о детях, а думы детей – о степи.

И. Калашников восхищался женой Борте, а Н. Лугинов – сестрами-татарками. В. Чивилихин первым прославил Субудея, а тувинские ребятишки уже носят славное имя предков.

Прекрасен язык романа. Деталью, метафорой можно сказать многое: песню смерти затанули стрелы. Мать – великая степь. Картой был ящик с песком. Теплый собачий язык нежности лизнул сердце. Пропахшие дымом макушки внуков. Засмеялся одними глазами. Запах опасности, зерна тревоги. Чиновник – лесная нора, не знаешь, кто из нее выскочит. В степи стих последний стон. Лицо покрылось завесой мрака.

Язык романа афористичен: всяк, кто родился, умрет. Ты сказал, я услышал. Имя и честь превыше жизни и славы. На губе уже возшло, а в голове еще не сеяно. Тьма незнание страшнее, чем слепота. Ум – это умение приложить знания и вырастить их, как дерево. Глупость – подруга всех возрастов. Многословие – враг смысла. Дураку лишнего не втолкуешь. Лучше быть черным человеком у себя на родине, чем султаном на чужбине.

Роман Н. Лугинова богат бытописью, и это сразу вводит в среду, в окружение степных монголов. Опустился на одно колено – знак уважения. Кость с мясом обедают до сияющей белизны. Среди жен нет зависти, ревности, вражды – это позор рода. Много жен, чтобы спасти народ в большом потомстве. Страшная клятва на черепе коня: пусть с лица земли будут сметены все мои потомки. Мать гладила по голове и обнюхивала как в детстве. От него пахло конским потом и кислым молоком. Счастье – это степной костер, табун лошадей

и нежные ласковые глаза любимой.

Писатель тонко передает звуки и запахи: как проклевывает скорлупу птенец перепелки, всплескивает рыба на озере, гомонят в камышах утки, екает печень в утробе лошади. Все, что составляет непостижимую красоту жизни.

Автор широко образован, каждая глава начинается с эпиграфа. Это Плано Карпини, проживший 17 лет на Востоке, «Сокровенное сказание», Конфуций, Гумилев, Лао-Цзы, эпос и легенды. Все это придает своеобразный настрой, протяженность во времени – историческую даль веков. Многие имена, названия переделаны на якутский лад, что затрудняет восприятие. Перевод В. Карпова и Н. Шипилова добротный.

Новый якутский роман о Чингисхане, объединившем и создавшем огромное евразийское государство, – прекрасная часть российской многонациональной, многоликой культуры. Это праздник для читателя. Пример якутского коллеги достоин продолжения в тувинском историческом романе, например, кто лежит в царском кургане Аржаана?

Мать народа

Много лет работает якутский писатель Н. Лугинов над образом Чингисхана, и сегодня он издал новый роман «Мать и жены Чингисхана» (перевод В. Карпова и Н. Шипилова). В центре величавый образ матери Ожулун. Сурова жизнь восточной женщины-кочевницы, матери пяти детей. Много стало врагов в степи, зависти и злобы. Не завидуйте друг другу. Зависть – мать всех бед. Мать выбирает жен сыновьям, чтобы укрепить родовые связи, предупредить распри. «Ваша сила в братстве, – поучает она легковерного, бесхитростного Хасара. – Шаман Хохочой играет на вашей слабости, на вашем недоверии. Ведешь себя, как глупый тарбаган».

Грех и позор невесткам ревновать и завидовать, должны быть, как сестры, близки. Прежде, чем выбрать жену сыну, матери изучают их родословную, характер, здоровье, умение. В то же время мать призывает жалеть сестру, которая уходит на чужбину. Ей нужны выносливость, сила духа, чтобы сохранить монгольский род в детях. Выбирай жену, как боевую лошадь.

Нужно уметь угодить мужу и людям. Хвалит урянхаек за красоту и смирение, миролюбие. Внуков своих не только качает на коленях, но и учит укрощать свои желания, чувства, принимать самому решения, к чему быть готовым в жизни. И мальчики так и поступают. Мать умеет говорить со старцем и своим грозным сыном. Есть чему поучиться и сегодня.

В ее речи много мудрости. Со стариком Усуном сидит матушка на главной ставке у Байкала, разговаривает со своим старым конем, любит новую зарей. Чувствует приближение ухода. Никому не дано знать своего завтра. Сердце ее – усталая вечная птица. Ее курган не за горами. Рядом с ней подружка-китаянка лечит ее травами. Она еще хочет многое успеть сделать, дать наказы. В романе нет ее любви к мужу, она помнит его и он приходит к ней на белом коне во сне. Чингисхан всю жизнь прислушивался к советам своей матери. Ее образ наполнен большим философским смыслом, но и конкретен в бытовых деталях. Это главная удача романа.

Жены показаны бегло, и главную роль играет не Борте, а Усуйхан-татарка. Старший Ожучи страдал от недоверия отца, а здесь все хорошо. Подробнее нарисован брат Хасар Урянхи – спокойные, простые и непритворные люди. Новые названия армейских подразделений, и не юрта, а сурт. Три десятка народов, племен. По источникам мать зовут Оэлун, а здесь Ожулуг – по-якутски? Книга набрала мелким шрифтом, эпиграфы из Карпини, Гумилева читаешь с лупой. Иллюстрации из кинофильма «Тайна Чингисхана» – это наши тувинские артисты.

Писатель имеет свой особый взгляд на историю.

Сибирский Чапаев

Его именем названа улица в Кызыле. Лучше узнать человека из легенды поможет повесть Н. Шадрина «Штабс-капитан Щетинкин» в «Сибирских огнях» № 11, 2010 г.

В маленькой повести – только эпизоды из жизни командира. Сирота, служил в царской армии, за смелость – Георгиевские кресты. Живет в деревне, строит дом для семьи, троих детей. Началась революция. Щетинкина призвали обучать

роты стрелковому делу. Воюют белые и красные, тем и другим нужны фураж, продовольствие. Мужики терпят, а потом дают отпор, создают крестьянскую республику. Горят в пожарах деревни. У командира болит сердце за семью, партизаны берут их с собой.

Щетинкин умеет воевать, надежда – на разведку и внезапные удары. Он учит крестьян ходить в атаку цепью, передвигаться перебежками, скрываться, нападать, искать слабые места противника. Тактика: нападение и стремительные рейды ночью. Чтобы уйти от превосходящих сил противника, со всем обозом в начавшийся ледоход идут через Енисей. Стоит пар над черной водой, скользят и падают кони, ломаются ледовые поля – сумели уйти. К сожалению, в конце повести идет скороговорка: Минусинск, Усинский тракт, бой под Белоцарском. Разгромили трехтысячный белогвардейский отряд Бологова в Туве, перебили и сбросили в Енисей, потеряв 37 партизан, теперь в Кызыле памятник у реки.

Показан Кравченко – высокий, скромный. Щетинкин был на Перекопе, разбил 10-тысячную армию барона Унгерна в Монголии. И убит был в Урге. Хоронили в Новосибирске при большом стечении народа. Товарищей по оружию поразил красавец-конь с пустым седлом без всадника – сибирского Чапаева.

Привлекает умение автора при малом объеме сказать так страстно и живописно. Можно бы и перевести его на тувинский язык в год 90-летия тувинской государственности.

Голоса истории

В Москве вторым изданием вышла документальная биография барона Унгерна (1885–1921) «Самодержец пустыни» Л. Юзефовича. В книге – хаос и безумие гражданской войны. О ней писал М. Шолохов – на Дону и К. Седых в «Даурии» в Сибири.

Среди героев: русские дворяне, казаки, партизаны, китайцы, монголы – герои жестоких лет.

Главный среди них – анти-герой барон Роман Унгерн-Штернберг, одержимый идеей возрождения монархии на

Востоке – спаситель желтой веры и великой Монголии.

Учился в Питере, попал на русско-японскую войну, читал Ницше и Достоевского. Отличался бесстрашием, презрением к смерти. Милосердия в нем не было, любил войну, страдал сознанием собственной исключительности, гордыней, припадками ярости. В застывшие глаза его было страшно смотреть.

Начальник Азиатской дивизии генерал Унгерн разгромил китайцев в Монголии, освободил ее от власти Пекина в 1921 году, вторгся в Сибирь с боями. «Люди стали корыстны, наглы, лживы. В народе – разочарование, недоверие. Монголы стали скромными, робкими, миролюбивыми», – писал он. Барон хотел спасти от растлевающего влияния Запада и революции народы Востока. Глубокий фатализм привел его к буддизму.

За 4 месяца в Урге были победы, коронация, отступление. Он метался: то наступал, то отступал. В армии были люди 16 национальностей. В Урге он сделал сточные канавы, восстановил скипидарный завод, телефонную связь, мосты, ветлабораторию, даже автобусы. Но в Урге погибали русские купцы, евреи, – «горбатые носы» – «виновники» революции, монголы. Садисты Сипайло и Бурдуковский пытали жутко, изощренно: жгли живыми, отдавали собакам, по приказу барона расстреливали и вешали людей.

Утопические проекты Унгерна были малопонятны, да и сам он был странным. Ночью один бродил в степи среди собак-трупоедов и перекликался с филином в лесу, всегда с плетью в руках, жил в юрте, гадал перед походом у лам на бараньей лопатке. Его монголы называли Богом войны. О бешеном кровавом бароне было много легенд, метался по Монголии – от Кобдо, Улангома до Улясутая. В Урянхае хотел сделать базу на пути в Тибет. Тысячи людей гибли в этих боях, голодали, исчезали навсегда. И в конце – заговор, мятеж, предательство, окружение. Что посеешь, то и пожнешь.

А в Туве известны действия белогвардейцев в отрядах Бакича, Кайгородова, Казанцева, с которыми боролась партизанская армия Щетинкина и Кравченко. И о них тоже есть в книге. Показаны судьбы разных людей: атамана Семенова,

Колчака, Врангеля, Максаржава, Джалама, Богдо-гэгена, Рериха и молодого Рокоссовского.

Автор книги в 660 страниц – учитель истории и писатель – провел большое исследование книг воспоминаний, сравнивает рассказы очевидцев событий 20-х годов, изучил родословную барона и протоколы допросов в Новосибирске.

Все написано, как захватывающий детектив. Какой огромной ценой крови и террора достигнута была мирная жизнь в Сибири и России. Читателю решать, кто он – этот мрачный искатель приключений, кого напоминает и как матерюют новые волки войны.

Когда камни плачут

В тувинском театре радостное возбуждение – неделя аншлага на новом спектакле «Культегин» по исторической драме поэта Эдуарда Мижита.

В центре внимания – вопросы войны и мира, жизни и смерти, борьбы за власть, попытка глубокого нравственно-философского осмысления. История – древняя, советская, современная – единый непрерывный процесс. Сегодня многие народы ищут свои национальные корни. Одних фильмов по эпохе Чингисхана – пять. И много книг. Личность в истории выше народа, государства? Что таят каменные книги – могильные обелиски древних тюрков: величие духа, гул битв, плач над погибшими героями?..

«Нам небеса дают и жизнь, и время жить». Русский поэт А. Преловский своими яркими поэтическими переводами возбуждает историческое сознание и память. Сам в этом многотрудном пути недавно оставил землю, горюя о последней недописанной... и множества переводов песен, других произведений тувинского фольклора.

Каменные стелы стояли по всей Туве, как гомеры тувинской древнетюркской истории. Э. Мижит проявил лирическую дерзость, отвагу, обратившись к воссозданию событий, таких давних по времени и историческому пространству.

Спектакль необычен по размаху, музыке, оформлению.

Зритель привык к развлекательной попсе эстрады. Здесь же нужно сделать духовное усилие при просмотре. Приятно видеть много молодежи в зале. Изменяется ли человек во времени, каковы нравственные искания, есть ли исторический оптимизм, как разобраться в этой сложной простоте?

Трудная роль Культегина досталась молодому артисту Олегу Сату, и он уверенно ведет свою партию. Хороши сцены юности, влюбленности в Ак-Сылдыс (артистки Р. Монгуш и А. Чылбак-оол), беспечности, лирического огня степного ромео – жизнь так прекрасна. Другая сцена, побратимов, признание Билге (артист Э. Ондар): что может быть лучше дружбы, взаимопонимания, оба идеальные витязи, равные по духу – два крыла птицы. Прекрасная сцена.

И, наконец, приходит бремя ответственности за судьбу семьи, рода, народа – как жить дальше? Олег Сат передает, мучаясь, разные психологические состояния: брать власть в свои руки – соберу все племена, воевать или обойтись миром? Как Гамлет, Культегин в своем монологе печалится: в целом мире я один, сердце окаменело, я – правитель, но и просто человек, что я сумею сделать? Когда наступит мир? Сколько можно воевать? Уже потерял любимую, друга... Он принимает вызов и погибает. В зале тишина и сочувствие зрителя.

Смотреть в глаза смерти, не струсив. Великие умы писали: смертен человек, народ бессмертен. Люди умирают для того, чтобы жило человечество. Добрый дух предков может поможет преодолеть разобщенность, сохранить и сплотить народ в трудное время перемен. Такова концепция Мира и Человека (реж. А. Ооржак). Во всем видна рука мастера.

Драма многослойна. Удачно выделяется странный шаман – мистик и предсказатель. Артист С. Ириль, всегда красивый, импозантный певец, неузнаваем в этой роли, многообразен в деталях, он носится, предостерегает, хохочет и рыдает, знает язык птиц и видит горы трупов. Тонко и точно несет свой образ.

Пластично играют китаянку артистки Н. Наксыл и Л. Мортай-оол, как по-разному они обольщают жертву – вкрадчивые, лживые, лицемерные. Есть что играть – жесты,

походка, манера, – все вызывает смех.

Убедителен, но несколько статуарен Тоньюкук (артист А. Салчак). Капагану хотелось бы больше подчеркнуть злобность, низость души (артист Э. Монгуш). Интересно написана роль матери братьев (артистка А. Шириин-оол): она горюет, печалится за судьбу детей – иногда однолинейна в переживаниях, разнообразить бы краски... Всегда узнаваем артист Д. Монгуш – здесь в образе китайца, – ему достаются однотипные роли. Батыры несколько однообразны, а это разные народные типы, в массовых сценах. Кучук (артист С. Монгуш) властен и похотлив.

Впечатляют танцы, скачки, хоровод ёхор, прыжки (балетмейстер А. Мандан-Хорлуу). Необычно оформление сцены: огромная стела, каменные надписи, белый ковер с неба, знамя с тотемом волка, воинское снаряжение – все воздействует. В этом заслуга художника Начына Шалыка. Игра светом, дымовая завеса, музыкальное сопровождение запоминаются, хотя много затемнений и грома.

Восхищает фантазия автора драмы Э. Мижита. Нужна смелость проникновения в скрытые пласты истории. Крупной форме нужны крупные характеры, не все они прописаны. Есть длинноты и пустые эпизоды, не насыщенные психологизмом. Сцена массового убийства – как-то не очень страшно, не хватает чувств. Быстрота не заменяет полноты. Финал спектакля грандиозен.

Курганы вырастают, когда каждый принесет по камню. Так и здесь, усилия всего коллектива театра создали общий успех.

Якутский театр в Туве Сага о Чингисхане

В тувинском театре праздник – встретились артисты Тувы и Якутии. Саха театру имени П. Ойунского недавно исполнилось 80 лет Главный режиссер – заслуженный деятель искусств России и Якутии, лауреат государственной премии СССР Андрей Борисов, выдающийся мастер, получивший

мировое признание.

Зал переполнен – аншлаг. Зрители – студенты, школьники, интеллигенция – пришли прикоснуться душой к личности Чингисхана. Ведь многие события происходили в центре азиатского материка. Здесь восемь столетий назад происходили жестокие сражения, звенели мечи, проносились стрелы. Древние курганы и каменные изваяния напоминают нам об этом.

Перед нами театральная версия романа Н. Лугинова «По велению Чингисхана». И плывут монгольские степи, раздолье, миражи... Неспешно, с эпически-сказовой интонацией разворачивается действие. Молодой Темучин проходит через горнило испытаний: бедность, вражду, пытки, предательство. Катится повозка-телега по сцене, она – символ круга жизни. В ней рождаются, любят, умирают люди. На черном фоне белые графические рисунки коней, воинов, стрел – так необычно передано пространство кочевий. Спектакль многомерен: массовка может обернуться войском и простыми аратами, она текуча и многофункциональна – то взрывается в скачке, то оборачивается стелами, то погибшими воинами. Белый фон-занавес, опускаясь, становится саваном. Или красный цвет – как удар. Изобретателен сценограф Г. Сотников.

Главных персонажей немного: Темучин (И. Дакаяров), Джамуха (А. Аммосов), Ожулун (С. Борисова). Удивительная ансамблевость, никто не затмевает друг друга, пластична выразительность артистов. Много войны, она передается музыкой и спецэффектами. А лирические мирные сцены западают в душу, например, сцена выбора невесты. Молчаливые грозные старухи ведут спрос загадками: сколько стелек сможешь сшить, подоить кобылиц, умеешь ли шить ночью и даже... как определить плодовитость женщины. Измеряя девушку, моют ее в котле. Женщина больше других страдает в войнах, она как разменная монета, добыча. Но любовь сильнее войны. Зритель, затаив дыхание, сострадает ей. Вспоминаются 9 пыток, доска на шее пленника. Этнографические детали достоверны. Жена растит и оберегает детей и внуков, но все они пойдут в огненное жерло войны. Ее плач-мольба и сегодня

отзывается печалью: почему вечно воюют люди, почему все озлоблены?

Спектакль – о вечных истинах. Жизнь, смерть, любовь, предательство, достоинство, духовная стойкость, страдание. На просторах Евразии восемь столетий назад идет поединок побратимов Темучина и Джамухи. Они вместе выросли, дали клятву, обменялись поясами; а теперь надо решать спор по человеческим или ханским законам. Запоминаются мучительные раздумья Темучина в одиночестве на камне. Никто не берется решать судьбу отступника, казнить или помиловать – как хан скажет. «Высокое небо, помоги!» Во имя объединения разрозненных народов эта жертва. Тема неограниченной власти, опасности вседозволенности тоже возникает. Расплата за власть бывает губительна. Однако в спектакле главная мысль – идея государственности. Она рождается в истине страстей и правде чувств, звучит как шекспировская или античная трагедия. Прекрасно музыкальное сопровождение спектакля: то симфония, то горловое пение, весь фон скачек и звуки битвы (В. Пестряков).

Этим грандиозным спектаклем раскрывается сама душа талантливого якутского народа. В нем есть нравственные катаклизмы, борьба света и тьмы, яркая театральная зрелищность, условная во многом. Композиционная структура, тем не менее, иногда вялая, ритм замедлен; возможно, сказывается восточный менталитет. Костюмы могли бы быть ярче. Это эпический народный театр, обладающий особой энергетикой, все достигается малыми, но емкими сценическими средствами.

На сцене царит волнующая и творческая атмосфера, возникает незримый мост взаимопонимания с публикой, у нас – обычно шумной и несдержанной. А здесь – сосредоточенная тишина познания, открытие другой эстетики.

Браво, Саха театр! Браво, потрясающий сердце и душу мастер-новатор А. Борисов! Поклон алмазно-степной Якутии.

Высокое небо эпоса

Якутский героический эпос-олонхо «Кыыс Дэбилийэ»

воспевает великую небесную деву-воительницу, богатыршу-амазонку и связан с особым почитанием женщины – Матери рода, идущего со времен матриархата. В эпосе народов Сибири есть подобные сюжеты, например, бурятский «Аламжи Мерген», тувинский «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей».

Зачин-вступление, рождение, зрелость, борьба с врагами, единоборство с чудовищами, встречи-испытания, обязательное торжество победы и счастливый эпилог. Таков сюжет. В якутском эпосе существуют, как и в тувинском, три мира: Верхний (небесный), Средний (земной) и Нижний (подземный). Таков мировой Космос и северных, и южных урянхайцев, бывших когда-то единым народом.

Этот удивительный по духу спектакль-фантазия открывается звуками природы: пением птиц и голосами животных. Пасутся игрушечные табуны коней и стада коров. Среди них, как Гулливеры, возвышаются герои-великаны. Структура спектакля выстроена на смене масштаба видения и достигает удивительного сценического эффекта. Особенно впечатляет мир подземный – преисподняя со злыми духами-абаасами. Герои подвергаются трудным испытаниям. Эти страшные безобразные рогатые чудовища ненасытны, они обладают огромной силой и чарами, иногда смешны и нелепы.

Во всем блеске предстает мастерство художницы Л. Гоголевой: богатство костюмов, масок, оружия. Редкостно талантлива сценография Г. Сотникова, единственного в своем роде. Подъемная площадка с люком и отверстиями, веревки, смена высоты волшебным образом меняют картины действия. Оваа, ленты чалама, серге – коновязь, чорон – чаша с кумысом в финале – так много общего у нас в быте.

Искусно передается только жестами скачка богатыря, когда падают камни. Пластичны обнаженные юноши – волки в масках. Зажигается светлый экран с божествами, мелькает театр теней, всполохи, блики света, свист и вой ветра – все ярко, зрелищно.

Поражает вокализ – речитатив героини (заслуженная артистка России С. Борисова). Он иногда звучит как оперная ария. Именно в этом северном мелодическом распеве с

ритмическим разнообразием, высотой звука, схожим с клекотанием птицы, слышно скандирование созвучий, непрерывные вариации звукового потока – все это требует огромного физического напряжения и мастерства. Она ярче всего передает самобытность олонхо, его экспрессию, эмоциональную силу, хотя перевода не слышно. Понятно многое без слов, но пропадает красота образного слова.

Герои-актеры монументальны, в них могучая сила народа, они любят родную землю, они – победители. Торжествуют добро и благоденствие на цветущей зелеными деревьями земле, в танце-ехор. А белый журавль-стерх раскинул свои крылья в небе... Эстетический идеал народа раскрывается в олонхо в борьбе добра и зла. Народ и герои выступают вместе. Эпос замещал книгу и театр, отражал философию и этику народа саха.

Режиссеру-лидеру А. Борисову удалось творческим озарением долгих дней создать свой особый сокровенный театр-мечту, обновить театральную эстетику и язык. Якутские артисты – соратники, единомышленники, сподвижники творца. Такое разнообразие прекрасных актеров: И. Луковцев, А. Аммосов, К. Семенов, П. Баснаев, В. Апросимов, И. Николаева, З. Багынанова и другие. Актеры – проводники чувств, с ними мы «выпрыгнули» из нашего времени в архаику древнего мира, в чувства народа саха и поняли его душу.

В зале было много детей, и так хочется увидеть на нашей сцене сюжеты тувинского эпоса, как это сделали калмыки в «джангаре», буряты в «гэсэре», киргизы в «манасе». Были и наши писатели и художники, за ними слово. Снова, спустя годы, как в 1960-е, протянулись серебряные нити творческих взаимосвязей, общих духовных устремлений. Уруй айхал!

Продлить свой род

Талантливый киргизский писатель, когда-то кумир читателей, Ч. Айтматов больше четверти века назад рассказал притчу нивхов, маленького народа на Сахалине, «Пегий пес, бегущий краем моря», что в переводе означает название скалы. Якутский режиссер поставил спектакль, который видели в

Мексике, Японии, а теперь и в Туве. Разные народы воспринимают гуманизм по-своему.

Четыре нивха вышли в море на охоту. С ними подросток Кириска, которому дед и отец хотят передать свой опыт. Беспредельна его восторг морской стихией. Кажется, весь мир перед ним, а впереди только подвиги, счастье. Удачна была охота, наелись свежей печени нерпы, и Кириска забавно представляет, как гордо появится на берегу отважный охотник.

На море пал великий туман, наступил полный штиль – путь домой невозможно определить ни по звездам, ни по крику пропавшей в тумане полярной совы агукук. Наступает великая жажда, в бочонке кончается вода. Человек борется с собой – жить или умереть.

Спектакль о силе человеческого духа. Вспоминается невольно «Старик и море» Э. Хемингуэя о поединке с рыбой: «Я с тобой не расстанусь, пока не умру». Каков человек в единоборстве с морем, в минуту опасности? На улице, в тайге, в стихии природы...

В лодке мудрый старик Орган (артист М. Апросимов) учит Кириску навыкам и приметам, рассказывает поэтично легенду о Рыбе-Женщине, прародительнице рода. Сухонький старик отвечает на вопросы, старается отвлечь от беды. И словно благословляет своей рукой на жизнь. «Желанный голубой берег мой» называется спектакль. Мучительны дни и ночи, драгоценен каждый глоток воды. Спокоен, внешне безучастен отец Эмрайин (Х. Сметанин), но мужеством веет от него. Бунтует дядя Мылгун (Г. Васильев), возмущается, взыскует: почему, почему так? – ярко, темпераментно, не смираясь!

Все как могут оберегают младшего – наследника рода. Они уходят один за другим в море, наказывая Кириске лежать в лодке и выжить. Из морской пучины в космос летят слова утешения и веры. Перед каждым возникают тенью образы и голоса близких, жен и матерей. Щемящие чувства, светлую печаль и гордость за сильного духом человека вызывает спектакль.

Режиссер А. Борисов – мыслитель и философ, и так

велика духовная нагрузка спектакля. Непривычна форма, необычны сценические решения волн моря, заката и восхода (Г. Сотников). Прекрасен финал – скорбь и радость пополам, накал эмоций. В красном ореоле уходят герои, трогательно зажигаются лампы-звезды, ковш Большой Медведицы. Используются приемы театра теней. Взлетает лодка как символ мощи человека.

«Синяя мышка, дай воды», – просит любознательный, непосредственный, добрый Кириска (Е. Степанов). Он мог быть моложе, но спектаклю больше 20 лет, сменились поколения. Он не утратил возвышенного мифологизма, привлекает исповедальная сокровенная нота. Это особенный сурово-нежный высокий романтический спектакль. Тема воспитания в трагических условиях – родные хотят продлить себя в сыне. Как огромен запас защитных сил в человеке. Симфонизм спектакля, новый тип художественного мышления ярко выражает самобытность этой постановки, известной в театральном мире Запада и Востока.

Веришь, что человек может все. Хотя природные катаклизмы этого года напоминают, что человек – песчинка мироздания. Сколько стоит жизнь, не знает никто. Жизнь – это великий дар природы. «Нет ничего более великого, чем Человек», – говорил еще Софокл. Режиссер часто работает с прозой, без драматургии, отсюда повествовательно-созерцательный тон, но тем больше его изобретательность и фантазия. Это непросто и трудно. Новизна всегда вызывает сложные чувства

Публика – молодое поколение – воспринимала спектакль сначала настороженно, ей хотелось веселья, но затем, в финале, уже восторженно. Хотя мешал плохой звук в переводе. Прекрасный литературный, хотя и несколько растянутый, текст не доходил до зала, к сожалению.

Такие встречи раздвигают наши горизонты, заставляют отвлечься от будней, подумать о высоком. А еще идет кровообмен таких разных театров России, у каждого свои достоинства и стиль.

Глаза удивленных цветов

Традиционными стали в автономных республиках и областях Сибири конференции, посвященные актуальным проблемам современной литературы. За последние годы они прошли в Абакане, Улан-Удэ, Якутске. И три недели назад – в Горно-Алтайске.

Местные и приезжие критики и литературоведы анализировали проблемы лирических жанров, художественного перевода, взаимосвязи фольклора и литературы, драматургии. В центре внимания – литература и перестройка.

Среди докладов, прослушанных на конференции, – «Основные закономерности развития алтайской литературы» кандидата филологических наук Р. А. Палкиной, «Вопросы тюркского стихосложения в сравнительном аспекте» доктора филологических наук Н. Н. Тобурокова (Якутия), «Проблемы национального стиля в литературах Сибири» К. Ф. Антошина (Хакасия), «Первые романы молодых литератур» Л. П. Якимова (Новосибирск) и «Общие проблемы алтайской и тувинской прозы» М. А. Хадаханэ (Тува).

Предлагаем вниманию читателей статью Марии Андреевны на эту же тему.

Алтайская литература несколько старше тувинской по времени рождения, но у них много общего: генетическая и языковая близость, взаимодействие традиций. Читая книги ведущих прозаиков Горного Алтая Б. Укачина, Э. Палкина, Д. Каинчина, еще раз убеждаешься в типологической общности развития. И, следовательно, постижение взаимного опыта литератур обоюдоинтересно.

Повести и рассказы Б. Укачина в сборнике «Горные духи» – это лирическая проза поэта. Какие темы одинаково волнуют алтайца и тувинца? Любовь к родной земле и охрана ее богатств, труд человека, горькая память войны, нравственные проблемы. Трогательно узнаваемы общие обычаи.

Много пословиц – характерная черта и тувинской прозы, в них выражается мораль на рода: «Марал должен иметь рога, а мужчина – имя», «пить из одного чочая слаще, ехать на одном коне — мягче», «своя колотушка голову не разбивает», «у

щербатого камня нет кожи, у человека нет вечности»... А вот и авторские афоризмы, близкие народным: «нет одинаковых облаков на бескрайнем небе, нет в огромном мире и похожих людей».

Интересно наблюдать, как идет накопление и обновление метафор, эпитетов, сравнений, тесно связанных с миром окружающей природы: «захлопала маленькими ладонями, словно голубь крыльями», «мысли злым барсом терзают сердце», «как отрубленный острым топором аркан, прервалась мысль», «улыбка медленно расходилась по морщинистому лицу, как по воде круги», «проклятые бесхвостые волки (фашисты) живьем съели твою руку», «глаза солнца тускнели, шея дня становилась все короче»...

Описание первого трактора как черной силы, есть у С. Сарыг-оола в рассказе «Огненные телеги». Встречается образ огня, как живого существа, которое надо почитать, задабривать, угощать, как покровителя. Без коня, наверное, нет ни одного произведения ни у алтайцев, ни у тувинцев. Особенно в поэзии он романтизирован как вихрь, вечное движение вперед, к совершенству. С. Тока прекрасно описал первую баню, есть это и у Б. Укачина.

Женщина объясняется в любви традиционными словами: «Ты самый красивый мой теленок, самое чистое и белое? молоко, ты самое сладкое зернышко в самом большом кедровом орешке». Тем комичнее отказ парня: «не хочу быть ни теленком, ни молоком». Деталь – рубашка из посылочного мешка говорит сильнее подробных описаний о тяготах военной поры.

В алтайских именах – и движение времени, и перемены в эстетическом вкусе народа. Худые, неблагозвучные имена: Божту, Ит-Баш, Куйрук, Тонкур и другие: щенки, негодные, грязные, лягушки. А позже появляются Коммунар, Совхоз, Бригад, Агитатор, Пионер. Трактор. И так узнаваемы Монкуш, Анчи, Иргит, Уч-Сюмер, Мекечи... Много звукоподражаний: ботало звенит – тон-тон, дин-дин; тарс-тырс – костяшки счетов, загадка: «30 белых коней, а посередине неуловимый конь огненной масти» (зубы и язык)...

Точны названия рассказов: «Убить бы мне голод», «До

смерти еще далеко».

Алтайцы свободнее вводят в свои произведения имена и строки любимых поэтов: у Б. Укачина это Н. Хикмет, Р. Берне. Что это дает? Широкое представление о мире включение в общемировой процесс. Литература, создаваемая с установкой только для потребления своим народом – знакомыми, сверстниками, сородичами, земляками, – заведомо заужена, бессмысленна.

Каждый народ интересен другому общностью и непохожестью.

Трудно согласиться с искажением (макаронизмами), приспособлением родной речи под чужой вкус. А примеров тому много, и не только у Б. Укачина: «пырсытачил», «мотри», «бажалыста», «компет», «токтыр», «сакон»... Конечно, это дает дополнительный эффект экзотики, но прием назойливый.

Мы сознательно отошли от идейно-тематического анализа, нас более волновало не «что», а «как». «Опоясывающие очаг дети» – точно сказано о многодетной семье. «Глаза удивленных цветов» – в таких метафорах раскрывается своеобразие лирической прозы поэта Б. Укачина.

Д. Каинчину исполнилось 50 лет. Он живет в селе Яконур. Его повести и рассказы «Ожидание весны» привлекают абсолютной достоверностью реальной жизни алтайской деревни. Своих героев он находит среди односельчан. За каждым из них стоит определенной тип, народный характер. В основном это старики, чаще пастухи, чабаны, каждый со своей особенностью, своеобразием. Показаны круг сельских работ, думы чабана – в рассказе с ироничным названием «Хорошо чабану, хорошо»: усталость, раздражение, идет снег с дождем и надо спасать овец. «Что, взяли!» – грозит он тучам и идет к кошаре. В другом рассказе – летняя страда, сено, кос, но лирики мало, а видна усталость хорошо поработавшего человека. Нужна ли корова? Получается, ради нее живет, – и тут же о «родном запахе коровы». Закончив работу, благодарит это место – «Каменное седло» – за хорошее сено.

Человек-стойк нарисован Д. Каинчиным, «зесь из костей и мышц» (фольклорное определение). Точно передает писатель

физическое и духовное самочувствие своего героя.

О. Саган-оол, С. Сарыг-оол, М. Кенин-Лопсан тоже много писали о чабанском труде, со знанием дела и с не меньшим лирическим накалом.

Д. Каинчин не боится критически показать неустроенность жизни, пьянство и другие негативные стороны нелегкого быта чабанов. Старый чабан купил ящик водки и везет много денег, но в деревне гуляют две свадьбы, все гудит, и он включается в это веселье, и ничего не осталось за пять дней, даже любимую трубку потерял, да и лошадь загубил, ногу ей сломал. Его ругает старый друг, жена грозит уйти. Хотели посадить на 15 суток, да некому за него работать с отарой – отделался штрафом...

Почти в каждом рассказе автор находит свою манеру изложения. Иногда это монолог от первого лица, внутренняя речь или же собственно прямая, иногда – письмо или диалог, наиболее трудная форма для младописьменной литературы – поток авторского повествования. В отличие от экспрессивно-эмоциональной прозы Б. Укачина, проза Д. Каинчина конкретна, точна, иногда сурова, как сама жизнь. Нет, она не суховата, а привлекает внутренним лирическим жаром. С любовью рисует писатель свою Яконурскую долину, колыбель предков: здесь его родная земля и близкие люди, здесь он, как «почка в сале», «почему бы не поклониться этой снежной долине, этой прекрасной шири, где живешь...»

Метафоры Д. Каинчина – не пышные и цветистые, а реалистически точные: «певица, как заарканенная кобылица, мечется перед микрофоном», «лицо хозяина, как поднос», «синяк величиной с председательскую печать», «ты, как пуговица на шубе, без тебя нельзя»... Пословицы немногочисленны, но весомы: «чем быть трухою со стога, лучше будем чашкою зерна», «длинный язык по своей голове бьет». Вот и благопожелание охотнику: «с каждой седловины – марал, на поляне – сохатый, на скале – архар, в дупле – соболь, на дереве – по белке, на ветке – по бурундуку, за каждой кочкой – заяц».

Художественная деталь красноречиво передает

национальный колорит: «лицо щекотали крошки снега, летящие из-под копыт», «молоко в котле не шевелится, даже пенка пела», «в школу ходил босиком, по дороге поднимал коров – под ними земля теплая – грел ноги». Тоскуя о родине, вспоминает, «как лошади перекачиваются с бока на бок». Или концовка: «вот и все, опросталась моя сума».

В итоге видишь самобытную модель алтайского характера, душевный, щедрый, отзывчивый народ, живущий открыто и просто, с думами о прошлом, мечтами о будущем, разговорами о ремонте тракторов, стрижке, перекочевке. Работяги-трактористы, сеяльщики, механизаторы, что гектар скашивают до полудня и носят шубу из двенадцати овчин. Мера прекрасного – сила, терпение, горящее от работы лицо. Бывают усталость и раздражение, но и минуты тишины среди прекрасной природы. И вместе с автором вздохнем патетически: «жизнь моя, кровь моя – их дал Алтай. Тело мое, мысль моя принадлежит Алтаю».

Современная литература народов Сибири имеет много общего. Мы сознательно отбирали созвучные моменты в алтайской прозе. Опыт алтайских писателей поучителен, они ушли дальше в творческом постижении внутреннего мира человека. Творческий взаимообмен благотворен.

Только Саяны нас разделяют

Укрепляются связи Тувы с соседними республиками, краями и областями. Не составляют исключения и давняя дружба, постоянные творческие связи писателей, ученых, всех творческих работников.

Углубившись немного в историю, мне хочется рассказать о творческих связях писателей и ученых Тувы и Хакасии. Практически нас разделяют только Саяны. Мы всегда охотно ездим друг к другу на разные встречи, обмениваемся книгами, переводим произведения друг друга.

Весной 1959 года мы с Д. Кууларом поехали в Абакан в ХакНИИ сдавать кандидатский минимум. Нас слушали ученые С.П. Ултургашев и Н. Г. Доможаков, которые и благословили нас в науку. Зимой мы отправились в Москву в ИМЛИ им.

Горького сдавать экзамены по специальности, которые, к нашей радости, прошли удачно. Это была первая научная командировка, которой мы обязаны нашим хакасским коллегам.

В Туву всегда приезжали хакасы на праздники и конференции, часто выступали артисты К. Сунчугашева и В. Чаптыков с концертами. Приезжал к нам коллектив театра со спектаклем «Отелло». В главной роли – А. Щетинин.

Писатель Н. Г. Доможаков приезжал в гости к тувинским литераторам, он дружил с О. К. Саган-оолом. Небольшого роста, плотного сложения, простой и шутливый в общении. Я взялась редактировать сборник его стихов «Приглашение» (1966). Помню, речь шла о возможности перевода его романа А. Пальмбахом и В. Ермолаевым, но, видимо, в силу огромной занятости это не состоялось, и позже роман вышел в прекрасном переводе Г. Сысолятина. Был сделан также перевод на тувинский язык стихов и романа «В далеком аале».

Занимаясь тувиноведением, я несколько раз внимательно перечитывала труды выдающегося тюрколога Н. Ф. Катанова «Образцы народной литературы тюркских племен» и была поражена богатством фольклорных текстов, их многообразием и красотой. Молодую девушку тогда волновали и песни о любви. Теперь есть и поэтические переводы А. Преловского «Колчан сердечных стрел» и «Поцелуй на скаку» – любовная лирика сибирских тюрков. Была презентация.

В 1973 ездили с группой студентов на научную конференцию студентов в Хакасский педагогический институт. По приезду нас устроили в общежитие. Студенты веселились, знакомились. На конференции все наши выступили, тогда начался путь в науку многих из них. На кафедре мы общались с М.А. Унгвицкой, моей тезкой, она подарила нам свой труд о хакасском фольклоре.

Н.Г. Доможаков был нашим интереснейшим гидом по городу, рассказывал легенды, объяснял названия сел и местечек. Студенты наши были восхищены его незаурядным даром рассказчика. Недавно я видела в архиве Н. А. Сердобова его письмо по поводу книги «История формирования тувинской нации» (1971).

В 1979 г. в Шушенском проходила Всесоюзная конференция писателей, посвященная 100-летию В. И. Ленина. Из Москвы в Абакан прилетел самолет—больше ста человек прибыло, среди них – В. Катаев, Б. Полевой, М. Каноат, Ю. Андреев, В. Титов, Э. Ставский, В. Озеров, В. Баранов, И. Драч, З. Яхнин, туркменские, грузинские писатели. Всех встречал М.Е. Кильчичаков, председатель Союза писателей Хакасии. Была и большая тувинская делегация (С. Сарыг-оол с женой, К. Кудажы, и другие). Ездили на Саяно-Шушенскую ГЭС, в Ермаковский район, с. Ново-Полтавку.

О поэте-фронтовике М. Кильчичакове ходили легенды в Переделкине, какой он яркий рассказчик, а еще мастерски пляшет чечетку. Его знали многие известные писатели и поэты – В. Розов, Р. Гамзатов, В. Солоухин, В. Федоров, М. Карим, Д. Кугультинов, а стихи переводили М. Светлов, Я. Смеляков, В. Тринава. Пьеса «Медвежий лог» была поставлена в ста театрах страны, в том числе у нас в Туве. Любимое его присловье: «Ехал старый хакас на коне искать счастье». Часто бывал в Туве, дружил с О.К. Саган-оолом.

В 1978 г. в Абакане была конференция, посвященная литературам народов Сибири, приезжали Ю. Рытхэу, В. Санги, поэты и ученые Алтая, Тувы, Якутии. В 1986–87 годах проходили семинары молодых писателей и критиков. А. Калзан и Ю. Кюнзегеш много рассказывали об этих встречах. Там завязывались знакомства, шел обмен мыслями и книгами. Это была замечательная школа опыта. Позже, в 80-е годы, такие семинары проходили в Кызыле при участии В. Чукреева, В. Чалмаева, В. Дементьева. Доходила добрая слава о «Песнях Кавриса» Н. Тинникова, пьеса «Маральи рога» В. Шулбаевой была поставлена в Туве, переводчик А. Китайник подарил детскую повесть Ф. Буржакова.

Посылал свои книги «Становление романа», «У истоков жизни», «Жизнь молодой литературы» К. Ф. Антошин, просил отзыва, спрашивал о новых повестях тувинских писателей. Лично мы встретились в Бурятии в 1980 году, были вместе на Байкале, а позже– на Алтае, на Телецком озере. Константин Фокич умер вскоре после защиты диссертации.

Я видела знаменитого хакасского сказителя С.П. Кадышева, он поразил огромной памятью, внутренней сосредоточенностью, своей духовной красотой и игрой на чатхане. Слушала композитора А. Кенеля, любовалась гобеленами художника Г. Аткина, восхищалась великолепными скульптурами К. Карачаковой в музее, была тронута ее трагической судьбой, встречалась в стенах ТНИИЯЛИ с профессором Л.Р. Кызласовым в годы его экспедиции в Туву. Недавно в Абакане слушала страстные речи-поэмы о рунических орхоно-енисейских памятниках его сына Игоря Леонидовича. Мне довелось писать отзывы на диссертации молодых хакасских ученых, встречалась я с ними в Кызыле. К нам приезжали известные языковеды Д.И. Чанков и В.Г. Картов. Три летних месяца в 1989—91 годах летала в Абакан как председатель государственной экзаменационной комиссии в Хакасском пединституте.

Мы всегда ревностно следили за ростом писателей и ученых Хакасии, где сейчас 24 доктора и 326 кандидатов наук. За это время я лучше узнала город. Слушала хакасских студентов, сравнивала их с тувинскими, видела среди них талантливых людей. Рада творческим успехам в науке А.Л. Кошелевой, которая создала большое исследование о хакасской поэзии, писателях.

Часто бывал в Кызыле профессор-историк С.П. Ултургашев, ректор Хакасского пединститута, а позже – директор института Саяно-Алтайской тюркологии, крупный организатор науки. Он делился своим опытом, дарил книги. На прошедшей недавно научной конференции, посвященной 280-летию открытия древнетюркской письменности, он говорил в своем докладе о проблемах сохранения и развития языков, культуры, истории народов Сибири. В нем приведен такой пример: 76 процентов хакасов общаются только на русском языке.

Хочется добрым словом вспомнить о заслугах литературоведа П.А. Троякова (1922–2000), им написано сто научных статей о поэзии, драматургии, фольклоре, книги «Очерки развития хакасской литературы», «Героический эпос

хакасов», «Истоки и формы чудесного вымысла», «Мифы и легенды хакасов». Его работы знали тюркологи СССР. Участник Великой Отечественной войны, скромный, немногословный человек; мы встречались с ним в Ереване, Улан-Удэ, Пицунде, в Туве на конференциях.

Год назад меня поразил и увлек своим талантом А. Кыштымов в книге «Листозвон золотой», изданной посмертно, в ней раскрывается светлый пронзительный поэт добра и любви. С каким легким дыханием, сродни Есенину, он воспевал мир природы, Родину в облике Хакасии, как необычайно насыщены метафорами, игрой красок и света его стихи. Конференция ученых в Абакане, состоявшаяся в этом году, была насыщенной интеллектуально и эмоционально. Я встретила друзей юности, художественно яркими были театральные встречи, богаты афиши – там шли «Ричард» и «Мария Стюарт». В музее посетили выставку шаманской мистерии Н. Протасова – необычная красочность и оригинальность исполнения. Эта выставка развернута сейчас в музее Кызыла. Заинтересовали книги профессора В.М. Бутонаева «Традиционная культура и быт хакасов», «Этническая культура хакасов», «Топонимический словарь», «История енисейских кыргызов», «Хакасский исторический фольклор», которые вызывают дискуссии в научной среде.

Волнующим до слез было открытие стелы в Уйбатской степи среди курганов. Артисты показали театрализованное представление, оживали духи предков, сражался Култегин, звучал мощный голос богатырей в ветреной степи: «Нам небеса дают и жизнь, и время жить: приходит род людской, чтоб уходить».

А неугомонный энтузиаст-подвижник Ю.Н. Забелин начал готовить новую Саяно-Алтайскую экспедицию – этнопросветительскую.

Дружба силу множит – так говорят в народе.

Человек удивительной судьбы и души

В эти дни общественность Хакасии отмечает 90-летний юбилей Николая Георгиевича Доможакова – выдающегося

ученого, автора словарей, грамматики, учебников хакасского языка, педагога-просветителя, автора романа «В далеком аале» (1960 г.).

Н.Г. Доможаков – создатель поэтических сборников «Поет река Абакан», «Песни весенних ветров», «Чатхан» и др. Замечательны его поэмы «Галина», «Лиственничная гора» – это поэтическая летопись жизни народа. В ней он раскрыл национальную самобытность, гуманизм, тему созидания и дружбы. Он перевел около двухсот стихов Пушкина, Шекспира, произведений Горького и многих других классиков.

Тесной была связь ученого и писателя с Тувой.

В 1966 году в Кызыле были изданы стихи «Приглашение», написаны им стихи «Изен Тува». Он писал о «смуглолицей Туве»: и «вечно молодой саянский ветер упал смычком на струны ковылей».

Дружил с писателями О. Саган-оолом, С. Сарыг-оолом, Ю. Кюнзегешем, с учеными Н. Сердобовым, Ш. Сатом, А. Пальмбахом, который успел перевести 17 глав его романа «В далеком аале», остальные перевел Г. Сысолятин.

Помню его, невысокого, круглолицего, с умными глазами, с особым юмором, когда готовила к изданию его сборник стихов.

В 1973 году мне довелось с группой студентов КГПИ побывать в Абакане. Н. Г. Доможаков добровольно стал нашим гидом, рассказывал истории улиц и домов, очень понравился студентам своей простотой, открытостью, с ним можно было говорить обо всем.

Роман «В далеком аале» издавался много раз – трехмиллионным тиражом. По этому роману был написан сценарий и вышел кинофильм «Последний год беркута». В нем ярко показаны быт, народные характеры, сочный народный язык, яркий пейзаж, острая классовая борьба, поражение старого мира. В романе просто кипят людские страсти – типичны жизненные образы, глубокий драматизм борьбы, слияние героев с природой – степь живая вздыхает, молчит, дышит, просыпается.

Юбилейные торжества проходили на родине, в селе

Доможаково. Небольшое село с Домом культуры, школой, стройкомплексом. На фоне демонстрации фильма выступали столичные артисты, дополнили концерт школьники села.

Гости побывали на экскурсии в школьном краеведческом музее, директор которого А. П. Матвеева показала экспонаты и рассказала о них. В школе богатая библиотека, я была поражена множеством книг, научных трудов и художественных произведений. В свет вышла книга сестры писателя А.Г. Кызласовой «Жизнь, дай мне сто сердец – все отдам своему народу».

В Туве проживает более двух тысяч хакасов. Порадуемся вместе празднику соседей.

Буряты в Туве

Моего отца А.А. Изынеева направили в 1945 году на работу Уполномоченным Министерства заготовок в Туву в Кызыл. Естественно, вместе с ним поехали жена Т.П. Елаева и трое его детей. Отец занимался заготовкой хлеба, шерсти в районах. Он награждался медалью и нагрудным знаком «Отличник заготовок». Мама была охотовед, училась в Москве, работала в Потребсоюзе. Мой брат Александр Изынеев – ученый химик работал в Институте естественных наук БФ СО РАН в лаборатории полимеров, другой брат Анатолий – кандидат технических наук в институте радиоэлектроники в Москве.

Еще в период Тувинской народной республики здесь работали бурятские специалисты: марксист С.А. Нацов (Шойжелов), ученый-публицист, а также Дармаин, Аюшин, Макаров. Хорошо помню Г.М. Тапханакова. Он после окончания Коммунистического университета трудящихся Востока работал в совпартшколе и ученом комитете. Уже тогда в 40–50-е годы собиралось бурятское землячество: Упкунов, врач Халбаева, Сахаровы, Зандеев, Ханхалаев, Илларионов, Бетагаев, Хунданов, Антонов, Добыловы, пограничник Тылысов. Врач-хирург А.А. Бадмаева, отличник здравоохранения, свыше 50 лет работала в Кызыле, умерла в 90 лет. Её отец и муж были репрессированы. Она вырастила сына Олега

Махагарова – гинеколога. Народный врач О. Махагаров принял тысячи тувинских ребятишек. Дочь Лариса стала гидом-искусствоведом в Питере. Среди ветеранов-старожилов врачи Ю. Бахаев, В. Тасханов, учителя Степановы, геолог В. Габеев, архитектор А. Хараев, строитель П. Петров, полковник милиции Г. Никифоров, много сельхозспециалистов: охотовед К. Башанов, И. Соскинов, Е. Баглаев, А. Тыхеев, кандидаты наук Жигжитов, Шагнаев. Многих уже нет в живых.

Мне довелось 40 лет работать в Научно-исследовательском институте языка, литературы и искусства и КГПИ. Мой муж Джим Карпович, кандидат исторических наук, трудился на научном поприще до 1976 года.

Г. Тулусов и его жена Ульяна Григорьевна внесли большой вклад в развитие экономики Тывы. Вырастили двух дочерей. Оксана работает глазным врачом. 35 лет работают в Туве на станции химизации растений Аюшиновы. Они объехали все районы республики, учили молодых агрономов. Замечательно то, что старались знакомить бурятскую молодежь в Туве с бурятскими народными песнями. Их две дочери учились в Улан-Удэ. В. Хангаев отдал 40 лет сельскому хозяйству Тувы, начинал работать в районах агрономом, а в трудные 90-е годы заместителем министра. Его дети Вася и Вика трудятся в Шагонаре.

В 50-е годы сюда приехали Марковы. Старшие Мария Алексеевна Даржа и Липа работали в милиции, Анна медиком, Саша инженером, Егор строителем. Сегодня они большая интернациональная семья. Тува воистину стала им второй малой родиной. Заслуженный учитель-тренер Е. Манзанов с 1953 года вырастил многих спортсменов в школе № 2. 80 лет прожил фронтовик М. Убаев, дошедший до Берлина, под огнем врага наводил мосты и переправы, имел много боевых наград. В мирное время буровой мастер на больших стройках Тувы и награждался трудовыми орденами. Человек с активной жизненной позицией ездил на встречи с однополчанами, часто встречался с земляками. У него выросли два сына. В Туве работали ученый-педагог М. Борсоев, А. Елаев, супруги Бурхиновы в КГПИ, В. Бильтагуров, Б. Гомбоев, М. Оздоноев.

Много у нас бурятско-тувинских семей: Эрдыниевы, Хаптухаевы, Батоевы, Митыповы, Таршинаевы, Жаповы, Борходоевы, Цыремпиловы, Шангины.

С. Сергеева 25 лет работает в Национальной библиотеке им. А. С. Пушкина. Ее Дочь историк Аюна Игнатъевна успешно трудится в республиканском лицее, ее ученики занимают призовые места в конкурсах и учатся в вузах крупных городов. В Туве хорошо помнят семьи Тонтоевых, Халагаевых, Малановых. Многие дети следуют по стопам родителей: Хундановы, Тыхеевы, Хангаевы.

В 1993 году в Кызыле был создан культурный центр «Байкал». К нам приезжали ансамбль «Байкал», писатели – Ангархаев, Чойбонов, Дугаров, артисты, ученые, депутаты, ламы. Многие тувинские ученые защищаются в Улан-Удэ. Тувинские дети учились балету под руководством народной артистки СССР Л. Сахьяновой. Б. Халзанов снял кинофильм «60 беглецов». Тувинцы часто бывают в Иволгинском дацане. В настоящее время 400 тувинских студентов учатся в Бурятии.

В Туве живут около ста бурятских семей, примерно 350 человек. В советский период были шире контакты с республикой Бурятия. Бурятский сельхозинститут ежегодно направлял в Туву 40-50 выпускников. Постарело поколение, уходят ветераны и свадьбы стали редкостью. Раньше тувинцы женились на бурятках как хороших хозяйках, сейчас бурятские парни заводят на учебе тувинских невест. Благо много общего в традициях и обычаях наших народов, но теряется язык. В Тодже пели так: «У подножья одних гор Саян живут друзья буряты и тувинцы». А в другой песне – «осень уже наступила, утки улетели, сын бурята уехал домой». Исполнение бурятских песен греет душу во время редких встреч. Родные горы – самые высокие, родные степи – самые широкие. «Все люди смеются и плачут одинаково».

Десятки и десятки бурятских специалистов посвятили себя служению Республике Тыва, Они выросли корнями в благодатную почву земли родственного народа, приложив свои знания и опыт развитию экономики и культуры региона. И республика, и ее жители приняли сынов и дочерей бурятского

народа великодушно, и они, в свою очередь, жили и работали от всей души на благо всех.

Байкальские встречи

В Улан-Удэ – 400 тысяч населения. Готовятся ко Дню города. «Бурятия столица, ты вечно молода». Хорош «Арбат» с фонтанами, цветами, художниками. Много гуляющих семей. Красиво смотрятся памятники, литые из черного металла: монгольские воины, летящие кони, богатырь Мэрген, Гэсэр, изящная балерина Сахьянова в танце. Прекрасен ночью Русский драматический театр с фонтанами, подсветкой. Им любовался президент Дмитрий Медведев в дни приезда в Улан-Удэ, в августе.

Открыт семейный сквер, много кафе – «позных», есть монгольское, китайское, японское, и везде вкусно, красиво, уютно. СПА-салон с тайским, испанским, турецким, самурайским массажем – арома, музыка, цветотерапия.

С размахом проходят свадьбы. Молодые получают благословение в дацане у лам. В лепестках роз утопает сияющая невеста, песни, танцы разных народов, подарки родных и друзей, фейерверк и дискотека с ёхором, ночевка на Байкале у костра. Выкуп невесты и торта, пародии и сценки, полные юмора. Старики удивляются, вспоминая свою молодость советских времен. «Две жизни, два истока, одна семья, одна дорога, пусть счастья мирный свет вас осеняет много лет».

У молодежи много интересного досуга, клубов по интересам. Книги стали дороже, появилось движение «буккросеров»: прочел – отдай другому: «Книга оставлена на полке в кафе, на скамье библиотеки в 3.40. Приходи». Так путешествуют книги.

На Байкале проходит много встреч: экологов, шаманов, поэтов, учителей, экономистов, художников. Работает молодежный лагерь «Юность». Осуществлены мегапроекты «Священный дух Байкала говорит», «Венок дружбы», «Все танцы Азии», «Ночь ёхора».

Готовится встреча-форум памяти поэта Н. Нимбуева, его сравнивают с Лермонтовым. Создан на его родине сад

поэтических камней: «вдали на чужбине о Родине мысли светлы и прекрасны. Острее ощущаю: она у меня одна».

... Ты разольешься морем,
я опрокинусь небом.
На горизонте синем встретимся
на века.
Буду в тебе отражаться, будем
с тобой целоваться.
И поплывут между нами лодки
и облака...

Снимается молодое кино о Ромео и Джульетте наших дней. Художник Даши Намдаков получил мировое признание. Много молодых талантливых за рубежом. Возвращаются из Москвы в связи с кризисом менеджеры крупных фирм, ищут работу. Читаю в газете – 400 победителей «Педагогическая элита» и «Лидер образования Бурятии». 383 приемные семьи.

В социальном магазине цены: хлеб – 9 рублей, масло – 34, печенье – 66, сыр – 140, горбуша – 75, молоко – 24, карамель – 60, колбаса – 100 рублей; большой выбор в огромном супермаркете.

Многие составляют родословные. Записи до седьмого колена, чтобы у малого народа не было кровосмешения. Береги свой род – такой завет.

Прибавился бюджет на развитие сельского хозяйства в 2,6 раза, сократили администрацию с 304 до 27 человек. Многие ездят на работу в Иркутск – две тысячи человек. Построены две поликлиники.

Бурятские ученые изучают правила этикета в межнациональном общении: надо знать символику и культуру своего этноса, своего народа, понять, что все культуры равноценны, вести себя естественно, говорить о своих интересах, обычаях, если об этом спросят. Искренне интересоваться культурой, ценностями, стереотипами других народов.

Все культуры равноценны, не может быть лучше или хуже, все уникальны. Не следует считать, что все люди должны смотреть на мир так же, как вы. Ксенофобия – враждебное

отношение ко всему чужому – языку, образу жизни, стилю мышления. Бытовой национализм – болезненная реакция на представителя другой нации, неприятие его внешности, поведения, произношения, традиции, – предупреждают ученые, ищут способы консолидации, солидарности, особого такта в отношениях.

Заехали в Тункинскую долину на курорт Аршан. На двести километров раскинулась вдоль Восточных Саян и Хамар-Дабана нежная зелень трав, много коров, чистота вокруг домов в деревнях – особый режим Тункинского заповедника. Отсюда вышли известные бурятские поэты: Л. Тапхаев, А. Ангархаев, Ж. Юбухаев и еще многие. Красота этой земли – родник их творчества. Как Овюр и Монгун-Тайга для Тувы. Сотни людей лечатся у целебных источников, поднимаются в горы к водопадам. Много иностранцев, и всюду сотни обо из камней в знак благодарности за лечение на аржане.

Байкал – «око земли» – прекрасен в любое время года, он – драгоценный символ Бурятии. Поэт Б. Дугаров воспекает: «Очи любимой – два нежных Байкала, два дивных просвета во мраке Вселенной».

Два народа живут у подножия Саян с общими традициями, обычаями, религиями. В Окинском районе Бурятии на границе с Тоджей живут сойоты, приезжают к источнику «Чойган» в Тодже. Есть праздник «Улуг-Даг» – почитание горы у местных жителей.

А на площади меня обняла О. Салчак, приехала с сыном на учебу, в дацан; из «тувинского» автобуса кричали мне: «Башки, экии!» Вроде и не уезжала.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ

Душа поэта

Прекрасная Тунка соперничает по красоте с нашей Тоджей. Роль природы в рождении поэта всегда велика. «Саяны, я ваша частица» «...Жеребенком валяюсь в траве... Люди, кузнечики, **кони** дружат в моей душе... О лиственница – моей тайги царица... И конечно одинокое дерево в степи с своей судьбой и застенчивая карагана, но стойкая... Я кусочек дождей и полян... И жизнь с ее весной и листопадом я на язык стихов перевожу. Это поэт – философ – фантазер.

«...Очи любимой – два нежных Байкала, два дивных просвета во мраке вселенной» – грандиозный необычный образ, покораивший студентов и вызывавший споры на семинаре. Какой у лошади взгляд – чаще грустный: «На прогретом склоне паслась в одиночестве лошадь. Мы переглянулись с ней, как старые знакомые»... Помню надо читать по метафорам. За блеском фантазии иногда не угнаться. Экологические мотивы разнообразны, как времена года или дня. При этом звучит такая боль расставания с вольной кочевой степью, человек все дальше от природы в век техно... Море Братское – братская могила сосен медноствольных и оленьих троп... При чтении стихов охватывает волнение от встречи с родиной, вспоминаю поэзию Улзытуеа и Нимбуева, чувствую бурятскую душу поэта.

В сборнике избранных стихов «Струна земли и неба» поэт Баир Дутаров предстает зрелым мастером слова. Он широко открыт миру, вобрал соки европейской и азиатской

культуры, много путешествует и размышляет, давно перешагнул региональные рамки. Через дымку сказаний минувших времен возникают образы Чингисхана со славой на скулах и окривевшего в боях Субудая,... Я чувствую земли моей былые раны...

Поэт постигает историю народа не только у археологов при виде писаниц, оленных камней, а в любимых образах стариков с полинявшими бородками, бабушки, мамы, дяди (он лежит под Берлином), пастухов и охотников. Ночами люди спят, а у поэта ночные всадники летят из мглы веков. Богатое воображение, облаченное в стихи, такая духовная свобода.

Малая «родина – любовь с первого взгляда до последнего вздоха». Трава ая, саган-даш, цахилдаг, багульник, запахи полыни, скачка, ночь в тайге. ...Счастливые часов не наблюдают особенно, когда с тобой Байкал... Так, музыкально, живописно, просторно, А еще он – человек мира. Любит бабушку Монголию как праматерь, восхищается поэзией Явуухупаиа – это сознание высшего родства людей. Храни, человечество чувство дороги единой... И эти мысли дороги в смутные дни, когда ломаются судьбы людей и народов в эпоху глобализма.

...Я знаю, что родину не выбирают, и так хочется смеяться и рыдать на материнском нежном языке...

В стихе «Язык отцов, прости за немоту» трагическая нота по утери языка многими.

Б. Дутаров – поэтособенный, русскоязычный Он сумел передать национальный дух, ментальность своим пониманием жизни народа Дар русского стиха, как дар таланта и символ души.

...И в ушах только ветер свистит

Над землей только цокот стоит.

...Стих мой тихий – открытая миру ладонь.

...А стихи не слова, а поступок...

Поэт играет словом, перебирает их неожиданно. В «протяжных гимнах» Троя, Грузия, Азия даны речитативом, порой гекзаметром звучат слова: – горе, гомон, грозы, грохот, город, горечь., созвучия анафор. В стихе «Я» созвучия: ягуар,

янычар, ятаган, Янус, Ярило, янь, яхве(и рифма яхте), ястреб, як, яблоня. Эти маргинальные образы соединяют со всем миром, Пишет 8-стишия, сонет, катрен. Верлибры его напоминают стихи Японии.

...Никогда я стихов никогда не писал. Это горы во мне говорили, это степи во мне говорили.

Через всю книгу проходит образ Поэта. Он – как струна космоса и земли.

...В черном небе мерцают стихи,
В пыльных выюгах клубятся поэмы...

...Когда замирает сердце – рождаются стихи

...Мне не пишется. Но молчание

Как затишье перед стихом.

Любимый образ: праслово, прापесню, праязык. Праматерь, прапамять как вечное обращение к истокам древности, мифам. Обычно поэты в центр сборника ставят любовную лирику. У Дугарова тихо, скромно, нежно, не напоказ, как очень личное.

...Лица ее белый овал я в темном углу целовал,

Как будто я степь обнимал, как будто полынь целовал.

И здесь верен себе. Привлекает богатство ума, изящество мысли, длинноты разбиваются деталями: «окурок в траве, кот на балконе».

Б. Дугаров – ученый, доктор наук, но поэзия его звучит свежо, самобытно. Она держит свое первенство – настроение, переливы чувств, печаль, вопрос, раздумье. Есть что-то общее в стихах А. Даржаа, Б. Бедюрова, Б. Укачина – в вечном поиске самовыражения. Эпического лирика. У него есть чему поучиться молодым поэтам. Похоже, что сейчас поэзию читают только филологи.

Пою Бурятию мою

С душевным трепетом прочла солидный том антологии бурятской поэзии. Судьба моя сложилась так, что я с детства жила вдали от родной Бурятии. Иногда встречала земляков в Москве. Здесь поэзии прекрасные страницы за минувший век – 88 разных поэтов. Открывала заново имена зачинателей,

впитавших фольклорные мотивы и образы и вдруг находила у Солбонэ Туя (1892–1938) северянинское: «травы дышат майно, степи степят юрты, юрты юртят степи, неолуненную ночь, засмеялась перламутром» и рядом легенду об Ангаре и песню о бурятке против выкупа – калыма: « ты сестра сегодня Октябрем жива – и любовь свободна и любовь свежа».

Б. Абидуев (1909–1940) восхищенно воспеваает первый самолет в большой поэме, как тувинец С. Сарыг-оол летающую лодку – ужар-хеме, как чудо.

Мунко Саридак (1909-1929) печалится по есенински: «но как бесчеловечно в чугуи одеть леса – все душит железо – исполин».

С какой любовью воспел в поэме свою родину Д. Жалсараев (1925–2002) «таежная, озерная, степная», «как пиалу руками степь беру я и долгий- долгий делаю глоток» – поэма – песня стала любимым народом гимном, который поют не только на параде, а в минуты отдыха, на дружеском пиру. Слова и мелодия щемят сердце бурята своей душевной трогательностью. А в балладе о коне в кузове грузовика: « пускай сейчас моторным скакунам дорогу уступил ты – не догнать, но есть в тебе и то, что временам вовек не заменить и не отнять!» в них сердечная боль от утраты традиций... Звон копыт для поэта, как живая душа слова. Мы разговаривали на съезде.

Поэты поют любовь и женщину от бабушки до девушки, как А.Бадаев (1928–2009): « не спрашивай женщину, сколько ей лет: девчонка прибавит, давая ответ, и, втайне себя, осуждая, убавит года пожилая».

Детский поет Ц.-Б. Бадмаев (1928–1982) был наивен, бесхитроуен как дитя, остроумен на ходу. « Щеки сына, как пышки на масле». Сколько разных детских рожиц и проказ он изобразил в стихах.

Бурятская поэзия тесно связана с жизнью народа: радуется новому быту, воспеваает коневодов, косарей, кузнецов, девушку на кране и катке, суконную фабрику и паренька рабочего. А в сердце малая родина – родное село, гора, река, Байкал и степь. «Родные горы – самые высокие, родные степи – самые широкие» – С. Ангабаев. «Для большой любви соль

нужна в крови»

В 60-е годы в поэзию пришел Н. Дамдинов (1932-1999) с эпическими поэмами, разнообразием форм лирики, глубоким социальным содержанием «Имя отца», «Тропа Гэсэра». «Серебряною пуговицей пришта к халату неба белая луна» – такую метафору придумал уже выпускник Литинститута. Он стал известным поэтом и общественным деятелем. Приезжал мэтром на фестиваль поэзии 1980 года в Туву.

В. Петонов (1932–1993) воспевал индустриальный пейзаж на фоне багульника и золотой облепихи. «Отфыркиваются грузовики, как лошади, разбрызгивая лужи».

Дондок Улзытуев (1936–1972) сразу входит в сердце образом неприметного цветка ая-ганги, ставшего символом Бурятии.

А для меня

Это – красное солнце в зеленой траве,

Это – белая бабочка в синеве

Это – ровное счастье весеннего дня –

Для меня

Такие чистые краски без примеси.

Кровная связь с фольклором, с родной землей. Прелесть стихов в глубоком чувстве неповторимости. «На горячем навозе сухом со слезами на узких глазах кувыряться и плакать хочу». Степь и юрта тепла и уютна. ...уж не моя ли родимая мать на перекрестке стоит в темноте? ...я ушел бы из этого мира – вспомню родину и не могу. Новый лирический герой с ощущением новых дорог – нету края у пути степного.

В свое время были дискуссии о национальных поэтах, писавших стихи на русском языке – могут ли они передать национальную самобытность. В них глубинная генетическая кровная память. Москвичка Л.Олзоева помнит сердцем наказы бабушки, голубой полумесяц Байкала, омулеву спину байкальской волны, лодок мокрые носы – философски вышла на простор души загадочного буддийского Востока и конечно есть двойственность сознания.

Первый бурятский кинорежиссер Барас Халзанов (1938–1993) искал самовыражение и в поэзии. «Мы вовремя пришли на

этот свет; скуласты стихи мои, как азиаты; человека с конем вековое содружество

...я камушек твой, каких много, ... через реки отчаяния, перевалы-невзгоды наша песня прошла, становясь все сильней, ... наши женщины горе умеют встречать, ... пуговицы мы на шубе твоей.

А в этом кратком стихе и сила духа, и сила образа. «В день Победы»: Не отведав еды за столом до рассвета, две подруги сидели в слезах – моя мать и Победа. Между нами зияла отцова могила в цветах.

Так рано ушедший Мэлс Самбуев (1940–1981) мечтал, что стих его, как луч проникнет в недра бурятской души. ... в груди у меня – гул твоих табунов и солнце краснощекое смеется, ... он был эпически суров, величественно сед, мой узкоглазый от ветров широкоскулый дед. Просты сюжеты его стихов – молоко коровы Эрекшен – Пеструхи помогло семье дожить до победы. ... Всем вам, что сейчас от меня далеки эту песню дарю.

В России есть литературные гнезда Михайловское, Шахматово, а в Бурятии Тунка с прекрасной долиной у подножья Саян, как в Туве – Овюр.

Остается загадкой, какая волшебная сила этой земли рождает плеяду поэтов.

...О Тунка, колыбель моя!

... и дарила мне ласточка в небе хрустальную песню свою

...табуны коней испили море детства моего

...надо мною поет в небесах булжамур (жаворонок)

Так писал Лопсон Тапхаев(1940–2007): «с неба хватать я не намерен, не стремлюсь весь мир перевернуть. Но себе, своим стихам я верен, потому, что это есть мой путь». Он уверен в своем призвании поэта.

«Мне дарила Евразия саги и сны золотые», «Юрта вселенной моей упирается в небо полярной звездой» – говорит Баир Дугаров – русскоязычный поэт, философ, путешественник. «Саяны, я ваша частица. Люди, кузнечики, кони дружат в моей душе. Я чувствую земли моей бывшие раны. В черном небе

мерцают стихи, в пыльных вьюгах клубятся поэмы. Стих мой тихий – открытая миру ладонь. Лица ее белый овал я в темном углу целовал, как будто степь обнимал, как будто полынь целовал. Очи любимой – два нежных Байкала, два дивных просвета во мраке вселенной. Так хочется смеяться и рыдать на материнском нежном языке.

Он вобрал соки евразийской культуры. Пишет живописно, музыкально, просторно. Он сумел тонко передать национальный дух, менталитет своим пониманием жизни народа. Храни человечество чувство дороги единой. Б. Дугаров – переводчик многих поэтов этой книги.

Почему так мало живут удивительные поэты? Юный Намжыл Нимбуев (1948–1971) только вышел в жизнь и оставил прекрасное наследство «Стреноженные молнии» – в них такая внутренняя свобода, широта души, красота стиха и свой особый мир сочувствия. «Копытами ударить гимн свободе в зеленый барабан степных долин», «сидит беркутенок в моем подъязычье».

Ты разольешься морем, я опрокинусь небом,
На горизонте синем встретимся на века,
Буду в тебе отражаться, будем с тобой целоваться,
И поплывут между нами лодки и облака.

В постсоветское время появились новые имена русскоязычных поэтов: Е. Сындуев, Б. Аюшеев, А. Улзытуев(сын), В.Цыренова. А в Москве живет хороший поэт – врач В. Дагуров, к сожалению, не вошедший в эту книгу. Влияние ли это глобализации или среда, судьба каждого. Их поэзия свежа, крепка и это возможные переводчики, как сложилось у Б. Дугарова. «Русскость» дает объемное зрение, широту видения. Двойственность сознания объяснима – 350 лет с Россией. Они в пространстве русского языка остаются в национальной духовной стихии и выражаются неожиданно ярко и сильно.

Нежным прекрасным крылом является женская поэзия Бурятии. В час задумчивый и ранний начала ее мудрая Цырен-Дулма Дондокова (1911–2001) – свидетель века с темами материнства, любви и мира.

– Я свой стих собираю, как воду в кувшин
...Парню хорошему в сердце вошла
...Вот дятел стучит в тишине мелодию стихотворения
...Нам не хватает мира в мире, любви и мира шире круг.

Свою женскую партию продолжают такие
разнообразные индивидуальности как Г. Раднаева.

...И выносит мой стих из пожара души речь родимая,
белый мой конь, дух бурятской земли.

Она автор таких эпических поэм как «Огонь в очаге» – хранитель фольклора и шаманских причитаний. Знакомая модель азиатского мира: скачут кони, блесит степной ковыль, в люльке дитя, рядом старики. «Степь приподнялась и благословила, а я сама, как речка и ковыль, беру начало из самой природы, вдыхая запах пота и зерна, и верю в смысл добра и хлеба, чай с молоком да не остынет в чаше, о, мать–земля, будь матерью нам нежной – всегда». Точно находит двуединство жизни и смерти: болеет старый дед, и с криком рождает женщина. Иногда звучит желание – уйти в степь, вернуться к природе (частый мотив бурятской поэзии), стать вольной, небом, бурей, пургой. Она покоряет корневым знанием жизни. Заарканенная песней, Г. Раднаева нежно поет свою Родину и Время.

Горжусь такими ошеломительными талантами земли бурятской, есть чему поучиться поэтам других народов Сибири и далее...

Не могу сразу остановиться, хочется сказать о хороших и разных русских поэтах и переводчиках, компактном предисловии ученых, даже есть живописные украшения, о самых молодых конечно. Но пусть мое восхищенное чтение продолжат читатели. Сейчас немного поклонников поэзии в наше смутное время. И образность убывает и все-таки душа просит музыки слов, жаждет открытия нового образа, метафоры. В этом томе каждый найдет по душе – задумается, улыбнется, загрустит и лучше узнает дух бурятской земли и ее людей. Вас ждет радость открытия. Черпайте из чистого колодца поэзии.

Душа не может жить без боли...

Анатолий Преловский – поэт большой эпической силы, народного слова. Всю жизнь он в дороге, рассекая огромные пространства Сибири и России. Известный литератор – автор многих сборников: «Багульник», «Просека», «Земной поклон», «Говор», «Дыхание простора», «Земная тяга». За свод поэм – объемного охвата народной жизни «Вековая дорога» – в 1983 году удостоен Государственной премии СССР. В последние годы вышли его книги «Баллада о сыне врага народа» и «Невоенная война». У него на войне погибли отец и дядя, Василий и Петр Преловские. «Впервые в русской поэзии трагедия геноцида и сиротства исследуется средствами лирики, как полувековой образ жизни народа и состояния души человека, противопоставившего гнету жизни свою родовую память, волю жить и творить вопреки всем бедам», – говорится в предисловии.

Даже названия стихов говорят о многом: «Проклятые вопросы», «Страна сирот», «Круги познания», «Сын за отца», «Я рядом был», «Молчальники», «Вина правоты», «Еще о покаянии», «Баллада о птичьих правах», «Возраст утрат».

Двадцать лет Анатолий Преловский жил как сын врага народа, терял родных, скитался с малых лет по чужим углам, сполна познал горький хлеб сиротства, безотцовщины, когда семья представлялась неведомым чудом. Душа была обожжена неволей отца, печалью утрат и могил. «...Всю жизнь прожил я в трудных временах, я подданный страны сирот, и за отца мне был народ, я опоздал в лагеря и на войну». «У староверов я в войну батрачил, якуты принимали в комсомол, с бурятами гонял гурты в горах, с эвенками ходил в тайгу на зверя и в котлованах всесоюзных строек стоял по пояс в глине и воде с разноязыким трудовым сословьем».

Ширококостный корневой народ, сибирские чалдоны, подарили поэту старожильческий говор – «судьба меня для слова сохранила», «душа не может жить без боли». Не случайно живут стихи, посвященные Я. Смелякову, А. Жигулину, В. Шаламову, В. Астафьеву, А. Твардовскому, – писателям, познавшим трагедию репрессий лично. Свою судьбу он

соизмеряет с жизнью страны, современников. Гражданский пафос, мастерство публициста, замешанные на слезах и неутихающей боли памяти, делают поэзию Преловского общезначимой и трогающей сердце.

Второй сборник о войне состоит из пяти поэм: «Обвал», «Танк», «Побег», «Корова», «Самокат». Поэт продолжает свод поэм как свое жанровое открытие. Суровое лихое детство в Якутии военных лет. Много героев и судеб: учитель, призывники, старoverы-скопцы, подранки войны – «старший в кепке, младший без штанов», вдовы, старики, инвалиды... Густой толпой – сибирский народ. «Хоть память мелеет, как реки, а крови забвения нет». Видишь эти заимки, избы, лабазы, стайки, амбары. Ребятишек голодных, не доигравших в «расшибец».

В поэмах много песен, частушек о войне и женской доле, чутко услышан народный говор. «Гимнастерка серая, головенка белая, что проклятая война с мужиками сделала?» «Хорошо тому живется, у кого одна нога: без портянки обойдется и не надо сапога». Эти знакомые словечки: вякать, позырить, блазнилось, куражился, ширял, скрыня, толчок. Лирическим светом согреты образы старика Никона, собиравшего деньги на танк, дружка-якута. «Хлеб у груди нарезаю» – такая деталь сразу врезается в память.

Лучшие из поэм – «Корова» и «Самокат». «Корова ласку понимала, от сердца молока давала такой целебной густоты... Корова! Друг мой несравненный, отрада маеты военной, свет в голодухе тыловой». Ребятне вздумалось устроить скачки на корове, она скинула телка, ее зарезали и отправили мясо на рынок, а малец не раз спал под ее теплым боком в стайке и не смог вытерпеть такой пытки. И во всем этом такое народное самородное слово...

В «Самокате» – инвалид без ног. Сколько их было по стране... Они пели и пили, и собирали милостыню, гремя каталками-самоделками. И женщина взяла его под свое крыло, мыла в бане обрубок человека, любила и жалела. «Так идет, как будто бы летит, так идет, как будто бы поет: косы в мах, а платьишко в разлет» – так же описывал поэт есенинской силы

П. Васильев свою Наталью.

«Двое одноруких пронесли одного безногого: как будто пень могучий, из родной земли вывернутый» – такие детали щемят сердце и будят память. И их много: замшелые губы коня и мешок с сухарями, сбереженный голодными детьми, уплывший по реке. Обе книги полны по-некрасовски правдой реальной жизни. А.В. Преловский учился в одни годы со мной в Иркутском университете. В 50-х годах – вместе с В.Распутиным, А.Вампиловым. Своими учителями называет Твардовского, Смелякова, Соколова. Позже, в 80-е и 90-е годы, мы встречались в Москве, Абакане, Кызыле. Ему всегда некогда, он целеустремлен, погружен в переводы сибирского эпоса. Он перевел и издал «Кан-Кыс», «Поэзию древних тюрков», «Сибирские сказания» «Колчан сердечных стрел», «Шаманские песнопения», «Поцелуй на скаку», «Великий Гэсэр», недавно увидела свет «Тувинская народная поэзия XIX века», два тома «Фольклора саянских тюрков», «Северный эпос». Анатолий Преловский собирает 7-томную антологию сибирского фольклора, сказания сибирских казаков.

Истинный подвижник огромной нескончаемой работы – «чтобы народы лучше понимали друг друга». В детстве в библиотеке деда Ивана он прочел книги Н. Катанова, М. Хангалова, М. Ошарова. Работал газетчиком и кинодокументалистом. Хорошо знает и ценит переводы предшественников А. Смердова, В. Солоухина, А. Плитченко. В его переводах есть полнота созвучия, сохранена звукопись и точность оригинала в свежем лирическом образе, интонации. В этом заключается мастерство переводчика, поэта-интернационалиста. Пусть мягкозвонное стремя несет его по чистым степям Поэзии! «Я шибко пошаманил нынче, творя напев, я продвигаюсь по дороге слов»... Да будет долгой жизнь твоя, орлиный глаз твой зорек, лоб твой широкий чист и светел, а талант неиссякаем.

Я шибко пошаманил нынче...

Получила из Москвы последнюю книгу Анатолия Преловского «Мой верный стих, живи и здравствуй» уже не от

него, а от жены Виктории.

У нас в Туве он больше известен своими прекрасными глубокими переводами поэзии древних тюрков, народов Сибири, любовной лирики «Колчан сердечных стрел», «Тувинская народная поэзия XIX века», «Шаманские песнопения», «Поцелуй на скаку», «Фольклор Саянских тюрков» (2 тома), «Кан-кыс» (1991–2005 гг.). Анатолий Васильевич несколько раз приезжал в Туву и Абакан, работал в ТИГИ с З. Самдан и В. Серен-оолом, узнавая тонкости языка, фольклора, быта, истории. Был подвижником огромной работы – «Память людям вернуть хочу, разноплеменной духовности клад миру спешу раздарить». Как нежно и бережно передавал чувства тувинцев к родной земле, матери, любимой, сохраняя полноту созвучия:

Старшей родни у меня – словно полыни в степи.

Младшей родни у меня –
словно травы у реки....

Овцы мои – прекрасны, когда их пасу весной.

Возлюбленная – прекрасна,
когда помолчит со мной.

Преловский учился в одни годы со мной в Иркутском университете. Позже мы встретились в Переделкино. В трудные 90-е, чтобы сохранить себя как поэта, он занялся переводами эпоса народов Сибири. «Я шибко пошаманил нынче. Творя напев, я продвигаюсь по дороге слов». А теперь о самой книге поэта.

Вначале были стихотворная публицистика, зов дороги, стройки, люди. Но всегда образ, деталь, метафора: зеркало глаз, тугая брусника, ладони сентября... «Я заново мир каждый день открывал. В парусах моих ветер России. Тянусь душой к березовой Сибири, отеческому дому своему. У судьбы моей русло одно – Ангара. Сибирь – снеговойная родина».

Запоминаются его лучшие стихи для меня: «Рукопожатье», «Боль», «О зрелости», «Прости меня», «Под небом Родины», «Забыл», «Мечтатель», «Зеленый луг», «8 берез», «На краю». В них ярко отражены судьба поэта и мастерство. Большая нравственная сила в стихах о смысле

жизни, путях поэзии, счастье жить, воспоминаниях детства.

«... Лицо души ищу в толпе, каждого помню и всеми живу, и бремя страха и долга рвет на части мне душу и грудь, завертится трудов веретено, белым черное не назову. Слова ночные днем теряют цену. И вот живу я возрастом утрат. Кроме любви, ничего не останется».

Много любовной лирики – тихой и нежной. Только одной женщине: «Я тебя любовью не обижу, недоверьем не унижу и верной быть не обяжу».

Такие знакомые сибирское словечки – «обутки», «вякать», «позырить», «изнахратился» – приближают к народной речи. Украшением книги стали автобиографические «Крест», «Корова», «Ерусалимка» – таким лирическим светом озарена спасительница – «корова, друг мой несравненный, отрада маеты военной, свет в голодухе тыловой» и написано таким самородным словом – «распроединственный» друг.

Он любит придумывать сложные слова, и лирика его рождена горьким хлебом сиротства, безотцовщины, по чужим углам, оттого в ней боль причастия, сочувствия, милосердия.

Природа Сибири, времена года: багульник, летний град, снежный свет, по листопаду – жизнь хороша... «До сих пор на злых не злюсь, добротой добрых греюсь, возвратиться не надеюсь, уходить не тороплюсь». В книге мало стихов о времени перелома, перестройки, их было много в других сборниках, а здесь – печаль и вера в добро на Руси. Поэт развивал свой талант в разных формах сонетов, акростиха, своде поэм. «Судьба меня для слова сохранила», «слова попреют и попрут, как семена», «жизнь легла на белые листы чернотропом знаков и чернил».

А. Преловский – лауреат Государственной премии СССР. За плечами 25 полновесных книг и еще столько же изданий переводов творчества народов Сибири. И что из этого важнее – я, признаюсь, сказать не могу. Потому что к переводам, за которые, как правило, не платили или платили крохи, он относился не только как поэт, но прежде – как гражданин. «Чтобы народы лучше понимали друг друга», – так формулировал он свое отношение к этому огромному пласту

своей работы. И вкладывал в переводы весь талант, не жалея сердца, мыслей и образов.

Он любил Туву

Геннадий Снегирев знаком тувинским читателям по своим прекрасным детским книгам «Голубая Тува»; «Про оленей», «След оленя» (издана во Франции). Он написал 150 книг, они издавались во многих странах мира, их читают в детстве и помнят долго. Светлый талантливый человек прожил жизнь, полную приключений (беседа с ним в «Новом мире», № 12). Он мечтал под парусом обойти вокруг света, жить среди пигмеев, побывать на далеких островах. Любил риск, авантюру.

– Для того, чтобы писать для детей, нужно очень хорошо знать жизнь и иметь слух на язык. Если нет чувства языка, лучше вообще не браться писать. Жизнь – это чудо в большом и малом. Она больше фантазии. Главное – первая фраза. Писатель должен все время менять свою жизнь. Если ты много видел в жизни, то никогда не ошибешься, даже придумывая. Писательство – это тяжелый жребий, нужно за каждое слово отвечать.

Он был типичным мальчиком военных лет. Учился в ПТУ, чтобы рабочую карточку дали: было голодно. Работал подпаском, на всю жизнь запомнил красоту степи. Жил в Поволжье, а родился в Москве, на Чистых прудах. Отец сидел в тюрьме по доносу, мальчик торговал поштучно папиросами, а дома ждал его слепой дед. Познакомился с ученым-ихтиологом, ездил с ним на Чудское озеро, изучая останки древних рыб. Получил осложнение на сердце. Два года жил лежа, а потом нанялся лаборантом в экспедицию по изучению глубоководных рыб Курил и Камчатки: по Охотскому морю, по Тихому океану до Чукотки и... выздоровел.

Жил с дальневосточными бичами, ходил с китобоями, увидел жизнь бобров. Стал писать рассказы для радио в 20 лет. Пригласили в «Детгиз». Общение с учеными заменило институт. Дружил с писателями Ю. Олешей, М. Светловым, даже строил из своей комнаты аквариум на 3 тонны воды. ...Был в Туве два раза в геологической партии коллектором – собирал минералы в

Тоджинской котловине. Это, по его воспоминаниям, гигантская страна необыкновенной красоты. Ничего никогда подобного он не видел: звери не боятся людей. Рябчики сидят, стрельнешь из мелкашки: один упадет, другой подвинется. Не поохотишься – не поешь. Проводник был Мендуме Актайбедович. Он водил когда-то караваны в Пекин.

14 раз писатель был в Средней Азии, 2 раза – в Самарканде. В Туркмении работал лесником. Из беседы:

– Экологи говорят, что скоро будем задыхаться, человечество идет к гибели цивилизации: новые болезни, вода отравлена – в бутылках уже продают. Лучше всего жить в юрте, пасти оленей и ничего не знать. Жил в Иволгинском дацане в Бурятии. Привез туда Цырен-Базар Бадмаев – детский писатель, сам человек-ребенок, ему вообще ничего не нужно было. А вот Балдоржи Бадараев в институте тибетологии расшифровал 14,5 тысячи рецептов медицины. Ни одна ЭВМ не брала, а он расшифровал спокойно.

Не накапливайте никакого имущества на Земле, а накапливайте имущество на небесах. Жить надо в простоте, быть довольным, что день прожит. Человеку мешают гордыня, зависть, жадность. Человек тщеславен, пребывает в гордыне. Происходит трагедия личности. Толпа излучает флюиды зла. Агрессия остается в воздухе и даже действует на погоду.

«Голубая Тува» написана с любовью и уважением к тувинскому народу, со свежим взглядом на природу. В рассказах – глубокое поэтическое чувство и душевная гармония, язык прост, лаконичен, безупречен. Можно сравнить с Паустовским и Пришвиным. Охотники Чооду и Мендуме, дети, повадки зверей. Как поэма – рассказы об оленях. Книга была оформлена знаменитыми художниками из Питера Бруни и Митуричем в условно романтической манере, красочно, изящно, таинственно, в лилово-сиреневых тонах. Эту удивительную книгу о Туве хорошо бы переиздать для туристов в память о прекрасном писателе-путешественнике Г. Снегиреве.

Повесть кызылского мальчика

В журнале «Знамя», № 8 (2001 г.) опубликована повесть нашего бывшего земляка Романа Сенчина «Минус». В ней раскрыто становление молодого человека из Кызыла, позже – Минусинска. Начинал он как поэт-музыкант в одной из рок-групп. Родители работали в области культуры. Есть в произведении ностальгия по детству, друзьям, по Енисею.

События начала 90-х годов привели семью за Саяны, к новому образу жизни переселенцев: избушка на окраине – огород, теплицы, свинья, кролики, куры, торговля на местном рынке. Автор обнаженно откровенен в своих метаниях, поисках: пьет и курит травку, мечтает о женщине, жизнь течет днем в тупом однообразии рабочего сцены театра за 350 рублей и в общежитии с вьетнамцами и китайцами – вечером. Знакомые парни – алкаши, одни спились совсем, другие еще читают детективы и потом думают об ограблении бухгалтера, третий в Абакане хочет бороться за свободу Ирландии, художник рисует картинки на японские темы – подальше отсюда.

– Ночь близится, а мы трезвые!

Как заторчать после работы, «высосать» бутылку. В театре – фанерная игра, кукольные лица, искусственные, раздражающие голоса актрис, одна из них – нежная и светлая – выбросилась из окна.

Люди там слабые, измученные, тупые, затюканные, хмурые, измотанные, обиженные, бессильные, в глазах непереносимая боль, полутрупы – старухи, пустота жизни, ее смысл свелся к добыванию пропитания. Псевдожизнь. Противопоставлен старый город и новая часть с Торговым центром, где бурлят страсти, сверкают огни, но там нужны большие деньги.

Герой – не иронический наблюдатель, он пропускает свою боль через сердце, показывает изнутри саморазложение. Как выбраться из трясины, выстоять, не потеряться, бросить привычное, как жить по-другому, обрести нравственный внутренний стержень? Ведь так убого можно прожить всю жизнь – без надежд и радости.

Уверенно и точно автор рисует портреты, иногда скупой –

пейзаж, владеет искусством диалога почти мастерски, современным молодежным жаргоном. Все узнаваемо, слышно на улице: облом, ништяк, бабки, предаки (родители), картофан, башли, долбанем, грабанули, мандражиться. Не режет ухо, не выпирает – здесь необходимо. Зоркие детали: запах стариков – кислый с корвалолом, залежалый, в автобусах ездят без льгот. Тонкий визг и волны судорог свиньи при забое. «Посмотрела на меня, как на заговорившую обезьяну».

Теплое место – дом старых родителей или воспоминания о Кызыле – душа иногда путешествует в детство, к друзьям Р. Ткачеву, Ю. Жундо, Саше.

Жизнь – минус. Так удачно названа повесть и пьют там «Минусу» или «Минал» (минусинский алкоголь).

Р. Сенчин талантливо, хоть и безнадежно, изобразил жизнь своего поколения 30-летних, что за Саянами, то и в Кызыле. Как живут безработные молодые, чем мучаются, о чем думают озябшие воробушки смутного времени. Он не показал исхода, но сам факт появления повести и нескольких других книг говорит об избранном пути – он нашел свою тропу в литературе. И дай Бог удачи надолго.

Мощь таланта

Размышляя о судьбе писателя двухмиллионного киргизского народа, отчетливо видишь, что он был сразу национален и интернационален. «Русский и киргизский языки для меня как две руки – левая и правая», «Язык любого народа – это уникальное богатство, созданное гением народа». Ч. Айтматов смело ломал закостеневшее, отсталое и одерживал творческие победы, этот зоотехник, воспитанный женщинами без отца, репрессированного в 1937 году в аиле Шекер.

Повесть «Лицом к лицу» (1957) – о силе духа женщины, отрекшейся от мужа-дезертира. В произведении «Джамиля» (1958) – о неожиданно возникшей любви солдатской жены к Данияру – звучит тема нравственного пробуждения личности. Местная критика заявила, что не полагается так показывать нашу киргизскую женщину, а Л. Арагон сказал, что это самая прекрасная в мире история любви. Молодой киргиз сумел ярко

и талантливо ввести в мировую культуру свой национальный космос, вывел на мировую орбиту свой регион. Многое было экранизировано, стало балетом и оперой.

«Тополек мой в красной косынке» (1961) – повесть о несчастной любви. Треугольник Асель, Ильяс и Байтемир. Ильяс – упрямый, самолюбивый, обидчивый – потерпел аварию, разбил счастье тихой кроткой Асель. Страдая, он научился доброте, обрел человеческую зрелость. На тувинской сцене с успехом шли инсценировка, в роли Асель – А. Лаптан.

«Первый учитель» (1962) Дюйшен в солдатской шинели собирает детей, таскает вязанки дров, переносит на себе ребятишек через реку, строит мост – лишь бы они учились в школе. Вспоминает своего учителя его ученица, ставшая академиком: его нежность, доброту, улыбку, самоотверженность. Горько размышляет: «Когда мы утратили способность по-настоящему уважать простого человека?» Дюйшен как забытый родник в горах.

Две повести были переведены на тувинский язык С. Сарыг-оолом и оказали большое влияние на развитие эстетического вкуса читателя, а главное, на освоение мастерства, школы психологизма писателями. Айтматов оказался близок не только тюркоязычным литературам, но и европейскому читателю всечеловечностью, честностью художника, уникальным миропониманием. Так происходит встреча культур в единой мировой, идет взаимообмен духовными ценностями. Каждый художник нуждается в творческом соприкосновении, рождающем истину. Писатель не может развиваться автономно, герметично, замкнуто. Айтматов переведен на сто языков мира. Толгонай из «Материнского поля» (1963) получила четыре похоронки, смерч войны разметал счастье женщины. Но она человек для всех, в ней ищут опору и утешение вдовы, ибо она сильна духом. Каждый раз. писатель ищет новую форму – здесь диалог между Полем и матерью. О бессмертии жизни написано глубоко, пронзительно и лаконично.

«Прощай, Гульсары» (1966) – повесть о чабане и его иноходце, о трудностях послевоенной деревни. Танабай

непримирим в борьбе за свои идеалы против бюрократов, карьеристов, пустозвонов. Он не умеет приспособляться, быть равнодушным, он резок и прямолинеен. Главной особенностью стиля Айтматова являются фольклорные мотивы: народные песни, легенды – здесь плач верблюдицы о сиротинке-верблюжонке и мятежный иноходец во всей природной красоте.

В 1970 году вышла повесть «Белый пароход» – в центре лесной кордон, дед Момун и его внук. С шемящей болью нарисована эта драма неприятия зла, жестокость мира на фоне вечной природы и сказок предков. Суровый нежный высокий романтизм вошел с Айтматовым.

«Ранние журавли» (1975) – о военном детстве. Суровая правда жизни рождает глубокое сопереживание и душевный отзвук.

Тема детства и силы духа продолжается в повести-сказании «Пегий пес, бегущий краем моря» (1977). Сюжет подарен В. Санги. Возвышенный миф о Рыбе-прародительнице нивхов. Мощная образность в описании природы, живой, непосредственный, любознательный, добрый Кириска победит и продлит свой род.

«И дольше века длится день» (1980) – первый роман. Три круга – природа, человек, космос. В течение дня похорон друга проходит вся жизнь героя Едигея, его размышления о жизни – как передать детям ответственность за судьбу родной степи. И снова писатель против эгоизма, беспамятства, равнодушия.

Огромное впечатление производит легенда о Манкурте – человеке без памяти. Люди без прошлого лишены нравственных критериев. Мотив народной памяти звучит как метафора-предупреждение.

И снова природа как фон размышления: всевидящий коршун в небе, голодная лиса подбирает объедки на железной дороге, дикий неистовый могучий верблюд Караннар, огромная степь как сама вечность. Сильный духом герой, любимый у писателя.

В 1980-х годах «Буранный полустанок» был успешно поставлен на тувинской сцене (в главных ролях А. Салчак и Д.

Барынмаа). Тувинскому искусству Ч. Айтматов близок своим мифологизмом. Легенда об Эне-сае была сразу же переведена на тувинский.

Второй философский роман – «Плаха» (1986) вызвал споры. Два чабана – антиподы Бостон и Базарбай – это два способа жить, где часто побеждает зло. Писатель подает сигнал тревоги, крик боли о жизни нашего общества, его духовном развитии – куда идем? Его волнуют проблемы наркомании, экологии, религии, тревога за падение нравов, потребительство.

Бостон – правдоискатель, труженик, справедливый человек, живущий по совести, попавший в трагические обстоятельства. Рассказ о волках как предмете сострадания – лучшая часть романа. Базарбай выкрал волчат, продал и деньги пропил. Волчица вершит свой суд. Чабан стреляет в нее убегающую, схватившую сына. Волки выписаны в лучших традициях русской литературы – от Толстого до Куприна.

Судьба мира в конце XX века, осознание трагической опасности самоистребления человечества волнует писателя в этом многопроблемном неровном романе-притче о неблагополучии нашего общества эпохи застоя.

В эпоху перестройки писатель оказался в центре Европы дипломатом – послом Киргизии. Тогда появилось «Белое облако Чингисхана» (1990, «Знамя» № 8), миф-легенда о власти и деспотизме. Белое облако – символ безграничной власти. Ночная степь, лавина коней. Двое любят друг друга, их казнили – они нарушили запрет рождения детей в походе. Великая воля натолкнулась на сопротивление и велкий хан вернулся в Ордоо, а в иссохшей груди женщины Алтун, взявшей ребенка, появилось молоко. Тема памяти, добра и зла проходит в повести. У Айтматова всегда велика сила катарсиса – очищения, мощью легенды он забирает читателя в плен, силой философских обобщений, болью и тревогой. Не опустели колодцы нашей исторической памяти. А облако исчезло.

Последняя умозрительная повесть – «Тавро Кассандры» («Знамя» № 12, 1994), думается, во многом связана с жизнью Европы, с новым пониманием евразийства, расширением горизонта жизни, продолжающимся углублением философии

духа, всегда присущего манере писателя. Взгляд издалека и сверху, отклик на европейского читателя.

Мертвая сова над Мавзолеем – грозный символ. Призраки прошлого медленно исчезают, но надолго ли? Айтматов-европеец ищет новые способы разбудить равнодушных, усталых людей. Голое умствование, умозрительная схема иногда здесь преобладают над художественной мощью. Она в корнях народных, а видимо, не в мегаполисах Европы. Айтматов – всегда праздник для читателя. А для местной диаспоры киргизов и казахов – повод гордиться, может быть, собраться на вечер Айтматова.

Астафьев

«Каплей дождя, диким семечком...»

Родился Виктор Петрович Астафьев 1 мая. Нынче ему исполнилось бы 79 лет.

Был он родом из репрессированной семьи, бездомным беспризорником скитался по приютам, позже учился в ремесленном училище, нищенствовал и голодал, попал солдатом в пекло войны, был ранен, контужен. Жил в Чусовой, Перми, Вологде, Красноярске. Малограмотный сибирский парень стал большим писателем, известным всему миру, – в 28 странах его книги выдержали сто изданий. В России – 15 томов вышли в Красноярске, это самое полное издание. Свой первый рассказ Астафьев написал в 1951 году в знак протеста против «лакировки» темы войны. Талантливый писатель работал разнорабочим, слесарем, позже стал газетчиком. Начинал как детский писатель – поэзия природы, поэзия детства. В 60-е годы появилась лирическая проза Солоухина, а у Астафьева – повести «Перевал», «Стародуб», «Звездопад», «Кража», полные размышлений о назначении человека на земле, нравственных устоях, народном характере. Учился на высших литературных курсах в институте им. Горького. Память войны не отпускала его, тревожила. Он написал реквием «Пастух и пастушка». Война искалечила, обездолила, надломила людей. Одним из лучших его рассказов является «Ясным ли днем» – о любви и

верности, о судьбе фронтовика.

Роман «Последний поклон» (1967–1975) – поэтическая летопись народной жизни 20–40-х годов о стойкости и душевной щедрости сибиряков. Много ярких страниц о бабушке Катерине Петровне – шумливой, решительной, надсаженной работой, всезрящей. Рыбалка, засолка капусты, игры в лапту нарисованы сочно, зримо. Без утайки показаны слабость и сила, самодурство и жестокость людей. Народ показан многомерно, с разных сторон – работает и страдает, пьет и дерется, веселится и кается. «Где блины – тут и мы, где кисель, тут и сел, где пирог, тут и лег, клади наземь густо, в амбаре не будет пусто». И батюшка-Енисей как живое существо: захрустел, размялся, взломал, попер. Свою жизнь исследует как часть жизни народа.

«Царь-рыба» (1976) – произведение о взаимоотношениях человека и природы, а героями его стали рыбаки, капитаны, приемщики, инспекторы: Аким, Семен, Николай, Парамон. Настало время хранить природу и самого человека от нравственного разрушения, от одиночества. Браконьеры, рвачи, и не только они, ведут Сибирь к экологической катастрофе, и сами несут урон, разрушая природу. Аким – дитя природы, трудяга, беспечен, но всегда готов помочь, посочувствовать. Завершается книга библейскими словами: время строить, собирать камни, хранить и беречь. Росло мастерство писателя: одну каплю-росинку, движение огромного осетра читатель видит и чувствует. Эта вершина – и мировая слава, и споры критики.

В.Астафьев напишет и «Зрячий посох» – дневник, письма, воспоминания о литературном критике А.Макарове. В повести показано становление писателя, его литературные взгляды, опыт. «Я очень люблю свою Родину, Россию, но в нынешнем ее облике – в гражданской глухоте и полураспаде жалею, как старую, неизлечимо больную, немощную мать».

В 1986 году появился «Печальный детектив» – снова о падении нравов в народе, о гибели семьи. Главный герой Сошнин работает в милиции, смелый, честный человек, испытывающий боль, гнев, растерянность, отчаяние, горечь от всего, что он видит вокруг. Как жить дальше среди убийц,

бандитов, подонков? Пустые глаза равнодушия, пьянство, разгул псевдокультуры. Откуда эти вирусы зла, агрессии, корысти, жадности? Что с нами стало? Кто погасил свет добра в нашей душе? Примеры жестокости не менее ужасны, чем в наши дни. В городе Вейске распад, остервенение, безволие, неуважение к себе.

Роман «Прокляты и забыты» (1993–1994) снова всколыхнул общество. Писатель прошел войну рядовым солдатом на Брянском, Воронежском направлении. В произведении показал смерть, войну, фронтовое братство и предательство, переправу через Днепр, в которой уцелел только каждый пятый, промозглые землянки, реку, пузырявшуюся кровавой пеной, берег, весь усеянный трупами, между которыми валялась рыба, – и солдаты ее ели. Написал жестокую правду о генералах, не жалевших солдат, говорунах-замполитах, о благородстве и бессмертии солдат Рындина, Зарубина, Шестакова, Бурдукова, Щуса, Васконяна. Ресницы в гнидах, солдат весом в 39 кг при росте 172, запах гари и мертвых тел – «Не буду врать о войне. На войне было такое, чего вообще быть не может». Он написал о жизни и смерти простого солдата без патетики, глянца, вынес из войны свое понимание, потеряв веру в справедливость. Больной Симонов так ждал солдатской книги Астафьева, он хорошо знал офицерскую литературу и книги маршалов – взгляд сверху. Неоднозначно был воспринят роман – в том числе и как «поклеп, клевета на армию, предательство, натурализм», звучали угрозы за мужество честно сказать о грязи, мерзости войны. Как в пословице: сладок будешь – расклюют, горек будешь – расплюют.

Он был свободным, независимым человеком, неудобным для начальства, не заигрывал с властью, в глаза говорил о плебействе, раболепии, болтливости. Прямой, часто резкий, неуголовный, строптивый.

Был у него удивительный жанр миниатюры «Затеси» о русской женщине, обрядах, красоте искусства, природе. О судьбе С.Кузнецовой – ее стихах, одиночестве. О березе на скале – ее красоте и жизнеспособности. Очень часто о нашей реке – дивен Енисей. Семейно растут березы. О кратком миге

жизни – с такой лирической силой, так пронзительно-образно. А еще он успел написать «Так хочется жить», «Обертон», «Людочка», «Жизнь прожить», «Пролетный гусь» – о том, как солдат умирает от нищеты и чахотки после войны.

...Двести тысяч красноярцев проводили его в Овсянку навсегда. Генерал Лебедь успел сказать слова прощания. Множество статей появилось в центральной прессе. Отмечалась роль писателя-классика, он вобрал в себя все взлеты и падения, противоречия и столкновения жизни, он – совесть литературы, патриот и гуманист, заново открывший Сибирь. Он обжигал своей правдой – был зеркалом жизни русского народа. Уникальный писатель, философ из глубинки, смелый художник, русский самородок, он умел читать души, понимал людей. «Народный человек невероятной внутренней крепости, нравственного стержня» (Приставкин).

Он любил поэзию, часто проникновенно читал наизусть Лермонтова, Фета, Блока, Бодлера, Кипплинга, Рубцова, Прасолова. Жалел, что не получил образования. Близки ему были писатели Носов, Быков, Воробьев, Ручьев. Сначала его относили к деревенской прозе: Абрамов, Шукшин, Белов, Распутин – они писали об уходящей старой деревне, особом крестьянском характере, нравственных устоях народа.

К нему в Овсянку, где он построил библиотеку и церковь, приезжали Распутин и молодые писатели. Солженицын говорил с ним три часа и написал: «Настойчивый правдолюбец. Из первых, кто чутко отозвался на нравственную порчу нашей жизни. Как никто, испытал солдатскую тяжесть войны и понял ее со дна».

Приезжали к нему политики: Горбачев, Ельцин; артисты: Ефремов, Табаков, Михалков, Петренко, Дуров; дружил он с М.Ульяновым и К.Лавровым. Самозабвенно любил народную песню и сам красиво пел, слушал Рахманинова, классику – воспитывал свой вкус. Первой помощницей во всем была Мария Семеновна, с которой вместе прожили с 1945-го, похоронили двух дочерей, и это было неизбывной болью осиротевших родителей. 78-летний писатель России работал до смертного часа, диктовал «Приключения Спироки», издирая сердце. В

медленный плен берет читателя народный язык необыкновенной красоты и мощи.

«...Как печально и торжественно вокруг, как разрывает грудь чувство любви ко всем и ко всему».

«Ода русскому огороду» – о земле-кормилице, которая дает радость и силу человеку всеми запахами, звуками, цветами. Это поклон каждому овощу и травинке. Он хотел остаться на земле «каплей дождя, белой снежинкой, диким семечком, проблеском света над землей». Жил в деревне Овсянка, рядом со своими героями – русский самородок из Сибири.

С поклоном Астафьеву

В Красноярске состоялись Астафьевские чтения, посвященные 10-летию «Литературных встреч в русской провинции». Собрались гости из 40 регионов: от Питера и Москвы до Владивостока, от Игарки до Китая – писатели, литературоведы, библиотекари и музейные служащие.

6 лет назад я была на встрече, когда Астафьев словно прощался с писателями и читателями, создав 50 человек. Были С. Донбай, Р. Солнцев, С. Василенко, М. Чудакова, А. Казанцев, А. Кобенков, Г. Машкин, А. Пчелкин, Е. Попов, А. Кирилин, В. Зеленский, А. Варламов, Н. Година...

Писатель М. Кураев (Питер) говорил о великом писателе: небесный дар, богатство души, удивительной глубины слова, умение рассказать просто о сложном, раздумья о том, что есть русский человек, и показал его многогранно. В трудное время 90-х на развалинах культуры собирал литературные встречи, объединил сибирских писателей.

Профессор Н. Щедрин (Москва) исследовала жанровое новаторство

В. Астафьева, очерк нравов. Русский человек – бездна, которую не исчерпать, как луну в колодце. Необычная форма эпического полотна, изменения стиля от пасторали к трагедийности.

Профессор Н. Щедрин душевно презентовала второй том книги «Отвори свою память» – 27 простосердечных воспоминаний односельчан Овсянки о буднях, разговорах,

словечках, манерах, песнях Астафьева. Он знал, кто сколько выкопал картошки, к нему шли посоветоваться по житейским вопросам, Петрович любил топить печь, копаться в саду-огороде. Сестра вспоминает, как маленький Витя тосковал по утонувшей маме: «Мама, выплыви ко мне», – плакал он на берегу Енисея.

Рос сиротой из репрессированной семьи, сгинула вся родня, жил в детдоме, прошел голод и войну солдатом, похоронил двоих детей. Труден был путь и в литературе: в Перми, Вологде – вдали от малой Родины Овсянки – прошли полвека творческого труда.

«Родное село – самое главное, самое светлое место у человека». «Я очень люблю свою Родину, Россию, но в нынешнем ее облике – в гражданской глухоте и полураспаде жалею, как старую, неизлечимо больную немощную мать». «Если бы мне было дано повторить жизнь, я бы выбрал ту же самую, очень насыщенную событиями, радостями, победами, поражениями, восторгами и горестями утрат».

...Наряден в осенних цветах КГПУ имени Астафьева, скамейки для студентов и вазоны, клумбы в огненных красках. В фойе фотовыставка, а на стенах везде прекрасные портреты писателя работы разных художников: грустный, озорной, за рабочим столом, на берегу Енисея.

Толчея журналистов, шелканье камер. Мощно звучала «Дубинушка» в исполнении мужского хора. Маленькая китайка профессор Чэнь Шусянь из Пекина рассказывала о переводах русской литературы в Китае: Солженицын, Распутин и еще много имен. Профессор вместе с мужем и сыном перевела более ста произведений. Она читала отрывок из «Оды русскому огороду». «Почему-то меня тянет сюда, уже в третий раз», – говорит она на чистом русском языке, не затрудняясь выбором слов.

Звучали приветствия заместителя губернатора Шишмарева, ректоров двух вузов Н. Дроздова и А. Проворова. Библиотеке университета дают 5 миллионов рублей – выписывают 1200 научных изданий. На приеме у ректора Н.И. Дроздова он говорил о создании центра по изучению творчества

писателя. Вспоминал Туву – Ш.Д. Ооржака, М.Б. Кенин-Лопсана. Я подарила книги тувинских писателей на русском языке и «Улуг-Хем» библиотекам. Мы соседи и должны ближе знать друг друга. Произведение «Пастух и пастушка» переведено на тувинский язык, перевод расширил лексику и заставил задуматься над самоценностью жизни...

Выступавшие писатели и филологи выдвигали такие темы: Астафьев и национальные модели мира, мифология рыбы (Мелвилл, Хемингуэй, Астафьев), языковая личность в зеркале его публицистики, человек и война, позиция автора и характер героя, мир природы, люди Овсянки и сюжеты в творчестве Астафьева, национальное и региональное в его творчестве, исторический процесс в понимании писателя, философия быта, народный язык в прозе.

На встрече в научной библиотеке Красноярска (директор Т. Савельева) и в библиотеке-музее в Овсянке писатели говорили о читателях. Социологи по опросам отмечают: книги не покупают 52 процента населения, не читают 37 процентов, не бывают в библиотеках 79 процентов. Преобладает деловое чтение: школьники, студенты, специалисты. Чтение заменяет ТВ. Мало читают толстые журналы, преобладает чтиво – детективы и любовные романы. Кризис детской литературы. Люди работают в нескольких местах – выживают, в семьях не следят за детским чтением. Только пенсионеры остались верными книге. Проблема триединства, писатель – издатель – читатель, остается острой, тиражи малы, хотя журналы есть во многих городах Сибири.

Много говорили о бездуховности людей, о необходимости государственной поддержки, культуре потребления, развлечения, агрессии поп-культуры. Писатель, редактор журнала «День и ночь» Р. Солнцев дает дебют многим молодым, отважно пишет романы о современности. Литературный лицей (М. Савиных) растит таланты, здесь работают и клуб любителей поэзии, литературная студия.

А. Гремицкая из Москвы, редактор Астафьева, говорила об изданиях для юношества, о светлой личности писателя. А. Рязанова (Литературный музей Екатеринбурга) показала

отличные полиграфические издания ассоциации писателей Урала: альбомы творчества, поэзию, мини-книги.

...Овсянка – родина писателя на самом берегу Енисея – встретила нас солнцем, рдеющими гроздьями рябины и калины, деревенскими подворьями и церковью-часовней, заметной издали. Но уже наступают коттеджи богачей – грустно это: отметить рядом с великим.

Была встреча за «круглым столом» в библиотеке, где хранятся архив, письма, рукописи В. Астафьева и 33 тысячи книг. Вглядывались в старые фото родни – прототипов его произведений. Размышляли о судьбах литературы, российской культуры, вспоминали Виктора Петровича, его юмор, шутки, как он много читал произведений молодых писателей, как дорога его сердцу была поэзия, много знал наизусть. Любил народную песню, вообще музыку и природу. Он был свободным и независимым народным художником, неугодливым, строптивым, правдивым во всем, человеком-самородком. И в наследство оставил не только прекрасные книги-исповеди, но и свои заветы. Гости унесли с собой Память и жажду слова. Бессмертный дух писателя витает здесь. Будет памятник в Красноярске, а на квартиру-музей денег нет, хотя жива 86-летняя Мария Семеновна Корякина, подруга всей жизни, первый помощник, сама автор 16 книг.

...В чем тайна его слова? Он может войти в душу каждого как близкий человек. Я встречалась с ним в 1979 году в Переделкине, слушала его беседы с его многими гостями, приходившими «на огонек», впечатления о театре с Ульяновым, Ильинским, Тереховой, рассказ об Исландии, о смерти брата, об однокашниках по Литинституту, о женской поэзии, случаях на охоте (приеду в Туву рыбачить!) и еще о многом – все сочно, живописно, народным словом.

На могиле писателя – поминальная лития, свечи, только шелест листьев. Потом я зашла в его домик сквозь зеленое море трав, разноцветье цветов, плодов – воистину ода огороду. Жил с весны до осени в трудах и думах. Скромно, тесно, скамья из лосиных рогов, как делают в Туве. В доме бабушки Катерины Петровны – музей русского быта: горшки, ухваты, самовар и

фигуры людей в одеждах того времени... И угощение ухой из царь-рыбы, пирогами с черемухой и брусникой на приеме в Овсянке у главы г. Дивногорска В. Германовича.

А на улице гремел фольклорный праздник, два хора пели частушки и народные песни. Была выставка даров природы, памятник картошке, огромная капуста, тыква. Продавались изделия народного промысла и книги Астафьева «Последний поклон», «Царь-рыба», «Затеей», «Гусь пролетный» и воспоминания о писателе.

Сибирь дала миру Шукшина, Распутина, Астафьева. Ученые, писатели, библиотекари, краеведы и местные власти проводят конференции, конкурсы, экскурсии, литературные встречи, праздники книги, издают сами книги, прославляют родину писателей, снимают фильмы, ставят спектакли, пишут холсты...

А мы не можем создать литературный музей, назвать улицы именами Сарыг-оола, Пюрбю, Кюнзегеша... Уже давно пришло время собирать прошлое, хранить настоящее, строить будущее.

Я смотрела на Сибирь в золотой раме осени, вновь удивлялась и радовалась просторам, красоте тайги, гор, рек – велика и прекрасна Родина – Россия-матушка, Енисей-батюшка. Слово бессмертно, как сам народ. Мир вам, добрые люди – наши читатели!

В гостях у В. Астафьева

Еду в поезде до Красноярска. Богатая тайга уже в золоте, чисты и быстры реки, припасены стога сена – радуется душа забытому чувству Родины. В деревне Овсянка – на родине писателя радовались съехавшимся гостям, пели старинные песни, плясали, водили хоровод и на берегу Енисея, угощали тройной ухой, царской рыбой – осетром. Виктор Петрович зорко смотрел (у него прекрасная память), слушал, иногда подходил к писателям и библиотекарям. В третий раз по его зову съехалась писатели Сибири, Москвы, Питера, Магадана на литературные встречи в русской провинций. 75 лет исполнилось мастеру слова.

В. П. Астафьев много работает, издал 15-томное собрание сочинений, выходят новые «Затеси», «Веселый солдат». Ему посылают много книг и рукописей, он их читает, зачастую помогает изданию. Двадцать лет назад мы встречались в Переделкино, он читал мою повесть-дневник и подарил книгу с автографом "От автора, который пил воду из родной и прекраснейшей из рек на свете – Енисея. Заходила в его домик на улице Щетинкина, ела грозди красной пряной калины во дворе.

Писатель о литературе

Литература почти прекратилась – порнуха и жалкие детективы завалили прилавки, от настоящей современной литературы читатель отвернулся напрочь. Пожалуй, только женская поэзия держит тон. Она умнее, выше, чище, музыкальнее, не утратила русского поэтического ключа. И если сегодня ослабла наша литература... Кто виноват? Сами виноваты. Переходный период. Он всегда бывал и в жизни, и в литературе. Литературе предстоит пройти испытание правдой. Просто жизнь невыдуманная, настоящая, всамделишная, пристально увиденная и мастерски воспроизведенная – она всегда правда, всегда новая, здесь и лежит источник вечного обновления литературы.

Сейчас в обществе состояние усталости, апатии, запутанности жизни. Мне кажется, в необходимости именно понять, найти свое место во времени и пространстве заключается трудность творца. Чем каторжней и хуже жизнь, тем больше пишут, особенно стихов. Один остался в том, советском времени, ему там лучше. Другой не хочет соглашаться с тем временем, с той идеологией. Трагизм ситуации в том, что по разные стороны стоят люди талантливые, с чувством усталости и покинутости. Литературная критика не востребована, нет глубокого осмысления анализа. Необходим посредник в отношениях с читателем.

В. Астафьев был краток: будьте в добром здравии, подышите сосновым воздухом, пообщайтесь друг с другом. Пожалуйста, не тратьте время на политику. У нас мною домашних писательских дел. Создать общее сибирское

издательство с помощью богатых областей. А. Тулеев помогает в Кемерово.

Что читаем и пишем

Два дня мы слушали доклады сначала в Государственной универсальной научной библиотеке Красноярска, позже в Дивногорской центральной библиотеке. «Отечественная литература и библиотеки на рубеже веков». Выступавшие выдвигали проблемы: войдет ли русская литература в историю XX века (А. Варламов, Москва). «Массовая, элитарная и просто литература. Плюрализм без берегов» (Е. Попов, член пен-клуба). «Русская женская проза 90-х годов» (С. Василенко). «Кому нужна библиотека на исходе тысячелетия» (В. Захарова из «Ленинки»). Всего из 28 регионов, от Москвы до Магадана и Норильска.

...Что происходит с читателем?

Много ли читают на Руси? Читают 18 процентов населения. Новых поступлений в фонд после 1995 года очень мало. Библиотеки в провинции создают духовный климат. Люди читают детективы, романы о любви, исторические романы. Исчезло понятие «модная книга». Мало читают толстые журналы – равнодушны к современной прозе. Сельские библиотеки вообще не получают периодики. Чтение оттеснено телевизором и видеофильмами. Преобладает деловое чтение – нужно по программе. Не хватает современных критических и литературоведческих книг. Библиотекари предлагают издания 50–60-х годов. Ни вопрос «Кого вы считаете героем нашего времени?» 80 процентов ответили: «Такого нет!» Редко читают книги 13 процентов, а 20 ответили: «Не могу жить без книг». Читают Булгакова, Толстого, Маринину, Кинга, Дюма, Митчелл, Драйзера, Ремарка, Пикуля, Солженицына, Гюго, Шелдона. Куприна.

На встрече выступали многие, в том числе А. Гремицкая (журнал «Школьная роман-газета»). Журнал как урок литературы, внутри "Большая перемена". Дети его полюбили, устраивают конкурс сочинений, победителям дарят книги, всем миром хотят, чтобы дети выросли хорошими настоящими людьми. Тираж – 15–18 тысяч, журнал для семейного чтения.

Вообще в журналах Сибири много внимания уделяют детям, их сочинениям и стихам – ищут таланты.

С. Асламова – редактор журнала «Сибирячок», яркого, нарядного. Вспомним героев детских книг: Мальчиш-Кибальчиш, Маленький Принц, Малыш и Карлсон, Винни Пух, Чебурашка, Волк и Заяц, – для детей отбираются лучшие произведения взрослых и сверстников. Многие из «сочинителей» выросли в талантливых журналистов и писателей. Помогать детям, не пропустить таланты – их цель, они получают очень интересные письма. Как воспитать детей и научить любить нашу несчастную ныне Родину?

А. Варламов говорил о том, что мало осмыслен XX век, то, что произошло с нами. Волнует разрыв со старшим поколением. Думает не о деревне и городе, а о дачниках, их тысячи. Что это – уход от системы или независимость на 6 сотках – подачке государства. Волнует, насколько современен, я выпадаю из времени.

С. Василенко рассказала об уникальной женской прозе. «Бабы» рассказы точнее рисуют жизнь.

В Овсянке ко мне подошел Владимир Нестеренко, автор книг о Туве в 80-е годы. «Чаша сухой горы» и «Сказание о Танну-Ола». Сейчас он фермер в Сухобузимском, разводит в прудах серебристого карпа, а зимой пишет детективно-любовные романы, подарил свою книгу «Удар небесный», готовит к изданию «Неизбежность любви» и «Не по своей воле». Есть и такой путь в литературе, – создав себе экономический фундамент, заняться любимым делом.

В Иркутске проходит фестиваль «Сияние России», издается «Первоцвет», «Зеленая лампа», «Братские роднички». В Москве выходит "Наша улица", есть свой круг авторов из разных городов. Ищут спонсоров, сами продают свои книги. В Красноярске 7 лет выходит «День и ночь» (редактор Р. Солнцев – поэт и драматург). Печатают рассказы бывалых людей. Дали дебют 110 молодым, 30 устояли в литературе. Приходит огромная почта. На Букеровскую премию выдвигаем своих авторов. Астафьев уберезит от злобы и корысти.

Нужен общий альманах. В Кемерово и Красноярске

прекрасно издают серию «Поэты свинцового века»: Барков, Маслов, Озолин, Ерошин, Кутилов.

«Сибирские огни» приехали всей редакцией и приглашают по старой памяти присылать свои произведения, особенно публицистику. В 2002 году состоится IV съезд писателей Сибири и будет отмечаться 80-летие «Сибирских огней». Они перепечатывают из 20–30-х годов Сейфулину, Сорокина. Боязнь истины кормит ложь. Печатают всех без политической грызни. Высказывалась мысль, что литературные журналы не должны облагаться налогом, нужно общее сибирское издательство.

Как слово наше отзовется?

Говорилось и о том, что писатели не должны обходить темы тюрьмы и сумы, идти в колонии. Легко помочь всему человечеству, труднее одному человеку. Дети в подвалах, голодные – и о них надо писать.

На литературных встречах был подвижник из Братска В. Сербский. Он собрал 28 тысяч сборников поэзии, больше в два раза, чем А. Тарасенков в Москве. Мечтает собрать последние издания века. Книги подарил городу, сам – библиотекарь, многие книги с автографами.

Велика ответственность писателя в национальных литературах. Как слово наше отзовется? Волна цинизма захлестнула литературу, ненормативной лексики. Герои – наркоманы, проститутки, бомжи, дебилы. Забыли о сострадании, одно ожесточение. «Шампиньоны моей души» – два музыканта на свалке, все тонет в потоке грязи. Парни гуляют вечером и пакостят, харкают в трубку. Мотив скотства, нравственного шока. Надо поднимать национальное достоинство.

Впервые обо всем писать можно. В кино пришла «чернуха». Изменился главный герой, он стал аморальной личностью. Проза выдержала огромный конкурс. Стали преобладать очерк, эссе, публицистика.

Литература выживает вопреки властям. «Сибирские огни» – старейший журнал – не финансируется. Но есть и позитив – провели семинар молодых сибирских писателей и III

съезд писателей Сибири. Интересная форма – областной фестиваль детского литературного творчества.

Появилось много писательских союзов. Многие переквалифицировались – писали о секретарях, теперь пишут детективы и эротику. Элитарная литература стала просто литературой. Остались и настоящие писатели.

Неладное происходит с языком, со стихом. Графоманы зря переводят бумагу. Вопреки этому – у Э. Русакова настоящее чудо слова. А. Преловский интересно переводит эпос народов Сибири: открыл огромный мир. Тем временем мы теряем читателя...

В региональной литературе разные оппозиции, на собрания не ходят, не здороваются, демонстрируя неприязнь. Плохой мир лучше хорошей войны. Читатель ждет хороших книг. Об этом и многом другом говорили критик М. Чудакова и писатель М. Кураев. Кроме того, я беседовала с иркутскими и новосибирскими писателями.

Двор добрых людей

Был день, когда все разъехались по городам и весям Красноярья на встречи с читателями, отвечали на острые вопросы молодежи. В деревне библиотека в прекрасном здании с большими окнами, нарядно оформлена, в Дивногорске трехэтажный дворец (еще при социализме строили), мягкая уютная мебель. Везде продают книги не только развлекательные, но и серьезную литературу, и дорогую. Встречалась с учеными-филологами университета.

Была на выставке «Проповедь добра» художника Юрия Деева, нашего земляка. Знала его со школьных лет, родители работали вместе с Дмитрием Леонтьевичем – отцом, жили рядом на улице Авиации. Знала его брата Владимира и сестру Галину, а тетя Катя угощала пирогами. Юрий и Владимир Деевы создавали памятник Тувинским добровольцам. Юрий Деев рисовал геологов, староверов, природу. Памяти Сергея Пюрбю нарисовал могучее дерево со сломанными ветвями – так неожиданно и образно. Уехал в Красноярск в 80-х годах и так необычно начал там, искал свой собственный стиль, манеру, тему в русской старине, в стиле детского примитивизма,

народного лубка. Избы в снегу, ручей, собака, самодельные коврики, пестрое лоскутное одеяло, птицы, колодец, подвода, забор, качели. В центре старик и старуха. Картины излучают теплоту и нежность.

Иногда старик держит ноги в ручье или катается на радуге, или моется в бане, а вот петух на крыше, птица на голове старика, дед залез на крышу с балалайкой, иногда дед летит по воздуху, а вот раскинулось сказочное дерево с игрушками. Названия картин «Люди и птицы», «Баня почерному», «Добрая собака», «Дед от бабки ушел», «Разговор с птицей», «У калитки», «Маленькие радости», «Двор добрых людей» – деревня в разные времена года, любимая зима. Часто встречается лестница в небо, как символ совершенства, стремление вверх. Красота и волшебство русской сказки, ее нежное очарование, одухотворенная живопись и жажда добра. Троица, Рождество, покаяние, часовня, Георгий Победоносец – художника волновала тема христианства, как путь к духовности и вере. Многие картины Ю. Деева находятся за рубежом и в частных собраниях. Хорошо бы пригласить эту выставку в Туву, здесь он начинал свой путь в искусстве. Что будет с миром, если забудут о духовности...

Давно не была за Саянами, привезла стопу книг, увидела новых людей, услышала новые идеи. Мысль движется вперед, как и наша жизнь.

Мудрое слово предков

Огромное пространство Сибири вызывает ощущение величия окружающего мира. У малых народов особый самобытный мир, который ярко выразился в фольклоре. В Москве вышла книга «Северный эпос». Это героические сказания 20 малочисленных народов Сибири: долган, кетов, ненцев, тофаларов, шорцев, эвенков, юкагиров, числом от нескольких тысяч до нескольких сотен человек.

Сюжетом чаще всего является борьба богатыря Итте, Мэрэвула, Эдилвея с врагами и чудовищами, борьба за невесту и разные испытания, судьба сироты. Действие происходит среди суровой природы лесотундры и тайги: «у белой у реки у многоводной, у белой у тайги высокогорной...» Структура мира

трехчастна: верхний, срединный и нижний. Герой свободно проходит везде – на небесах и под землей. «Взгляд быстрее птицы у него, плечи шире лодки у него» (ханты). «Брови у него, подобно скалам над лицом суровым нависали, нос подобен был хребту прямому» (туба), «как у ласточки зорок глаз, как у филина слух остер, как у волка легок прыжок, как зимой у оленя бег» (ненцы), «лопатки, словно горы у него, широкий лоб, как поле у него» (теленгит). «Когда бегу, то пальцы ног в разбеге меня колотят по лбу с каждым шагом, а пятками касаюсь до затылка» (эвенки). Читая эти описания, вспоминаешь героев тувинского эпоса: Бокту-Кириша, Боралдая-Мергена, Танаа-Херела, Хунан-Кара. Поражает устойчивая общность в описании облика до мелочей. Много общих мест в изображении коня, скачек, борьбы, времени действия: врага за 90 гор забросил, за 90 рек закинул. 70 долин перейдете, 70 хребтов перевалите. «Из-под ног его камни летели с овцу величиной»

«Если блестело внизу, значит, зима на земле, если темнело внизу, значит, там лето стоит». «По дождю и по снегу в пути лето он отличал от зимы». «О худом говорили плача, о хорошем смеясь» (шорцы). «Из-под мышек дым валил, а из пальца пыхнул огонь» (ожочи). Может это осколки огромного эпоса – прамифа? Особенная близость с тувинским отличает эпос алтайских соседей: тубалар, челканцев, кумандинцев, шорцев, телеутов, теленгитов и тофаларов. Любопытно упоминание «урянхай» в эпосе долган (низовья Енисея) и зейско-алданских эвенков. Волшебное и сказочное проявляется по-разному. Герой превращается в шерсти овечьей клочок или валун, конь может проглотить пилу и унести смерть, старуха накрылась котлом и спаслась, из гусиного помета родился младенец, лягушка ведет за собой оленей в поводу, жена дает еду в дорогу на 9 лет (как в тувинском «Хунезине»). «Олень священный нюхал малыша и хворь ноздрей вытянул».

В тофаларском «Саян-Мергене» есть вечные люди – они ездят на зайцах и живут под землей, как гномы. Детали быта своеобразны. Ханты носят шапку из рыбьей кожи – стерляди. У долган у героя подушка из белых песцов и одеяло из рыжих лисиц! У ненцев герой прошел по большим снегам не ломая

наста. Юагиры подорожником лечат, а багульником окуривают. Телеуты в березовую зыбку укладывают и заячьей шкуркой укрывают дитя. У тувинцев – «за красной солью ушел», у энцев – «за морошкой ушли далеко» (о смерти).

У каждого эпоса свои ритм, обычаи, обряды, ритуалы, все это имеет национальный колорит. Заметно отличаются сказания тундровых и таежных народов. «Сын Лошади» долганский, лирический «Козика» о любви, чудесный «Эдек» – мечта о богатстве эвенков, поразительный юкагирский «Эделвей» – бесстрашный воин, возрождаемый шаманами, – в каждом свой аромат неповторимый.

Три века они собирались учеными и путешественниками Тан-Богоразом, Катановым, Ошаровым и еще десятками людей, а в XX веке записью фольклора занялись писатели самих малых народов: У. Адо, Л. Ненянг, А.Кривошапкин. Многогранной была работа составителя и переводчика А. Преловского – донести до русского читателя красоту северного сияния народных сказаний.

А. Преловский помогает своими переводами лучше познать душу малочисленных народов Сибири, сберечь от забвения их эстетические ценности и делает это с большим чувством языка, вкуса, такта, интуиции, стараясь избежать тяжеловесности, словесного шлама. Мечтает издать 7-томную антологию сибирского фольклора, работает одержимо и увлеченно, как подвижник.

Поэтический стиль характерен двукратными повторами: «побелел в чистом небе месяц, посинело солнце за тучей» (шорцы). «Как месяц, удила светились мягко, как солнце, сбруя жесткая сверкала» (телеуты). «Напавших поражал, убежавших настигал» (орочи). «С руками сплетаются руки, с ногами толкаются ноги, с плечами встречаются плечи, с глазами глаза веселятся» (эвенки).

В образных иносказаниях передается красота мыслей и эмоций: «печень и сердце от испуга к горлу поднялись», «в тундре уже осень расположилась, быстро расцвел костер под рукою», «две березы выросли, обнявшись», «жажда бега стучится в подошвы, слова мои нанижи на мочки ушей»,

«сердце, заросшее волосом». «Месяц рыбачит и звездною сетью ловит».

В битве: кто кого рубил, косил, колол, кто кого дубасил, мял, тузил – глагольная форма передает экспрессию действия: снова схватка их ужесточилась – снова каждый друг друга сгибал, дать подножку врагу норовил, брал на грудь, от земли отрывал и толкал, и крутил, и бросал. И далее новые глаголы: боролись, топтались, изловчился и поднял, и вознес.

Много точных сравнений: «словно птица к дереву летел, словно белка по стволу взбежал». «Конь быстрее летящей стрелы и сказанного слова». «Пальцы девушки, как стая розовых чаек». «Как лодка без весла – женщина без мужчины». «Когда шаманил – чум приподнимался». «Как луна серебрилась вся, золотилась, как солнце вся» (женщина). «Лес шевелился, как шерсть». Реже встречаются загадки: что значит – в тайге кипит котелок? (муравейник); 10 человек несут 10 льдин (ногти). По образности похожи на тувинские. Много эпитетов – золотых, серебряных, белых и черных. «Склоны гор поросли травами из серебра, и золотые цветы высились в этой траве». «Долготеплые угли», «черноспинный соболю».

Интересно использован сибирский говор в словах: ободняло, шибко, осердился, укывище, имали, справа (одежда), обсказала, алчба, зорил людей, верованье, сварганит, однако, кормное. Много песен, благопожеланий: «пусть в вашем доме будет свет, пусть будет в нем тепло всегда, пусть не струится никогда глазная горькая вода, пусть будут вкусная еда и дым над чумом много лет!» (юкагирское). У эвенков свое: «пусть будет утэн твой наполнен детьми и пусть вечно удача в перекочевках, пусть корень огня не усохнет в твоём очаге, пусть пламя костра твоего прорастает сквозь время и все непогоды».

Эпос иногда удачно начинается строкой на родном языке: кей-кей, хов-хов...

Особо стоит сказать о композиции алтайского эпоса, иногда это роман в стихах – с главами: яд и стрела, любовь и смерть, все на одного, прозрение, беда, битва, поворот к счастью.

«Бодхон Харалдай» – сказание ононских хамнинган

было записано в 1904 году великим бурятским ученым Ц. Жамцарано, погибшим в 1938 году. Оно единственное явлено в прозе со стихотворными вставками – как дань памяти, где ни вставить, ни убрать ни строки. Уделив меньше внимания содержанию северного эпоса, нужно сказать – оно всегда о смысле жизни, продолжении рода, национальном характере, преклонении перед Природой, борьбе добра со злом. Каждое явление природы имеет живую душу – хозяев горы, реки, озера, тайги. Почитание Земли: нельзя тревожить духов гор, нельзя напрямую называть медведя, не годится бросать кости в ручей – удача уйдет. В сказаниях много увлекательного, неожиданного, наивного, мудрого. Мир непознанный вокруг лежит не только для ребенка. Сказители Сибири завещали потомкам: чтобы злое все укротить, чтобы доброе все продолжить, чтобы в слове мудрость сверкала, чтобы в сердце песни звучала, чтобы память жить помогала человеку в пути земном.

Без грима

Пространства Сибири рожают удивительные таланты. Таким дерзким и самобытным был В. М. Шукшин – актер, режиссер, писатель. Сибирский парень из села Сростки на Алтае прошел суровую школу жизни. В 1959 году появились в печати его первые рассказы. При жизни он издал всего четыре книги: «Сельские жители», «Там, вдали», «Земляки», «Характеры». Написал два романа. Снялся в 58 фильмах и поставил по своим киносценариям пять: «Живет такой парень», «Странные люди», «Ваш сын и брат», «Печки-лавочки», и лебединую песнь – «Калина красная». Герои рассказов и лент – люди необычные, странные, «чудики»: один любит поучать, другой, ветеринар, производит салют в честь пересадки человеческого сердца в Кейптауне, третий рассказывает, как стрелял в Гитлера и не попал, четвертый удивляется микробам под микроскопом... Это своеобразные очерки русских нравов в самой глубинке. Главная тема – трудность духовного роста: «Я не могу только на один желудок работать. Но чем успокоить душу?» Добрый, стихийный, естественный человек остро реагирует на зло: отрубил себе палец, заколотил тещу в нужнике...

Шукшина тревожили духовная неразвитость, глухота, автоматизм существования, стандартное мышление. Поведение его героев резко не совпадает с общепринятыми нормами. Поражает удивительная, острота и правда, жизни в его произведениях. Недаром критика после смерти писателя заговорила о шукшинском реализме, а кинорежиссер С. Герасимов сказал: «Мы живем в эпоху Шукшина».

«Играл без грима и писал без грима», – это высказывание С. Залыгина отражает нравственную программу Шукшина и открытые им новые возможности изображения человека через эстетику повседневности.

Шукшин пропел славу матери: «Я у нее учился писать рассказы». Он принес в искусство цельнее и чистое деревенское мироощущение, народную нравственность и обнаженную совесть: «самая потребность взяться за перо лежит, думается, в душе растревоженной». Замечательно его искусство рассказа: лаконизм, яркий диалог, светлый юмор. Ни в чем он не терпел красоты, манерности. Для него главное – разговор о жизни, о душе. Герои Шукшина делятся на духовных и бездуховных. Он воссоздает саму жизнь, при этом доверяет; читателю, оставляет возможность домыслить.

Критика не сразу поняла и приняла его, упрекала в жизнеподобии, узости, социальной слепоте. Но Шукшин, напротив, отчетливо видел в деревне острейшие конфликты. И знал деревню – «всю жизнь мою несущую в душе, люблю ее, живу ею, она придает мне силы, когда случается трудно и горько».

Не нравственное превосходство деревни над городом, как подчас упрощенно понимают, показал Шукшин в книгах и фильмах, а состояние промежуточного, маргинального, человека. А таковых многие миллионы – вчерашние крестьяне, ставшие горожанами в первом поколении, «одна нога на берегу, другая в лодке – и не плыть нельзя, и страшно»... Шукшин не принимал мещанства, тупости, формализма, равнодушия, бездуховности, демагогии, хамства. Резко относился к псевдоинтеллигентности, полукультуре: «нет зазнавители человека, чем свой, деревенский, который выучился в городе и опять приехал, ведь она же идет, она же никого не видит». У

Шукшина было единство взглядов и образа жизни. Поднявшись до высот мировой культуры, он сохранил скромность, застенчивость. Его герои показаны в потоке жизни, они мечутся, думают, жаждут праздника души. «А я не знаю, для чего я работаю. Неужели только нажраться? А дальше что?» Он думал о смысле жизни и о смерти, к которой относился по-мужички спокойно, трезво, хоть и с болью. Какую цену платим за жизненные удобства? Не идет ли на это неприкосновенный запас души? И почему нынче обиды человеческие?.. Мечтал сыграть Степана Разина, поставить фильм по своему роману «Я пришел дать вам волю». Но чиновники Госкино не дали такой возможности.

Много споров было о «Калине красной», о судьбе Егора Прокудина, но победила правда жизни, хотя были требования снять фильм с экранов как вредный для молодежи.

В последние годы талант Шукшина развивался в сторону сатиры: «До третьих петухов», «Энергичные люди», «Точка зрения» направлены против бюрократизма, демагогии. Все сильнее тянуло его на родину, в родные места, думал расстаться с кино и полностью отдаться литературе. Продолжил Шукшин школу русской классики, его любимым писателем был Достоевский. «Нам бы немножко добрее быть. Мы один раз, уж так случилось, живем на земле. Ну так и будьте повнимательнее друг к другу, подороже».

В музее в Сростках у горы Пикет острее ощущается смысл творчества и личность Василия Шукшина. На многих языках изданы его книги. Прочитав и прочувствовав Шукшина, понимаешь, что искусство есть исследование жизни и воспитание высокого нравственного идеала.

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Наказы из глубины веков

15 лет ученые-филологи ждали выхода в свет тома «Мифы, легенды, предания тувинцев» (Новосибирск, Наука», 365 стр.) на двух языках.

За это время произошли изменения в обществе, ушли из жизни два автора – Доржу Куулар, есть статья о нем, и якут Николай Алексеев.

Д.С. Куулар готовился к защите докторской диссертации в Улан-Удэ. Но эта тема всегда оставалась в его поле зрения. Он вместе с А. Калзаном приобщил меня к миру легенд. От них я услышала сюжеты о всемирном, потопе и железном плоте, о старухе на Луне, об огромном котле в горах. Сама вспомнила рассказы своей бабушки о боходое (четкер), который мог внезапно остановить лошадь взглядом. Переводя тувинские сказки, встречала разных злых духов: мангыс, шулбус, аза, албыс.

Доржу Сенгилович с улыбкой говорил мне о происхождении Кууларов от лебедя. А буряты прародителем считали Буха-нойона. Мы ходили пешком за сказками в Баруме и Каа-Хеме по наледям и лесной тропой, и, чтобы «скоротать путь», он рассказывал мне, как конь обманул верблюда.

Так я входила в мир тувинских легенд и образов, а потом следила за сборниками А. Арапчора и З. Самдан «Почему чилбыга проглотила Луну». Большой труд ученых вложен в этот том. Дана история записей, классификация по жанрам, поиск

терминов, анализ текстов, а главное – сбор ста названий и научных комментариев Зои Самдан и других авторов. Это духовная сокровищница исторической памяти народа, которая погружает в мир традиций, древних представлений о природе.

С восхищением рассказывают о великих шаманах, борцах, силачах, кузнецах, певцах. Женщина-богатырь победила хвастуна и увела его коня со сбруей. Много легенд о герое Амыр-Санаа, который появляется в трудную минуту на помощь народу.

Есть комические легенды: мужчина и женщина, Ашак-Тура и Кадай-Тура, жили в одной долине, видели следы друг друга, но так до старости не встретились, хотя думали друг о друге (по лени, по скромности?).

Богатство этой книги обращено не только к ученым, но и к молодым – поможет лучше узнать свои корни, «чувства ушедших людей».

В свое время Ч. Айтматов прославился Рогатой Матерью-оленихой, манкуртом, не помнящим родства. Красивые легенды о Севере оставил Ю. Рытхэу. Из тувинских писателей часто пользуются фольклорными образами С. Сарыг-оол, М. Кенин-Лопсан, украшая свои книги. Легенду об игиле преобразил поэтически А. Даржай. К сожалению, многие записи – часто только конспект сюжета, видно, что сделаны они недавно.

Белые пятна словаря

С интересом открыла увесистый том «Тува: словарь культуры» (826 страниц, издан в Москве в 2006 году). Много материала по страноведению: Китай, Индия, Монголия, Тибет, есть и о соседях – Алтай, Хакасия, тофы, шорцы, буряты. Полезные знания по религии – о буддизме, шаманах, есть справка о районах, поселках, даже маленьких.

Удобное для справки алфавитное расположение. Много литературных и фольклорных текстов. Есть интересные этнографические детали, например, о тувинской кухне: лопатку есть одному нельзя, в хан не наливают молока – уйдет счастье – нельзя смешивать красное с белым. Отдельные интересные

факты: оказывается, Кропоткин бывал в Туве. Или о переселении 150 американских староверов. Много имен: Адрианов, Анохин, Грумм-Гржимайло, Кон, Потанин, и современных ученых.

И здесь начинаются белые пятна – лакуны. Есть Кызласовы – отец и сын, но о Н. Катанове – авторе множества трудов по Туве – только четыре строки. Хорошо представлены С. Вайнштейн, М. Дэвлет, но упущен археолог А. Грач, который за 25 лет раскопал много курганов и оставил две большие монографии о Туве. Забыт Л. Потапов – видный тюрколог, у которого учились многие историки. Как могли забыть?

Полно представлены сказители (заслуга С. Орус-оол) и горловики (З. Кыргыс). Хуже с тувинской литературой – нет краткого резюме в портретах о творчестве писателей. Н. Куулар – тонкий лирический поэт – представлен только как переводчик Библии. С. Козлова, без переводов которой плохо бы знали тувинскую поэзию, значится как супруга А. Емельянова. И наоборот. Нет Л. Чадамба – первого детского писателя и деятеля культуры, как и ведущего тувинского поэта-новатора Ю. Кюнзегеша. Зато отмечены захавшие единожды в Туву.

Удивительно, что обошли вниманием такие значимые персоны, как А. Шатин, В. Демин, Р. Кенденбиль, И. Салчак, В. Донгак – каждый из них лидер в своем виде искусства. Грустно, что перепутаны фотографии профессора Ш. Сата, других. В Туве стало много ученых. Всех, безусловно, представить невозможно, но по разделам науки ведущих ученых назвать можно было бы в общем обзоре.

Забавная вещь произошла с рыбами, птицами, насекомыми. Эндемиков только в Красной книге сотни, есть диссертации с описанием жуков, растений. В статье «Насекомые» выделен только комар – пять строк (зачем?).

Есть статья о погребениях, но нет о свадьбе.

Такие словари готовятся годами. Быстрота, оперативность издания повлияла на доскональную проверку, накопление материалов. Собрали то, что нашли. Нужен более тщательный отбор материала, соразмерность во всем. Некоторые статьи преувеличены в объеме, слишком подробны,

другие – сухие: схематичны. Излишнее внимание к менее значимым фактам, мало материалов о спорте, нет Е. Достай, например; пропущены такие лица, как Кочетов, Щетинкин, Кравченко, Унгерн, Ширшин.

Тут и нападки на Советскую власть и литературу, а все выросли при ней. Надо искать не только минусы, но и здоровое зерно в прошлом. Зачем подчеркивать, что дирижер В. Тока – сын коммунистического лидера? Спорно высказывание московского поэта: «Литература не смогла избавиться от духа самодетельности и провинциальности, за исключением С. Пюрбю, имеющего общекультурное значение». Получается, даже классик С. Сарыг-оол принижен. Не повезло Ю. Аранчыну с оценкой. Много страниц о «часовенных» и Сталине, например. И несколько случайных строк о тувинских персонах. Очень жаль. Опечатки в именах и фамилиях, есть повторы.

Конечно, нужно отдать должное С. Маркусу за смелость – новый жанр осваивает – и журналистскую хватку. Например, рассказывает об алкоголизме, наркотиках, сифилисе, туберкулезе – болячках общества.

Такие книги делают целые академические институты, и тут не обида провинциалов, а насущная необходимость научных контактов. Или хотя бы нужна твердая рука редактора. Книга, видимо, рассчитана на читателей за Саянами. Как говорится, «поезд уже ушел». Без этих «пятен» полезная книга бы только выиграла.

В республиках изданы «Историко-культурный атлас Бурятии», «Татарская энциклопедия». Давно настала пора издать тувинскую энциклопедию. Этот словарь будет хорошим подспорьем – как начало новой работы.

Все тайны истории тувинского народа

В Москве издана антология «Урянхай. Тувинские тетради» (составитель – Сергей Шойгу): два тома, тираж – три тысячи экземпляров. Книга посвящена «моей малой Родине и ее людям». До каждой школы и библиотеки составитель донес недоступные ранее простым читателям исторические труды ученых – русских, иностранных: Рашид-ад-Дина, Радлова,

Клеменца, Потанина, Грум-Гржимайло, Катанова и других. В следующих томах планируются и извлечения из монографий Адрианова, Родевича, Каррутерса, Кона.

Мне самой пришлось добывать знания о древней Туве через многие запросы в библиотеки Москвы, Питера, Казани, Улан-Удэ в 60-е годы, а теперь, благодаря антологии, это стало доступно, как «на блюдечке». Антология, думается, может породить множество новых научных исследований. Как сказал мастер спорта Ондар Оргээлер: бери и черпай!

Н. Катанов в своем замечательном исследовании назвал число урянхайцев – 45 тысяч в конце XIX века. Рассказал о похоронах, ламах, духах-покровителях, записал множество преданий и песен.

В. Радлов (1837–1918) был в Бай-Тайге в июле 1861 года. С дотошностью ученого описал подробно, детально, эмоционально одежду, юрту, пищу тувинцев, записал четыре песни, две сказки. Даже нашел заклинателя дождя.

Г.Н. Потанин (1835–1920) был в Туве в 1876 году, пишет о родах, свадьбах и похоронах, устройстве бубна, гадании на лопатке, камлании шаманки Найдан, о семейном быте, приводит названия звезд, месяцев, пальцев. Он записал сказки и легенды о медведе, луне, радуге, потопе, парне-сироте Оскюс-ооле. Рассказал о запретах: грешке бить ПГ» голове лошадь, рубить дерево в листьях, убивать орла, лебедя, журавля. Эти поверья и запреты составляют нравственный кодекс народа. Многие из них известны и сегодня. Только молодежь почти ничего не знает, отсюда убожество в бытовой культуре. Не видела, чтобы московские студенты-тувинцы плевались или садились с ногами на скамейку...

Г.Е. Грум-Гржимайло (1860–1936) в «Западной Монголии и Урянхайском крае» дает портрет урянхайцев: лица выразительные, подвижные; легки на подъем, быстры в работе; отмечает высокий рост представителей родов Сат и Маады, описывает места расселения родов Ондар, Ховалыг, Тюлюш, Донгак. Подробно – устройство юрты, одежду мужскую и женскую, виды украшений; много о тоджинцах и охоте.

Ученый ссылается на Каррутерса, который отмечает

меланхолический темперамент народной души. Урянхи – политически пассивная народность Азии. Отмечает слабую эмоциональную возбудимость, малую склонность к действию. Однако в них большая доля жизнерадостности, энергии и инициативы. Расовая меланхолия заметна в песнях: «Много у нас в крае богатства, и река у нас богата. А мы остаемся бедными, и богатых среди нас нет... Зачем мне другие? Я один, и никто мне не нужен».

Многие ученые, в том числе Каррутерс (за что попал во «враги народа») писали о причинах вырождения при деспотизме власти – понижении народной энергии, даровитости, нравственных и умственных качеств, ухудшении здоровья, ослаблении работоспособности, ранней старости, повышении смертности, большой восприимчивости к болезням, хроническом недоедании, туберкулезе, сифилисе.

За советский период истории народ увеличился в пять раз. Сейчас коррупция и лихоимство приводят к дурным последствиям. «Чем столетие интересней для историков, тем для современников печальней», – говорил поэт.

Из «Памяти» Чивилихина – большие главы о Субуде: «за 50 лет военной службы он не потерпел ни одного поражения». Именно от этого писателя народ узнал о великом тувинце-полководце, притом он представлен не только как деятель, но и с точки зрения психологии.

Собраны редкие фото тувинцев XVIII—XIX веков. Вообще трудно пришлось редактору К. Аракчаа проследить за множеством огромных сносок, правильным написанием имен и т.п.

Может быть, студенты, учителя и школьники потянутся открыть для себя эти увесистые синие тома по 600 страниц и заглянут в тайны истории тувинского народа, собранные щедрой рукой вместе, разделят увлечение автора-составителя С.К. Шойгу, его гипотезы. Память – это духовное наследие народа. Не пожалейте души для полезной книги.

Как оживает история?

Любите ли вы свою родину?..

Несколько дней разглядывала огромный фотоальбом «Черно-белая Тува» – 234 страницы. (Издан в Москве). Сколько эмоций «проснулось»!

Я знаю Кызыл с 1945 года. Так радостно вспоминать старые дома, улицы, события. В пейзажах – суровые горы и разливы Енисея. Такой эмоциональный фон воспоминаний. Много представлено событий, хроники. И вдруг – дети на быке, среди взрослых: голозадые, веселые, испуганные, любопытные. Мальчик в европейском пальто с большими белыми пуговицами и шляпе. Из богатой семьи, и, наверное, судьба трагическая.

Меняются прически: от выбритых лбов и косичек до короткой стрижки потом. Фото 1903 года: Амбын-нойон без имени.

Более всех повезло Тодже, экспедиции и купцы заходили с той стороны. Впервые видим лица купцов Садовского, Скобеева, Охотниковых, Чащиных. Есть многочисленная семья потомков декабриста Мозгалева, мальчики в матросках. Это они, восемь, уйдут на фронт, и многие погибнут. Нет семьи Сафьяновых, без них история неполная.

Поражаешься отваге землепроходцев, молодых влечет загадочная Тува. Много фото Минцлова. Жаль, что не выделены авторством фото В.П. Ермолаева, которого хорошо знала. Взяты событийные кадры, а у него много портретов. Совсем молодой Тока с растрепанными волосами, улыбчивый Сарыг-оол с Хургулек.

Можно гадать о думах молодого Буян-Бадырты, сначала официально-отстраненный вид, потом смягчился или привык к съемке. Загадка в том, что люди еще не знают о своей судьбе. Кавалерист Мунзук женится на первой красавице, станет известным артистом, узнает мировую славу в кино. Веселый парень Кок-оол пока учит физкультуре, а станет народным любимцем – артистом. Красавица в белой беретке Саар будет любимой женой, вместе с генералом разделит гонения и выстоит.

Красивый кудрявый советник бурят Нацов-Шойжелов

скоро будет расстрелян, а пока полон сил и ума – марксист известный... Провожают бойцов-добровольцев на фронт. Смеются девушки – едут в новую жизнь. Маленькая девочка в беретке – дождется ли отца...

Тяжелы условия труда на захудалом кожзаводе, а сколько обработали шкур для полушубков, скатали валенок – тысячи, а еще лыжи производили. Первые грузовики на площади, самолеты, мотоциклы у староверов, велопробег. И уже не маленький обветренный чум, а квартира, где черная «тарелка» радио, лампа керосиновая, ложки на стене, как украшение, и хозяйка – швея.

И снова дети – хуураки. Как сложились их биографии?.. Или ученики 1928 года. Кто в ботинках, а кто босиком, особенно один задорный такой. Панораму старого Кызыла можно долго рассматривать – деревянный одноэтажный. Такой знакомый. Математик решает задачу, стоя на коленях – не вошло на доску все. Живые мгновения жизни.

Последний раздел – о научных экспедициях: ученые, палатки, раскопки, А. Грач и маленький всадник С. Шойгу. Он отдал дань уважения родителям, учителям, своей юности. Оттуда пошло его увлечение историей и географией. Малой родине, Туве, посвящены семитомный «Урянхай. Тыва дептер», экспедиция на Пор-Бажын и новые задумки земляка. Помогали автору-составителю научные работники музея и ТИГИ.

Читайте и смотрите!

О МОРАЛИ

Почему мы такие?

Была в гостях в девятиэтажке. Под лоджией лежит пьяная женщина, на встречу ведут под руки другую – безобразно пьяную с криками и матами. Вернулась домой, на лавочке рядом пьют два мужика одеколон или что-то другое из маленького флакона. Как можно побороть это зло-несчастье?

За последние 20 лет все сильнее разрушается нравственность. Чаще берем плохое и забываем хорошее. Не помню, чтобы раньше устраивали такие разгульные юбилеи, свадьбы и, тем более, похороны. В мире – финансовый кризис, а нас вроде он не коснулся. С размахом, широко гуляют по любому поводу с большим числом гостей и выпивки. Я не против праздников, без них жизнь скучна, но те, что я вижу, – удручают. Начинаются торжества с опозданием на три-четыре часа, проходят однообразно, сценарии скучные, очереди поздравляющих, как за колбасой в советское время. Встают в них часто не для того, чтобы от души пожелать хорошего, а чтобы не обидеть юбиляра, не попасть в его «черный список», да чтобы самому показаться. Это «выпендрей, показуха» – из тщеславия, гордыни, самовосхваления: «и я не хуже». Женщина хвалится: собрала сначала 200 человек – общественность, потом – друзей, затем – родню. Трижды праздновала. Ну что это за праздник, который устраивают в надежде получить звание, медаль или деньги на квартиру? Надо ли так унижаться?

Появились на этой почве профессиональные халявщики.

Как-то у ресторана слонялась часа два кучка в ожидании автобуса с кладбища. Приехали родные покойного с кладбища, пока руки мыли у крыльца, чужаки просочились за столы, молча жадно ели и торопливо пили, не зная толком за кого. А родне места не хватило.

Почему даже поминки не могут быть трезвыми и не для всех? Как было раньше: собрались жители соседних юрт, покурили трубку, поговорили, проводили в последний путь и разошлись. Без пьяных рыданий, без драк и объедаловки. Такая была традиция.

Свадьба бывает раз в жизни – здесь стараются все, родня дарит машину, квартиру, мебель. Иногда из последних сил, влезая в долги, но чтобы не хуже других. Полезно ли это молодой семье?

Государство, наконец-то, начало антиалкогольную кампанию. Но пока сами люди не осознают, что они катятся в пропасть, – проку будет мало. Или я ошибаюсь?

Приехали гости из-за Саян, заметили: много у вас пьяных, а у нас уже тренд появился – трезвые поминки, скромные юбилеи, даже ламы советуют так. И днем мало праздно болтающихся без дела, сами люди прагматично настроились без указки сверху.

Вот о китайцах у нас сейчас принято говорить или плохо, или ничего. А китайцы – великие труженики, не пьют, поэтому и долгожители. Перед Олимпиадой научились не плевать и не сорить на улицах. Научили просто – ввели большие штрафы за плевки. А китаец живет бережливо, экономно, поэтому быстро перевоспитался. Может некому у нас штрафами воспитывать? Запретили пиво из бутылок пить на улице, но я не слышала и не видела, чтобы полиция это пресекала. А кому, мне, старушке, этим заниматься?

Такие грустные мысли, одни вопросы, уж, простите за них. Не от зла они. Людей жалко. И больно, что им самим и так комфортно. Когда же мы себя начнем уважать

Не забывайте первых учителей

Более полувека тувинские писатели развивались под влиянием русской культуры. Учились в России, были в кино, театре, музеях, слушали радио и, конечно, читали Пушкина, Толстого, Горького. Салчак Тока говорил о влиянии Горького на книгу «Слово арата».

Автобиографический жанр помог ему выстроить композицию книги. Степану Сарыг-оолу был близок Некрасов, Исаковский своим вниманием к народу, крестьянству. Виктор Кок-оол видел «Грозу» Островского и свою тувинскую канву «Хайыранбота» строил в унисон. Монгуш Кенин-Лопсан впитал русскую классику на берегах Невы. Кызыл-Эник Кудажы писал роман-эпопею «Улуг-Хем неугомонный», помня шолоховские традиции. Юрий Кюнзегеш хорошо знал русскую поэзию и постоянно проводил эксперименты в тувинской. И все много переводили русскую классику на родной язык в 60–70-е годы.

Добрый след сотворчества оставили русские специалисты в годы войны: Миронович, Шатин, Израйлевич, Демин, Исполнев, Аксенов в разных культурных действиях. А еще первые русские учителя, да и межнациональные браки, дружеское окружение. Русских поэтов С. Щипачева, С. Гудзенко вводили в контекст своих связей, переводили. И первые слова одобрения слышали от русских писателей. Теперь молодые исследователи могут искать следы взаимодействия. Конечно, тувинская литература развивалась в рамках соцреализма, были идеологические шоры. С. Сюрюн-оола ругали за очернительство в бытовых повестях. К. Кудажы – за описание скотокрадов как удалых храбрецов. Даже С. Сарыг-оолу «досталось» за натурализм в изображении смерти матери.

Прекрасно был образован С. Пюрбю, и его перевод «Евгения Онегина» на тувинский язык равен творческому подвигу. Даже С. Тока переводил стихи Пушкина в дни юбилея 1937 года как социальный заказ.

Мало изучена роль перевода русской классики на формирование тувинского литературного языка, а полка книг богатая. Русская классика вдохновляла, творчески возбуждала, питала своими соками младописьменную тувинскую. И этим

опытом не стоит пренебрегать и предавать его забвению.

За 20 лет демократизации литературные вкусы изменились кардинально. Исчезает дух русской классики. Повернулись лицом к Востоку, ищем азиатские традиции. Переводим китайских, японских писателей. Расширяется влияние мировой литературы. Это впечатляет. У нас ведь или поклоняемся, или отвергаем, хулим – золотой середины нет. Не надо забывать первых учителей. Во благо литературы.

Что в имени твоём?

Читала список присяжных заседателей – 4650 человек, на 30 страницах. Поискала знакомые фамилии, вдруг поняла – это поле для исследований, ибо в этом списке дееспособная часть населения всех районов республики.

Что же происходит с именами?

В 1965 году вышел в свет «Справочник личных имен народов РФ». О тувинских именах писала известный языковед З.Б. Чадамба: «Имена у тувинцев более употребительны, чем фамилии. Личность известна скорее по имени, чем по фамилии. До 1947 года старые родоплеменные названия служили фамилиями: Донгак, Иргит, Куулар, Кужугет, Кыргыс, Ондар, Ооржак, Оюн, Хертек, Ховалыг, Хомушку, Чоо-ду». Типичные женские имена: Байлак, Долума, Оюмаа, Бичен, Кара-кыс, Салбакай, Серенмаа, Чечекей, Эремаа, Хорлуу. Спустя 40 лет и эти имена изменились, чаще стали называть такими именами, как Аяна, Айдысмаа, Айсуу, Азияна, Айлана, Долаана, Чойгана, Саяна, Урана, Сайлык, Сайзана, Снежана, Тайгана.

Родители, нарекая своих детей, берут красивые имена или придумывают их сами: Алимаа, Анита, Алгана, Амира, Айдана, Айлуна, Алдынай, Таяна. Появилось в последнее время и много модных имен: Лаура, Рада, Анжела, Марита, Эльза, Эльвира, Алиса, Руслана, Жанна, Элла, Эмилия, Кристина, Лада. А еще появились имена заимствованные: Фатима, Айгуль, Сауле, Сурей, Сайда, Сильва, Франческа, Раджана, Зульфия, Газель, Аэлита и, конечно, имена красавиц: Диана, Юнона, Венера, Эллана, Эллада. Самое интересное то, что фантазия народа богата и даже бывает вычурной и странной: Ласта, Лона,

Асунда, Радиона, Иранда, Артиса, Санира, Арайа и даже Химикма и Альцес. Встречаются и странные отчества: Колхозовна, Комендантовна, Хураловна, Солдатовна. Несоответствие явное – нет благозвучия.

В мужских именах меньше разнообразия. Обычные – Балчий, Дамдын, Допдуй, Кенден, Комбу, Лопсан, Сандек, Серен, Херел, Чамыян – изменились на новые: Артыш, Айдыс, Сылдыс, Маадыр, Кан-оол, Улар-оол, Дан-Хая, Менги, Салгал, Шораан, Начын, Тамир, Тумен, Алдар, Хуреш, Хурал. Берут и новые заимствованные имена: Айвар, Радомир, Альберт, Артур, Роберт, Роман, Аркадий, Ахмет, Радик, Герман, Сюмбай, Салават, Радж, Оскар, Хасан, Лев, Викентий, Самсон, а еще Сырдар, Саркат, Алевтин, Марианн, Эмиль, Радий, Эльтона, Милен, Сутербей, Агат, Жюльен. Встречаются старые имена: Европ, Октябрь, Декабрь, Копеек, Маркс. Выбирая имена, родители забывают о созвучии с отчеством, чтобы дети не стеснялись труднопроизносимого имени. Зато Юлиан Юрьевич звучит музыкально. Часто имена просто сокращают: Рита или просто Маруся (Мария).

Имя дается на всю жизнь, и выбирать его надо осторожно, вдумчиво. Старые люди говорят, что оно влияет на характер и судьбу человека.

Что такое – хорошо...

Появилась, наконец, статья В.В. Путина о национальном вопросе – таком остром сегодня. И вот некоторые мысли. В России живут две сотни разных народов и наций. И каждый народ имеет свои патриотизм, национальное самопознание. Всякому свое мило. Свои подмышки не пахнут, пахнут чужие – говорится в пословице. Ученые пишут: русские люди – открытые, с широкой душой, искренние, терпеливые, порывистые. Урянхи – тихие, скромные, неторопливые, выносливые, немногословные, родственные. Буряты – сдержанные, степенные, осторожные, воплощение здравого смысла, миролюбия. Теперь многое изменилось.

Как жили в советский период? Тува строилась, прибывали специалисты: учителя, врачи, другие. Возвели

комбинаты в Ак-Довураке, Хову-Аксы, новый Шагонар люди разных национальностей. 15 городов послали в Кызыл строителей, и многое было сделано. Армянские бригады с 60-х годов строили клубы, школы. Даже в глубинке появились «армянские» дети. Каждый шестой брак был интернациональным. Русские жены приехали после совместной учебы за Саянами -была даже мода. Считается, что смешение кровей дает талантливых детей. Вспомним Н. Красную, Н. Рушеву, С. Шойгу.

Тесное межнациональное общение помогало росту тувинской культуры: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» (М. Бахтин). Успешно проходили тувинские декады в 1964, 1974, 1984 годах. Шло взаимное обогащение. Для национально ограниченного человека существует только свое, но любовь к своему народу неотделима от способности человека уважать другой народ, иной менталитет.

Русский народ - ядро государства (111 млн. человек). Великая миссия русских — объединять, скреплять языком, культурой, «всемирной отзывчивостью» (Достоевский), общими нравственными ценностями. В народе и школах ослаб русский язык, люди не могут объяснить простые вещи. На трибунах чиновники говорят так, что неловко становится.

Родители игнорируют необходимость обучать детей русскому языку, чтобы получить образование в других городах. Не очень хорошо, что студенческие землячества замкнуты для широкого общения с русской культурой, искусством. Все годы учебы общаются только с земляками. Неудивительно, что в итоге из них получаются «троечные» специалисты. Чем больше друзей различных национальностей, тем больше знаешь и можешь, быстрее развиваешься. Я уже полвека переписываюсь с подругами студенческих лет.

Заметен интернационализм наших спортсменов, лучше у них с общением и за Саянами. Гордимся успехами борцов и горловиков — объездили весь мир. Появились наши за границей в разных странах. Многие осели в Москве — высококлассные специалисты. И это хорошо. Большинство из них все равно

вернется на родину. Вирус национализма обострился в годы перестройки: агрессия, грубость, нетерпимость, раздражительность, клановость. Порушились этические нормы. Горько было узнавать, как вели себя наши «дембеля» в поезде или как устроили разбой в Новый год в общежитии за Саянами. Упала роль семьи – родители или много работают, или пьют. Нет гастролей русских театров, артистов. Нехорошо на концертах забывать о русской публике.

Молодежи надо разъяснять, что такое – хорошо и что такое – плохо. Высоко держать честь своего народа – значит не давать повода для стыда за его отдельных представителей. Мы веками жили вместе. Межнациональное согласие, особенно в быту, необходимо всем. Прав В.В. Путин.

Путешествие на Алтай

Наш маршрут: Абакан – Томск – Новосибирск – Барнаул – Бийск – Горно-Алтайск – Телецкое озеро.

Новые люди, города, встречи. Пять тысяч километров. Купались в озерах Шира, Иткуль, Ая. Увидели множество рек и речушек: Чулым, Кия, Яя, Иня, Бия. Западная Сибирь в золоте спелых полей, разнотравье, множество валков сена, высокий травостой. Красивые палисадники в цветах мальвы и «золотых шарах». Почти нет заброшенных домов с пустыми глазницами. Главная дорога в хорошем состоянии, множество отдыхающих на машинах. Вдоль дороги уютные кафе.

В день затмения, 1 августа, остановилось движение, все наблюдали за темнеющим ликом Солнца в специальных очках. Серый мрак накрывал постепенно и неприятно. Природа напоминала о своем величии и власти. И снова – просторные долины, широкий размах равнин, березовые рощи, приволье. Дорога настраивает на романтику, хочется петь.

В дороге главное – встречи с людьми. Вот бородач с гитарой движется автостопом во Владивосток, с собой только рулон-рюкзак, чтобы спать, где придется.

Лариса из Кызыла стала связистом в деревне, у нее свой дом с огородом, цветами, живностью. Муж – электрик на железной дороге, дочь Алена. В доме уют, достаток, хотя

первые семь лет были без работы и жилья. Не боялся трудностей.

Елена тоже родом из Тувы – врач-уролог. Три года жила с мужем в конторе, сейчас есть свой красивый дом с камином, газоном и цветником.

Костя окончил школу в Кызыле. 32 года, кандидат медицинских наук, к нему стремятся попасть на прием. Жена – медсестра, добрая хозяйка. Родилась дочка Кира. Приятно видеть взаимопонимание, согласие в молодой семье. Сам доктор деятелен, целеустремлен.

Город и деревня детства

В Барнауле – зеленом, уютном – искала следы своего отца Андрея Алексеевича. В годы войны он собирал хлеб для фронта на Алтае. Жили на улице Б. Олонская в коммунальном доме, ночами стояли в очередях за хлебом. Там умерли от недоедания и болезни две малые сестрички, которых не хватало всю жизнь. Помню берег Оби и бревна, с которых собирали серу, – всегда хотелось есть.

Барнаул современный ничем не похож на город военных лет, только в старом городе, теперь зеленом пригороде, смутно вспоминается прежняя жизнь. Город красив новыми формами, даже пол универмага устроен как сказочный аквариум с крупными ярко-красными и золотыми рыбками.

Есть куда пойти молодежи. Меня удивила дизайн-выставка люстр без аляповатой позолоты и китайской вычурности – изысканный модерн.

И снова по следам отца. Теперь в село Кытманово, куда мы переехали семьей в 1942 году. Жили на улице Тарабинской в доме с русской печкой, полатями, лавкой. Спасал огород и корова. Пекли лепешки из свеклы и лебеды с горсткой отрубей – этот хлеб помню всю жизнь. А еще жмых и ягоды паслен. Писали чернилами из сажи в бухгалтерских книгах между строк или в газете. Разбирали на уроке винтовку Мосина, ставили флажки победы на карте, знали наизусть командующих фронтами, собирали посылки на фронт – шили кисеты, рукавицы. А отец наш ездил по деревням и собирал хлеб для фронта. Теперь Кытманово большое село. В центре три фигуры

– скульптуры солдат, в ином городе таких нет.

Живут в достатке, много машин, детей. Разыскала с помощью милиции ветерана Скрылева, ему 85 лет. На мое удивление сразу без ошибки назвал фамилию отца – Изынеев: «Я пришел с фронта, и меня назначили директором школы – 40 лет проработал в этой должности. Часто встречались по работе с твоим отцом».

Рассказывает о себе: был на Центральном фронте, раненый вернулся домой, выросли дети. Жена болеет. Сам Петр Романович крепок в руках, силен памятью, живо и сердечно откликается на мои воспоминания. Я слушаю и ощущаю, будто встретила отца, ему исполнилось бы 100 лет. Восемь лет он проработал в Туве в уполминзаге – получил медаль «За победу в Великой Отечественной войне» и благодарность Сталина.

На родине Шукшина

Дети помогли осуществить мою мечту – увидеть деревню детства. Теперь – в Горный Алтай, отдыхать. Дорога снова «кидается» под колеса машины – впереди Бийск, остановка в Сростках – на родине Шукшина. Спутники мои поднялись на склон горы Пикет, накануне там прошли Шукшинские чтения, на которые собрались более 20 тысяч человек.

Василий Макарович, сидя на земле, озирает родные места, которые прославил. Деревня приосанилась, похорошела (видела 20 лет назад), много туристов. Я сижу внизу среди полевых цветов и думаю о великой силе слова. Вспоминаю, как муж читал детям рассказы Шукшина. Поклонилась красивой часовне-арке на месте гибели Михаила Евдокимова.

Чуйский тракт не менее красив, чем Усинский. Обилие туристов – бренд Алтая «раскручен» хорошо. Всюду торгуют горным медом, бальзамом. Нигде не видела пластиковых бутылок, окурков, пакетов. Просто мусор собирают в пакеты и выставляют на дорогу – утром машина вывезет. Оказывается, жители степных областей мечтают о горах, смене однообразия. Одна лужайка – в палатках рокеров, туристов, она полна мусора. Но на обратном пути – чиста. Много лозунгов к водителям: «Спокойствие дороже глупых секунд», «Тебя ждут дома».

Горно-Алтайск красив зеленым царством гор. На центральной площади огромный телеэкран: погода, пейзажи, туристические маршруты и т.д. Забота о туристе сразу заметна. При въезде в столицу портреты героев войны, поэтов, ученых – гости сразу погружаются в страницы истории алтайцев.

Встретилась с известным алтайским ученым – доктором наук З.С. Казагачевой.

Именем ее мужа назван научный институт. Другая знакомая живет на улице имени ее мужа Эркелина. Дом утопает в цветах. Обычная хрущевка, у каждого подъезда своя клумба, только с разным сочетанием красного, желтого, белого. А у нас подруга из известного дома на берегу Енисея посадила цветы, носит воду с пятого этажа, но цветы рвут или топчут молодые, хотя двор закрыт и мог бы весь утопать в цветах.

...Зоя Сергеевна извинилась: у меня литовские дамы-ученые. Обменялись новостями, вспомнили ушедших поэтов Укачина, Адарова, Палкина, Чичинова. З. Казагачева плотно сидит за рабочим столом в свои почти 80 лет: «берегу каждую секунду, много еще надо осуществить – никуда не хожу попусту», – устыдила меня внутренней высокой самодисциплиной. Маленькая, в белом берете – увидимся ли еще. Знакомы с Еревана 1968 года. Она подсказала маршруты.

Красивый туризм

Долго искали озеро Ая, оно было рядом, а мы по горам крутились. Оказывается, указатель был мал и незаметен. Следом за нами человек десять искали тоже. Место, похожее на нашу протоку, но оформлено прекрасно, люди чувствуют себя как на южном берегу Крыма: кресла-качалки, дельтаплан, «банан»... Вход на пляж – 100 рублей. А в Шира и на Иткуле озера загорожены – все платное.

Двинулись на Телецкое озеро (Алтын-Коль) – длинное, глубокое, холодное, в теснине скал и водопадов. Остановились в алтайской деревянной юрте на берегу. Развит семейный туризм – внимание, безопасность. Никто ничего не тронет – ни дети, ни взрослые. Дрова для камина, катамаран, свой катер, проводники, баня.

Все озеро окружено турбазами и семейными приютами.

Иогач и Артыбаш – деревни, где столовые, сувениры, лошади, конно-пешие маршруты, катера.

Запомнилась встреча с алтайцем В. Унчаковым. Прошел Афган. Зимой живет охотой, летом возит на катере туристов, а еще из дерева вырезает большие фигуры медведей, но главное – строит церкви здесь, в Сочи, на Домбае, в Питере, Нижнем Новгороде. Несколько лет назад бригаду позвали в Антарктиду поставить церковь. Собрали ее на месте (из кедра) и два месяца жили на полюсе. Показал фото моряков и конечно – айсбергов, пингвинов, моржей.

Спутники мои восхищались водопадом Корбу, легендами о затонувших всадниках-воинах. Квартира, номер стоят 400–500 рублей. Сезон всего один месяц, но семья зарабатывает до 300–400 тысяч рублей. Продается вода из артезианской скважины в больших бутылках. Среди сувениров – медведи всех размеров из дерева, меха. Не можешь спуститься со склона – сразу вырубili ступеньки в дерне. В домике у озера Ая красивое спальное белье, веранда, цветы. Рядом – богатый хозяин, огромный газон и площадка для вертолета.

Туристы разных возрастов, на лошадях, на катерах, пешком по берегу, плещутся дети...

Дорога домой

Перед глазами – Томск с зеленой прохладой и красотой сибирской старины. Берегут старую часть города как память прошлого. Новосибирск огромен, видела только региональный рынок, где бывают и из Тувы. Удивлялась названиям магазинов: «Страна», «Империя», «Территория» меха, мебели и т.д. Видела супермаркеты «Алпи» и «Мария Ра» – множество товаров и обилие покупателей, потоки которых направляются сначала за дорогим, а на выходе – за необходимым, ежедневным. В Абакане у магазина «Палалар» – десяток фонтанов.

Обидно, что даже в соседнем городе чистота, обилие цветов, кашпо с цветами на столбах, а у нас грязь, окурки, плевки, пакеты, бутылки, выбитые до каменного состояния дворы без зелени, отсутствие скамеек, грубовато-криминальная речь. Только музей и площадь нынче радуют кызылчан. Природа наша богаче, а туризм – о нем только говорят. Между

тем Байкал принимает 300 тысяч – буряты хотят до миллиона. Ергаки – 80 тысяч. Туризм на Алтае развился за 10 лет. Видимо, через поколение народ остепенится и примется за чистоту, безопасность. Даже в советские времена уже было так. Дорога учит, заставляет сравнивать.

И снова родимый город, знакомый до слез. Здравствуй, Кызыл!

О сокровищах Тувы

На встрече с журналистами Шолбан Кара-оол объявил старт конкурса «9 драгоценностей». В связи с этим и пишу.

Тува в 60-е годы привлекала туристов в Тоджу, на Азас красотой гор и озер, рыбалкой, сбором ягод, лечебными источниками. В советские годы люди охотно приезжали со всех концов Союза в отпуск. Туристы сплавлялись по Балыктыг-Хему, Енисею; дельтапланеристы России летали над Боомом; художники Москвы, Питера, республик приезжали большими группами на пленэр. Потом выставляли пейзажи и портреты людей Тувы в других городах. На «Зарю» было трудно попасть из-за обилия туристов. Они же ставили палатки в районе аэропорта. Супруги Журавлевы – учителя-краеведы – описали маршруты по Туве. Теперь необходимы новые книги или переиздавать уже имеющиеся.

В молодые годы и я ходила по горам Кавказа и перевалам. Увидела южные леса, долмены-камни, услышала множество легенд. Похоже, сами экскурсоводы сочиняли красивые мифы. В Ереване видела храмы и озеро Севан, в Риге и Таллине слушала орган. Увидела впервые художников-модернистов, садовую городскую скульптуру. В Якутии мне подарили фигурку северного оленя из кости и украшения из чароита.

В сувенирном промысле Алтая задействованы целые семьи, на Телецком озере население занято в туризме-лошади, лодки, катера, проводники. На родине В. Шукшина – часовни, концерты, конференции, спортивные соревнования. У нас Овюр – родина многих писателей, его только раскрутить. В Сут-Холе к музыкально-буддийской «составной» добавить литературу, конкурсы стихов, сказок, продажу книг, встречи с писателями и

сказителями.

Раньше ездили по кольцу Кызыл – Абаза, изумительный по красоте маршрут. А у нас малый круг Кызыл – Балгазын – Сарыг-Сеп. В Ергаки надо установить щиты с приглашением в Туву с указанием озер, аржаанов, петроглифов, изваяний.

В 50–60-е годы я ездила со студентами в фольклорные экспедиции в Барун-Хемчик, Бай-Тайгу, Тере-Холь, Улуг-Хем, Каа-Хем, мы записывали услышанные от стариков сказки, мифы, песни. В каждом районе – свои легенды. Учителя могли бы собирать их и представить на конкурс «9 драгоценностей».

Многое зависит от администраций: там знают, какая семья может принять туристов, обеспечить безопасность гостей (вспомните безобразный случай в Тере-Холе). Нужно найти интересных людей, знающих обычаи, традиции; охотников, знающих тайгу.

Хорошо бы сделать сувенирное издание тувинских легенд на русском языке. Может быть, заново выпустить знаменитые тувинские марки 30-х, нужны значки, открытки о Мунзуке, Оскал-ооле. Сувениры, кроме дорогих камнерезных, могут быть из дерева. Нужна малая городская скульптура – олени, верблюды, сарлыки, девушка в национальной одежде, хурешисты, охотник.

На въезде в Кызыл можно устроить аллею портретов: Потаник, Грач, Мунзук, Вера Байлак, например. В парке восстановить экологическую тропу. И, конечно, поработать над темой Долины царей.

По плохим дорогам далеко не уедешь, здесь многое зависит от работы на местах. Каждый поселок может создать свои маршруты: конный, водный, охотничий, экологический, лечебный, познавательный. Необходимы специальное экскурсионное бюро, клуб туристов. Туристов зазывать и готовиться к их приему. Красота Тувы найдет поклонников.

Восходитель

Вышла в свет книга писателя-альпиниста Маады-оола Ховалыга "5 высочайших вершин материков". Книга начинается с Африки - восхождения на Килиманджаро.

Читаю, и вспоминается Хемингуэй, его «Снега Килиманджаро». Но если американец был здесь туристом, то по тому, что пишет Ховалыг, явственно понимаешь - он тоже житель гор. Хотя бы по тому, как он общается с духами и покровителями этих мест: будь милостив к нам, припрячь свои ветры, тучи свои разгони, дай нам возможность обозреть с твоих высот землю, разреши нам ступить на твою священную вершину. Первые тувинцы побывали на высшей точке черного континента, оставив там флаги Тувы, России, горсть тувинской земли и освятив ее звуками хоомея.

Главная вершина Южной Америки - аргентинская - Аконкагуа. Снова крутые скалы, глубокие снега, ледники, ветра и нехватка кислорода. Высота высасывает все жизненные соки, труден спуск. Хорошо нарисованы автором его спутники - Марианна и Мачук. В память ушедшего из жизни Мергена Кончука оставили на вершине его портрет - и он поднялся с ними. Названы многие спонсоры и главный - С.К. Шойгу. И снова удивление: как похожи местные люди на тувинцев.

На самую высокую гору Северной Америки - Мак-Кинли, что на Аляске, - идут 40-50 человек. Гребень - как острие ножа. Снежные вихри, белая мгла, не все вернулись, мучает неизвестность - где и что с ними. Жизни 110 альпинистов забрала эта гора смерти с начала попыток восхождений на нее. Все на грани человеческих возможностей - только через 28 часов спустились.

- Если человек идет за славой - никогда не победит. Альпинисты каждый раз знают, на что идут, - говорит М. Ховалыг. - Но когда дошел, весь состоишь из радости. Вся Америка под нами.

В 11 лет герой совершил свое первое восхождение на гору Кызыл-Тайга. Отслужил в армии, 20 лет работал горняком-экскаваторщиком, много раз поднимался на Монгун Тайгу. Читал Н. Тенцинга «Тигр снегов» и сам стал писателем. Дух предков позвал в Тибет, в Кайлас. Увлекательно написано об Эвересте - самом грандиозном 8848-метровом сотворении природы. Какие страсти, какой круговорот людей!

Автор побывал и на алмазном юбилее покорения

вершины мира — несколько тысяч альпинистов собрались тогда. Многие познакомились именно на вершинах. Названы десятки имён восходителей - сильных, выносливых, целеустремленных, как В. Шатаев, С Богомолов, Р. Месснер или Ф. Конюхов...

Книга М. Ховалыга увлекательна, полна романтики открытий, новых познаний о других землях и народах. Он сам особого склада человек - высокого духа, умеющий организовать, претворить свою мечту, стать человеком мира, умеет дружить.

КЫЗЫЛ И ВСЯ ЖИЗНЬ

Кызыл 1945 года. Песок, караганник, избушки без крыш и с травой наверху. Лошади в городе. Выделялись здания обкома и школы № 2.

Последней улицей была Авиация, на которой мы поселились после землянки на Кочетова. Рядом паслись коровы. Переправа на Енисее через паром, позже - понтонный мост, а еще паром был за парком на "Востоке". На реке всегда было много плотов, оттуда купались дети. Главный магазин - Большой в центре и каменный. Стояла пожарная каланча. В кино ходили в "Зимний", потом он стал Домом пионеров. Перед сеансом пела певица. Летом все шли в "Летний" кинозал.

В парке "стоял" Ленин, похожий на тувинца Намдара. В центре парка у фонтана была читальня, там были выставки художников. Позже смотрели кино в клубах типографии, потребсоюза, автотранспорта. Потом появились кинотеатры "Восток" и "Каа-Хем".

Вечером из парка слышен был духовой оркестр с танцплощадки, ее называли верандой, а когда возвращались по деревянному мосту, он равномерно качался. Каждую весну парк попадал в половодье, и мосты собирали заново. Была привычка ходить в парк семьей на пикник под черемухой. Иногда заходили в полукруглый зеленый ресторан. Летом были выставки цветов. Дачники появились позже, когда строились новые кварталы «хрущевки» и гора. В полдень слышны были

два гудка -кожзавода и ремзавода. В городе было всего 6 тысяч населения в 1945 году. В 50-е годы появились первые автобусы по городу.

Театр находился в филармонии, была хорошая труппа русских артистов при Стаховиче и Меркуловиче. Мы ходили на "Овода". В фойе танцевали на праздниках(даже Тока). Летом в "Зеленом" театре в парке шли смотры самодеятельности. Много озеленяли в 60-е годы. Сажали деревья вдоль протоки, по Интернациональной появились лиственницы, а еще трудились на стройке электростанции, на реалбазе лопатили зерно урожая. Научные сотрудники ТНИИЯЛИ украшали свое новое здание, ездили за город за дерном, кустарниками.

Художник В. Демин нарисовал панораму Кызыла с Енисеем для зала. Т. Левертовская прекрасно рисовала портреты. Ланзы удивлял историческими картинами. Любовались красотой и голосом Кара-кыс. С. Щипачев писал о Хургулек "над Кызылом неба чистота перед красотой ее бледнеет". Приезжал негритянский певец Тито Ромалио.

В 1947 году открыли новую школу № 3, тогда женскую. Там работали прекрасные учителя: Губанова, Сердобова, Пуговкин, Дятлова, Тешукова, Строкова, Прокопьева, Квитных, Мартынова, Носкова... Мы бежали в библиотеку Пушкина к Черниговцевой, Розенкранц, Давыдовой и Нечаевой, чтобы лучше написать сочинение. А еще там проходила встреча с поэтом-фронтовиком С. Гудзенко, который стал первым переводчиком. В школе обсуждали новые книги Ажаева, Семушкина, Фадеева, Павленко. Наша школа № 3 была до 1975 года, пока не появился "Аныяк", и новая история началась в другом новом здании на горе.

Помню большие похороны Кочетова, Пальмбаха, была трагедия - рухнули два самолета. В городе жили с трудной судьбой композитор Кайдам и актриса Л. Сысоева. Собирались в понедельник книгочеи - В. Тока, А. Аракча, В. Зильберман - за новыми книгами. В книжном магазине - очереди на подписные тома классиков: А. Емельянов, М. Кенин-Лопсан, Калугина. В Туве было много русских специалистов, приехавших со всей России по направлению: Сердобов, Гребнев, Бажутин,

Канунников, Журавлев... Издавна селились русские из соседних областей. Было много хоров и самодеятельности на предприятиях.

Зимой катались на Виланах, там были выходы каменного угля, а еще на Хербисе. Летом весь город выезжал на озеро Сватиково.

Постепенно из города землянок Кызыл приобретал культурный столичный вид. В 60-е годы он украсился рестораном "Улуг-Хем" с колоннами, книжным магазином "Друг", большой радостью было позже строительство муздрамтеатра в национальном стиле, фонтаном с фигурами животных. В 1966 году появились телевидение, оркестр, плавала "Заря" в Тоджу с туристами.

Замечательным примером дружбы народов стало большое строительство школ и других зданий строителями 15 областей. Библиотеке нового Шагонара дарили свои книги многие известные писатели страны (шефом был С. Баруздин). Приезжали художники со всего Союза на пленэр. Помню, как появились памятники героям войны (братья Деевы), в 1964 году к юбилею Тувы появился символ "Центр Азии" Демина - веселого остроумного человека. А до этого стоял маленький камень на берегу. На въезде в Кызыл встречала олениха с дитем.

Вдохновенно прошли декады культуры в Москве в 1974, 1984 годах - это был показ достижений, я этому очевидец. Пединститут стал университетом, появилось много новых специальностей

Помнится всё хорошее, доброе. Здесь прошло моё детство, родились дети, появились друзья на всю жизнь. И в сердце всегда высокое голубое небо Тувы, запах степи и, конечно, сине-фиолетовые горы Саян вдали. Расти процветай, родной город! Думаю, на юбилей потянутся многие бывшие кызылчане.

Хакасы в Туве

Издавна живут хакасы в Туве как ближние соседи и тюркские братья.

Помню врача Спирина, другую фронтовичку - В.И.

Спирину. Много дорог проехал шофер Покаяков. Кызылчане хорошо знают работника почты А. Кулумаеву, разносившую пенсии. Прекрасным учителем был С. Урояков в педучилище. Сейчас в ТГУ трудится А. Трояков на инженерном факультете. Долгие годы работала врач-инфекционист В. Таштандинова, почетный гражданин Кызыла. Известна семья долгожителей: Н. Кандыков - фронтовик, 90 лет, его сестра Агафья - 95 лет. Мать музыканта А. Кувезина - Ксения Карповна - работала в торговле. Древними разработками меди занимался Я. Сунчугашев. Десятки лет в горах Тувы искал полезные месторождения геолог К. Кильчичаков, а его жена Ольга обучала студентов английскому языку. Выросли двое сыновей.

Много лет проработали в школе № 2 Ф. Манзанова и Сагалаков. Первым директором школы № 3 была историк К.В. Табаева — мать поэта Галины Принцевой. С тувинской историей тесно связаны, вплетаются сестры Кангаровы: Агрипина - учитель школы №2 (Тагба) и три ее дочери - Кама, Женя, Галя (библиотекарь и врачи), сестра Варя была замужем за генералом Шома (трое детей), сестра Катя - аптекарь (Бузыкаева), ее дочь Люба - известный врач и внучка Катя Карелина - доктор искусствоведения. Генерал Артас тоже хакас. В музее работает Г. Бочегурова. Семья Сапоговых (Ф.Н. Тодышева - три дочери, одна, Лернер, живет в Канаде). Известна спортивная семья Тутатчиковых, вырастившая чемпионку по стрельбе из лука. К.Н. Бурнакова (Бичелдей) - доктор наук, две дочери. Отметил 80-летний юбилей Г.Ч. Ширшин, его супруга Лидия Кирилловна 50 лет работала в детской поликлинике г. Кызыла.

Хакасы внесли свой трудовой вклад в развитие Тувы, многие создали интернациональные семьи, способствуя межнациональному согласию. В советские годы приезжал театр, часто выступали певцы В. Чаптыков и К. Сунчугашева, ученые Л. Кызласов и С. Ултургашев, слушали сказителя С. Кадышева, поэта М. Кильчичакова, писателя Н. Доможакова. Сейчас 400 студентов учатся в Абакане, там живут пенсионеры из Тувы - целое землячество. Добрососедские отношения продолжаются 100 лет, а Енисей широкой голубой лентой обнимает нас - две

республики.

Буряты в Туве

Еще в период ТНР работали здесь буряты: молодой кудрявый марксист-публицист Нацов (Шойжелов), погиб в 1937 году, а еще Г. Тапханаков после КУТВа был в ученом комитете и совпартшколе.

В 40-50-е собиралось землячество: И. Упкунов, врачи Халбаева и Добылова, учителя Антоновы из Сарыг-Сепа, Ханхалаев. Хирург Бадмаев работала в Кызыле 51 год, она вырастила сына О. Махагарова - народного врача-гинеколога.

Среди ветеранов-старожилов: врачи Бааев, Тасханов, учителя Степановы из Чадана, геолог Габеев, архитектор Хараев. Много сельхозспециалистов: Соскинов, Башанов, Хунданов, Хангаев, Тыхеев, Шагнаев.

Г. Тулусоев и его жена Ульяна Григорьевна внесли большой вклад в развитие экономики. Дочь Оксана работает глазным врачом. 35 лет работали Аюшиновы на станции химизации, объехали все районы, учили агрономов. Дети В. Хангаева-агронома стали хорошими специалистами, Виктория Валентиновна прекрасный учитель в Шагонаре, и ее брат, Василий, там же. Заслуженный тренер Манзанов вырастил многих спортсменов за полвека в школе.

90 лет прожил фронтовик М. Убаев, дошел до Берлина, строил мосты и переправы и в Туве, работал буровым мастеров на больших стройках. Имел много наград. В Туве работали в КГПИ кандидаты наук Д. Бурхинов и Д. Хадаханэ, их помнят студенты. Много лет трудилась в библиотеке имени А. С Пушкина С. Сергеева. Ее дочь Аюна успешно трудится в республиканском лицее. Там же работает историк Туяна Чореве. Хорошо помнят семьи Тонтовых, Марковых, Малановых, Халагаевых.

Сложилось много бурятско-тувинских семей: Донгак, Сегбе, Камаа, Назын-оол, Жаповы, Эрдыниевы. Наши предприниматели: А. Таршинаев, И. Иванов (врач), С. Борходоев (связь), Б. Бадмацыренов (пекарня). Русские земляки из Бурятии - Неокладнов, Павловы. В районах трудятся Хажеев,

Апханов, Данхалов (Шагонар). Велик их трудовой вклад и вклад во взаимопонимание наших народов. Появились молодые семьи-новоселы разных специальностей, и это радует.

Много общего в традициях и обычаях наших народов. В Туве живет около ста семей, приблизительно 350 человек. Раньше было больше, в советские годы, старшее поколение уходит, молодые едут на учебу. Многие тувинские ученые защищались в Улан-Удэ. У Л. Сахьяновой учились балету. Б. Халзанов снял кинофильм "60 беглецов". Общались А. Сахаровская И. Салчак, Б. Ямпиров и А. Чыргал-оол. Тувинцы часто бывают в Иволгинском дацане. 400 студентов из Тувы учатся в Бурятии. За двадцать лет центр "Байкал" принимал писателей, лам, депутатов, артистов - гостей Тувы.

"Смеются одинаково все люди, и плачут одинаково все люди". 100-летие - это наш общий праздник.

Читайте иногда стихи

Волнуясь от воспоминаний, читаю антологию тувинской поэзии. 450 страниц - сколько дорогих знакомых имен. Вижу добрейшего С. Сарыг-оола, мудрого С. Пюрбю, ироничного С. Сюрюн-оола, задорного О. Сувакпита, погруженного в себя Ю. Кюнзегеша. И всплывают в памяти строчки их стихов о Туве, Енисее, коне, юрте, маме - прекрасная панорама. В год литературы хорошо бы напомнить их по радио или на конкурсах чтецов. У людей стало плохо с памятью, а было время, молодежь знала наизусть поэму "Чечек". На моих глазах поднималась и расцветала тувинская литература, я ездила с докладами в Москву, выступала в московских вузах, и даже позже - в Ригу, где читала лекции студентам.

Книга двуязычная, огромную работу сотворил составитель Николай Куулар, главный редактор Тувинского книжного издательства, собрав в ней стихи 46 поэтов разной судьбы и стиля. Давно ждали мы такого подарка.

Негромким лирическим голосом помнится поэт с обожжённым лицом Монгуш Олчей-оол. Тема памяти, опора на традиции, люди труда, верность в любви и дружбе и народные триады-загадки: три белых, три черных.

...Всё зовет меня степь полудикая,
Где приветная юрта стоит.

Удивляла сила его духа и своеобразный юмор народных анекдотов в прозе.

Среди поэтов есть учителя, врач, рабочий, лама, артисты. Владимир Серен-оол был ярким артистом, драматургом и поэтом. Он привнес новые темы, наполнил лирическим огнем старые, без декларативности, сердечно воспевал в триптихе юрту или горловоопение.

...Как горный лед, звенит сыгыт, в ответ поет струна.

Он над Тувой сейчас звенит,
а слышит вся страна.

Снова удивил искренностью, свежестью чувств, тихой грустью Монгуш Доржу, не оцененный при жизни. Табунщик с песней, любимые глаза, ручеек, серьги, звезды, уход друзей, гибель собаки, дождь и там ранит грубое слово.

...От резких слов на сердце иногда
Жестокая ложится борозда,
ведь слово каждое так много значит!
И сердце долго безутешно плачет...

Трудно забыть строки нашего бывшего студента Антона Уержаа, талантливого поэта-романтика: "Вьется жизнь моя ниткой тонкой". В его стихах вечные ценности: раздумья о мире и смысле жизни, поиск счастья, мотив одиночества, разлуки (были трудные 90-е годы) и неповторимость лирического дара: дымом артыша развеять пожар войны, душу обжигает запах полыни, как найти Человека.

...Я ищу свое счастье бедовое,
Как пропавшего ночью коня.

..Хочется заплакать временами,
Зарыдать, как там, в далеком детстве,
Подбежать, повинно всхлипнув, к маме,
И в лучах ее любви согреться.

Как много не успел он высказать, выразить своим проникновенным словом.

Овюрский поэт Сылдыс Донгак запомнился философскими стихами. "Жизнь - это ножницы, земля и небо - лезвия, а тонкий волос - моя жизнь". Есть первозданность чувств в его кратких миниатюрах о матери, возлюбленной, стели.

Нежно, сердечно звучат голоса женщин-поэтов, их много, и все такие разные: Е. Танова, З. Намзырай, З. Байсалова, Н. Серенот, М. Кужугет, Л. Иргит, А. Ховалыг, С. Комбу, С. Ондур, Л. Ооржак. Простодушные, открытые, мятежные, дерзкие - у каждой речки свой голос. Пронзительно пишут о материнстве и детстве, о болях и обидах одиночества, страстно и откровенно - о взаимоотношениях в любви. Их стихи нужны не только школе, как поздравление к 8 Марта, а повседневно - для пестования в молодых ростках чуткой души.

Тувинская поэзия заметно изменилась за последнюю четверть века в языке, самоанализе, мыслях о Боге и смерти.

Выделяется поэт Э. Мижит «лица необщим выраженьем» - космист витает далеко с глубокой философией о мире и человеке, оригинальны даже названия циклов, и сложна туманная метафора. Читатели могут сами разгадывать его поэму о юрте в пяти частях. Как вам "теплая талия юрты"? Студенты могут сопоставить самопереводы на тувинский язык в рефератах.

За ним идут молодые поэты, иногда страдая эпигонством, не вникая в суть формы - не творя своего, а перенимая то, что модно.

Во многих стихах разных поэтов звучит ностальгия по детству, степи, юрте - кочевья предков еще зовут. Городская суета мало дает вдохновения... Суть жизни постигая в селе, тоньше видят ее разнообразие О. Тун-оол и А. Бегзин-оол. Не стреляйте живое, не смейся над обидой, не злословь напрасно, а как сильно звучит мужская лирика...

Быть поэтом трудно, муза капризна. Слабеет приток молодых талантов, надо искать, учить, растить.

В Туве известны русские поэты: пламенная С. Козлова, изящная Г. Принцева, романтическая Э. Цаллагова. "Тува смуглыми и сильными руками сердце мое бережно взяла" -

лаконичный волевой Е. Антуфьев. А еще философ А. Емельянов, Ю. Вотяков, еще одна Принцева - младшая. Прекрасно, что они вошли в антологию, став частью тувинской поэзии не только в переводах с тувинского стихов своих коллег. И это соседство не просто жест дружбы, а потребность во взаимообогащении творцов.

Как много перевела С. Козлова за 40 лет творчества разных поэтов, открыв русскому читателю тувинский мир. Прочитайте хотя бы "Кызылский мороз" К. Кудажи - так звонко и мелодично это стихотворение.

Правда, не всегда удачен выбор стиха, есть слабые самодельные переводы. Увы, но новых переводчиков, тем более таких, как И. Фоняков, найти сейчас трудно. Может, зря не попала в антологию нарядная поэма о Саине В. Ермолаева. И еще одно царапнуло: темно-коричневая мрачная обложка сборника - наверное денег издателям не хватило... Жаль. Эта книга - надолго. Народ теперь читает мало, поклонников поэзии еще меньше, хотя можно ведь учить стихи наизусть, развивая память. Поэзия - пища для души, она развивает вкус, дает богатство эмоций...

Пусть мое восхищение продолжит читатель, найдет в этой книге себе что-нибудь по душе, задумается, улыбнется, загрустит. Обещаю, что вас ждет радость открытий.

Народ помнит его

Под эгидой Русского географического общества в серии "ЖЗЛ" вышла долгожданная книга «Салчак Тока». Вышла, спустя 42 года после его ухода из жизни. Ее объем - 540 страниц, тираж - 1530 экземпляров.

Читаю биографию с интересом и ностальгией. Среди авторов Н. Моллеров, А. Канзай, Г. Ширшин. Эмоционально, с опорой на «Слово арата» описаны детство и юность Токи. Названо имя матери - Кадынай, именно она направила сына к русским людям. Рассказано, чем занимался 10 лет батрак Тывы: сенокос, пахота, лошади. Только вот почему сестра Кангый стала вдруг братом?

Объемно представлены годы учебы в КУТВе. Он был

уже взрослым человеком, под 30 лет. Какие были предметы, учителя. Башкы Пальмбах показывал в лицах и сценках понятия, зверей, сам попутно учился тувинскому языку у своих студентов. Политическая обстановка тех лет. Среди студентов Тока выделялся стремлением к знаниям, открытостью и даже щегольством: на фото в галифе, галстук и блестящих сапогах. Надо было для контраста рядом поставить фото Ермолаева: до отъезда в Москву, Тока - простой парнишка с растрепанными волосами.

Глубокому анализу подчинены главы о становлении партийного вожака. Может быть, оправданно, что портрет Токи создан на фоне истории, но иногда она отодвигает биографию. Форма изложения - научная работа с элементами публицистики. Собраны архивные данные, воспоминания, дневник, который вел Тока долгие годы. Он сам по себе представляет яркую канву жизни - стоит опубликовать отдельно, для будущего романиста - готовый сюжет: перечислены люди, достоверные события - их много. Ярко показана острая борьба за письменность. Детально изложены трагические события 30-х годов с борьбой левых и правых сил. Отражена помощь Тувы фронту в цифрах. Особенно интересны встречи в Москве в конце войны с Молотовым, Калининным, их беседы о вступлении Тувы в состав России, острые вопросы.

По записным книжкам Токи подробно рассказано о создании Тувы советской. Рисуется широкая картина развития экономики, культуры, создание комбинатов с привлечением молодежи всего Союза. 30 лет Советской Тувы при Токе поражают размахом, масштабом, скоростью создания школ, больниц, совхозов, заводов. Он был счастлив новой Тувой. Отчетливо виден бурный темп жизни Токи, его организаторский талант. Нелегко шла адаптация народа к новой жизни - коллективизация, переход на оседлость, появились новые профессии рабочих. В Туву приехали сотни русских врачей, учителей, экономистов, строителей, инженеров, аграриев - многих Тока знал лично в лицо. Создавались МТС, совхозы. Из России шел поток техники, тракторов, грузовиков. Встречаются знакомые имена: Соловьев, Астафьев, Зайцев, Юртаев, К 20-

летию Тувы появились первые герои соцтруда - У.Кандан, О. Лопсанчап.

С. Тока в блокнотах отмечает: пекут хлеб, построили бани, просят кино, нет стекла для новых домов - житейские заботы. Он сам учился вопросам развития промышленности в Ак-Довураке и Хову-Аксы. Охотно, с энтузиазмом, познавая новые стороны жизни. Невольно грустно думаешь: куда все исчезло, пропало?

Интересные трактовки и ракурсы нашли авторы раздела о литературном творчестве Токи - З. Самдан, У. Донгах, М. Кужугет. «Слово арата» - классическое произведение соцреализма, главная книга. «Сложно читать сегодня» - авторская партийная тенденциозность, двухслойное повествование, секретарская литература, можно вспомнить В. Лациса и Ш. Рашидова. Критикуют метод соцреализма спустя многие годы, не оставляя прав быть самим собой в историческом времени. «Не был аратом», но стал лидером народа, просветителем и созидателем, выйдя в мировую цивилизацию. Интересна мысль о конфликте восточного и западного мироощущений.

Дан широкий анализ публицистики и драматургии, в том числе и бессмертного «Тонгур-оола»: идеология превалирует над художественной составляющей. Натурализм, пережитки прошлого, предвзятые характеристики. Что ж, каждое поколение читает по-своему, с этим стоит согласиться.

Есть вопросы к оформлению книги. На обложке - портрет Токи в генеральском мундире с семью орденами Ленина. Слишком уж парадно, а парадности в его делах и жизни было немного. Есть ведь сотни других, человеческих фото, можно сделать целый альбом. А снимки с паспортов мало отличаются друг от друга и не передают обаяние личности. Воспоминания родных лучше бы напечатать без их биографий. Суховатые строки бывших коллег - за казенными фразами нет личности, а характер проявляется в случаях, сценках, из рассказов Модогоева или Дандар-оола. Хорошо плясал, знал много частушек и анекдотов, любил спорт, мог, не стесняясь, лечь на полу аэропорта. Нет воспоминаний простых людей, не

начальников, кроме А. Огневой. А народ его помнит. Круг ограничен Тувой, хотелось бы узнать о его встречах в стране, за рубежом, на лечении в Чехии. Его знали многие в Москве, республиках, хотя бы соседи - красноярцы Федирко, Долгих всегда встречали Току в аэропорту. Он был добрым, дал свою фамилию приемных детям - интересное древо жизни получилось. К сожалению, перепутаны даты смерти сыновей, 1994 и 2008 годы, - недосмотр редактора. Дана подробная библиография его трудов - 367 названий. А вот рецензий на его произведения нет, хотя их было много.

«Тока в жизни был чужд высокомерия, бюрократизма, никогда не подчеркивал своего высокого служебного положения, всегда был открытым, простым и доступным», а сейчас тщеславие, честолюбие, зависть видны у многих. Споры 90-х лет о Токе улеглись. И эта книга нужна. Придет время, уверена, и кто-то напишет об этой уникальной личности иначе, в жанре биографии в его чистом виде.

ФОТОГАЛЕРЕЯ

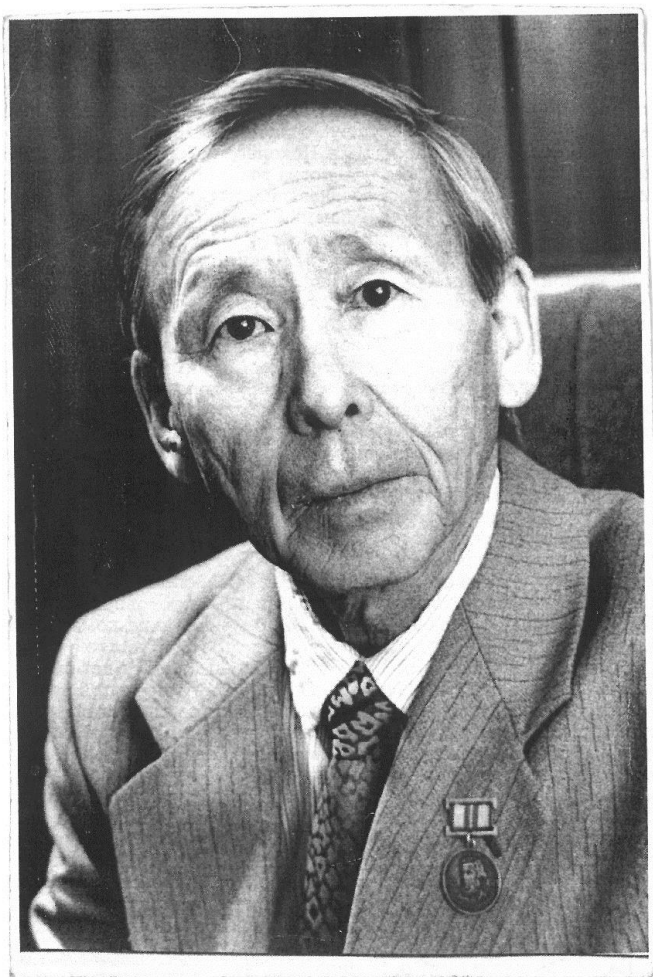

Научно-популярное издание

Хадаханэ Мария Андреевна

Тувинские страницы

Редактор А.Р. Норбу
Дизайн обложки К.К. Сарыглар

Сдано в набор: 29.09.2020. Подписано в печать: 13.10.2020.
Формат бумаги 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная.
Физ. печ. л. 13,6. Усл. печ. л. 12,6. Заказ № 1630. Тираж 500 экз.

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Ленина, 36
Тувинский государственный университет
Издательство ТувГУ